Источниковедение в школе 2023

№ 2 (20)

В память академика Николая Николаевича Покровского

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу.
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС12–0005 от 17.11.2004 г.

Журнал для учащихся и учащихся

Содержание выпуска:

ОТ РЕДАКЦИИ 3

ТРИ ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКА ПО НАШЕЙ ИСТОРИИ

Лекция 1.
«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» 5

Лекция 2.
«СТЕПЕННАЯ КНИГА ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ» 35

Лекция 3.
«ЛАТУХИНСКАЯ СТЕПЕННАЯ КНИГА» 69

ПОИСКИ И НАХОДКИ ДРЕВНИХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

Лекция 1.
СИНАЙСКИЙ КОДЕКС 109

Лекция 2.
КАИРСКАЯ ГЕНИЗА 125

Лекция 3.
КУМРАНСКИЕ РУКОПИСИ 139

ШАГ К ИСТОКАМ. Послесловие 159

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ 160

6+

Учредитель: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского

Адрес редакции, издателя Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского
ул. Академическая, 3, г. Новосибирск 630090, РОССИЯ
Тел./факс: (383) 3332810
e-mail: orthgymn@gmail.com
http://orthgymn.ru

Главный редактор:
протоиерей Борис Иванович Пивоваров — доктор богословия, председатель Попечительского совета Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского

Редколлегия:

Л. П. Талышева, канд. экон. наук, директор гимназии
О. Г. Щеглова, канд. филол. наук, зам. гл. ред.
Димитрий Долгушин, протоиерей, д-р филол. наук
Андрей Баженов, протоиерей
О. А. Павлова, канд. пед. наук
С. Ф. Ахмадиева
М. К. Третьякова
Д. С. Желябовский
Е. Ю. Бабенков

Компьютерная вёрстка: Е. Ю. Бабенков

На обложке — фото академика Н. Н. Покровского во время его последней публичной лекции в Доме учёных СО РАН 3 ноября 2012 г.

Выпуски журнала публикуются на сайте гимназии *http://orthgymn.ru/istved* и на сайте Отдела образования и просвещения Новосибирской Епархии *http://oopnm.ru/istvedsch/*

Тираж 100 экз. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать: 9.10.2023.

Дата выхода из печати: 12.10.2023.

Отпечатано в ИП Малыгин А.М.

Адрес типографии: просп. Лаврентьева, 6/1,
г. Новосибирск 630090, РОССИЯ.
Тел.: +7 (383) 2174346 e-mail: copy@alexpress.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

13 октября 2023 года исполняется 10 лет со дня кончины нашего учителя — Незабвенного Николая Николаевича Покровского.

К этой памятной дате Православной гимназией во имя Преподобного Сергия Радонежского подготовлен очередной — 20-й номер журнала «Источниковедение в школе», в котором помещены лекции, прочитанные в гимназии академиком Николаем Николаевичем Покровским в 2007 и 2011 годах.

В 2020 году, когда исполнилось 90 лет со дня рождения Николая Николаевича, гимназией был выпущен 15-й номер «Источниковедения в школе» — **«Время издавать источники»**. В нём содержатся тексты лекций по Смутному времени, которые учащие и учащиеся Православной гимназии слушали в 2010 году и которые стали органичным продолжением предыдущего цикла из двенадцати лекций, прочитанных Николаем Николаевичем в 2009–2010 учебном году и напечатанных в книге «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках»[1].

Настоящий выпуск «Источниковедения в школе» продолжает публикацию ранее неизданных лекций академика Николая Николаевича Покровского.

В данном выпуске содержатся два цикла источниковедческих лекций.

Первый, по словам самого Николая Николаевича Покровского, «представляет три важнейших источника по отечественной истории: **„Повесть временных лет“, „Степенную книгу царского родословия“, „Латухинскую Степенную книгу“»**. Этот курс лекций был прочитан в сентябре-октябре 2011 года.

Второй цикл лекций, публикуемых в настоящем выпуске «Источниковедения в школе», Николай Николаевич озаглавил так: «Поиски и находки древних библейских текстов». Первая лекция — **«Синайский кодекс»**. Вторая — **«Каирская гениза»**. Третья — **«Кумранские рукописи»**. Эти лекции учащие и учащиеся Православной гимназии слушали в апреле 2007 года.

При чтении лекций Николая Николаевича вспоминается то, с каким вдохновением он делился со слушателями своими богатейшими знаниями по отечественной истории и мировой культуре. Вспоминается также его замечательная книга «Путешествие за редкими книгами», изданная в 1984 году[2].

---

[1] *Покровский Н.Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. – Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2013.

[2] *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами / Вступ. ст. Д.С. Лихачёва. – М.: Книга, 1984; 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988; 3-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005.

Лекции Николая Николаевича отражают прекрасное знание исторических источников. По ходу лекций он говорил: «Я старался дать по возможности больше сведений об источниках, не только письменных — повествовательных и документальных, но и предметных». Поэтому для лучшего усвоения слушателями исторических сведений Николай Николаевич сопровождал свои лекции тщательно подобранным иллюстративным рядом: изображениями документов, картами, схемами, портретами исторических личностей, картинами известных художников, фотографиями храмов, монастырей, икон и другими свидетельствами об изучаемой эпохе, помогающими ярче представить описываемые им события.

Одним из важнейших вопросов при исследовании отечественной истории для Николая Николаевича был вопрос о взаимоотношении Церкви и государства. Завершая цикл лекций о «важнейших источниках по нашей истории», он сказал следующее: «Пожалуй, самое главное, о чём я хотел вам сказать: **история Церкви неотделима от истории общества. Это единый исторический процесс.** И желательно, чтобы история нашей страны учитывала все стороны этого процесса — и светскую, и церковную, — и учитывала по единым источниковедческим критериям, то есть по единым критериям подхода к источнику».

Жизнь и деятельность Николая Николаевича Покровского были всецело посвящены служению отечественной исторической науке и культуре. Его построенные на источниках лекции по русской истории являются бесценным вкладом в дело обновления исторического образования в России в целом и в частности в школе. Пока составители новых линеек учебников по отечественной истории ещё отчаянно спорят о «трудных моментах» нашей истории и учатся писать новые учебники для школы. Дай Бог, чтобы они не прошли мимо богатейшего педагогического наследия академика Николая Николаевича Покровского.

Издатели настоящего номера журнала «Источниковедение в школе» выражают надежду, что преподавание родной истории в школах России начнёт реально обновляться и что лекции Николая Николаевича Покровского послужат этому важному делу.

Три важнейших источника по нашей истории

Лекция 1. «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Многолетние мои лекции в Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского с благословения отца Бориса мы определяем как заседание кружка «Источниковедение в школе». В гимназии выходит журнал — «Источниковедение в школе». И цикл из трёх лекций[1], которые я намереваюсь, если Господу будет угодно, вам прочитать на этот раз, в отличие от других, — гораздо более **источниковедческий**.

Я хочу вам представить три важнейших источника по нашей истории: **«Повесть временных лет»**, **«Степенную книгу царского родословия»** и тот важный источник XVII века, который в эти дни я издаю, — **«Латухинскую Степенную книгу»**. И, как водится, рассказать о том, как они возникали и каков был кругозор авторов, которые их создавали: что они точно знали, что они очень неточно знали, чего они вообще не могли знать. Потому что источниковедческое изучение текстов предполагает определение, достаточно критическое, всех этих вещей и того, какова была тенденция у источника.

Сначала несколько слов о главных терминах **источниковедения** и связанной с ним **текстологии** — наук об обнаружении, критике и издании источников. Это — следующие понятия, термины, о которых я хотел бы, чтобы вы знали.

В первую очередь понятие **текст** — казалось бы, самое простое, но во многом и самое загадочное. Текст, как некоторые наши учёные иногда говорят, имеет странное свойство отделяться от своего материального носителя и путешествовать через века. Но и действительно, текст «Повести временных лет», о котором я буду сегодня рассказывать, — это и в Лаврентьевской летописи 1377 года, и в издании Дмитрия Сергеевича Лихачёва (1906–1999), Варвары Павловны Адриановой-Перетц (1888–1972) 1950 года и т.д., и т.д.

---

[1] Курс лекций был прочитан академиком Николаем Николаевичем Покровским учащим и учащимся Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского в период с 24 сентября по 22 октября 2011 года. — *Прим. ред.*

Лекция академика Н. Н. Покровского в Православной гимназии
во имя Преподобного Сергия Радонежского

Древнерусский текст мы узнаём в рукописных **списках**. До книгопечатания все тексты, которые писатели, читатели и книгописцы того времени считали важными, переписывались из одной рукописи в другую. Данные рукописи — это **списки текста**. Бывало (и нередко), что при переписке в текст вносились изменения, случайные ошибки, некоторые другие изменения. И когда эти изменения, в общем, не меняли целенаправленно в каком-то направлении первоначального текста, — это были списки, как мы говорим, одной и той же редакции. При внесении в текст целенаправленных изменений, даже языковых, — это уже новая его редакция. Значит, есть **список** и есть **редакция** текста. И мы с вами сегодня будем говорить о списках и редакциях «Повести временных лет». А если изменения достигают какого-то серьёзного уровня — перед нами уже вообще новое произведение. Так, «Степенная книга» и «Латухинская Степенная книга», как я буду потом рассказывать, — это уже разные памятники, разные произведения, хотя и серьёзно связанные друг с другом.

Мы говорим **летопись**. Что значит это слово? Вы понимаете: это когда история пишется по годам, по годовым статьям. Лето — год: в лето такое-то было то-то, в лето такое-то было то-то и т.д. Но летописцы, особенно в начале (наиболее это важно для «Повести временных лет»), зачастую не знали точной даты события, а для многих лет вообще не знали, происходило ли что-нибудь в эти годы или нет. Отсюда — важная характеристика

летописи, и особенно «Повести временных лет»: с одной стороны, летопись может связный рассказ о каком-то едином событии разбивать, а подчас и произвольно разбивать, на отдельные годовые статьи, то есть цельного рассказа как какой-нибудь исторической повести вы не увидите; а с другой стороны, бывает, что и события разных лет, но связанные между собой, летопись объединяет в одну статью. Вот то, о чём мы с вами будем говорить, — это очень и очень важная вещь. Уже поэтому мы должны относиться к источнику этого рассказа и его датам во многом критически. Если в летописи под одним годом записаны разные события, то это не значит, что они обязательно в этом году совершались, и наоборот.

* * *

О **«Повести временных лет»** мы знаем, что её автором был знаменитый киево-печерский монах **Нестор Летописец** (в сегодняшних святцах Русской Православной Церкви он так и именуется — Нестор Летописец), о котором нам даже кое-что известно. Известна дата его кончины — 1114 год. И приблизительно выводится дата его рождения — 1056 год. Известно, что где-то после 1078 года он был рукоположен в дьяконы. Известно также, что память его празднуется Церковью 27 октября (9 ноября по новому стилю).

Нестор Летописец.
Художник В. Васнецов

И мало того, кроме «Повести временных лет», известны другие его сочинения, что, как вы понимаете, особенно интересно.

В частности, это **Чтения о святых страстотерпцах Борисе и Глебе**. Борис и Глеб, как вы знаете, — из первых русских святых, братья, сыновья Владимира Святого, убиенные старшим братом Святополком Окаянным. Чтения — это связный рассказ вроде жития с некоторыми отличиями.

Этот текст лёг в основу другого текста (некоторые говорят, что он был тоже составлен Нестором, другие считают, что не им) — **паремийных чтений о Борисе и Глебе**. Паремийные чтения читаются на церковной службе по вечерам в определённые дни. Как правило, это ветхозаветные чтения и некоторые другие, но несколько

Лаврентьевская летопись. 1377 г. Лист 1об. – 2

раз сюда вклиниваются и чтения о русских святых. Кстати, очень интересная рукопись середины XV века (по водяным знакам) была обнаружена в наших экспедициях. Она содержит и текст паремийных чтений о Борисе и Глебе. И по ней уже есть целый ряд интересных работ.

Кроме этого, совершенно достоверно известно, что Нестору принадлежит ещё один памятник — **Житие Феодосия, игумена Печерского** (первого печерского игумена). Кстати, известно же, что сам Нестор играл очень большую роль во время обретения мощей игумена Феодосия в 1091 году и составил его житие — памятник, который будет многократно цитироваться в разных летописях и других наших памятниках письменности.

Перед вами — один из списков «Повести временных лет» Нестора Летописца. Из рукописей этот текст самый древний, который дошёл до нас, хотя и в изменённом виде, не в первой редакции. Это, как известно, **Лаврентьевский список 1377 года**.

И ещё один из списков, который я вам сегодня буду много показывать, потому что это тоже редчайшая вещь. Это список иллюстрированный, или, как в древности говорили, лицевой список (в лицах), — **Радзивиловская, или Кёнигсбергская, летопись** первой половины XV века (некоторые считают, что первой его четверти, но точно сказать нельзя).

Конечно, у нас с вами нет портрета преподобного Нестора, что очень жаль, но куда деваться? Большинства исторических деятелей вплоть до XVI века изображений портретных у нас нет. Но я не могу не показать вам блестящего изображения — скульптуры Нестора Летописца нашего известного скульптора Марка Антокольского (1843–1902).

Радзивиловская (Кёнигсбергская) летопись. XV век

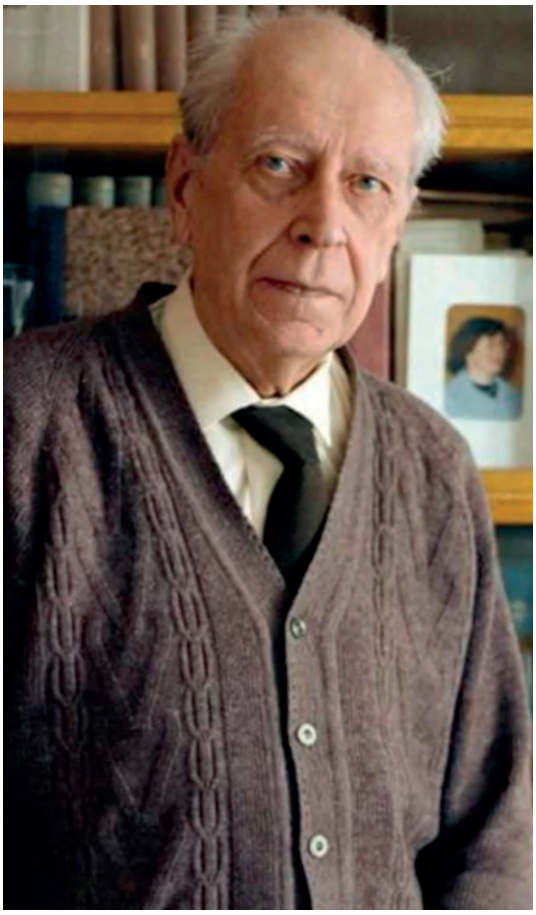
Эта скульптура в нашей культуре стала чем-то вроде эталонного его изображения. Хотя, как вы понимаете, это — художественный вымысел.

«Повесть временных лет» — это часть заглавия повести. Полное — «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуду руская земля стала есть».

Понятно, что Нестор, писавший в начале XII века о событиях IX–X веков, пользовался многими-многими источниками, в том числе и рядом письменных источников. Я вам представлю один из главных его источников, русский источник, но далеко-далеко не единственный.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв считал, что около 1037 года (дата не случайная, это дата освящения киевского кафедрального собора Святой Со-

Нестор Летописец. М. Антокольский. 1890. Русский музей. Санкт-Петербург



Академик Д. С. Лихачёв (1906–1999)

фии в митрополии) возник памятник, который он условно назвал **«Сказание о первоначальном распространении христианства»**. Согласно Д. С. Лихачёву, в этот памятник входило несколько отдельных рассказов. И мы не знаем, только ли в устной форме или уже и в письменной. Сразу же скажу вам, что, когда такая огромная толща лет лежит между событиями и тем, кто их описывает, устные источники со всеми их достоинствами и недостатками играют огромную роль, в том числе и в «Повести временных лет» (попробуйте вычленить из цикла легенд о богатырях Киевской Руси реальную правду, она там есть, но вычленить её не так просто). Так вот, Дмитрий Сергеевич считал, что в этот памятник входили отдельные то ли устные, то ли уже записанные сочинения о крещении княгини Ольги, о её смерти, о первых русских мучениках-христианах варягах Фёдоре и Иоанне. Далее следовала какая-то значительная часть очень большого текста «Повести временных лет» о Крещении Руси при святом князе Владимире и, в частности, основывающийся на Священном Писании рассказ некоего греческого философа с основами христианской веры и христианской истории, а главное, с основами христианской догматики — вероучения. Сюда же Лихачёв относит и первые сказания о Борисе и Глебе (до текста Нестора), и Похвалу великому князю Ярославу Мудрому. «Сказание о первоначальном распространении христианства» — это один из источников. И он, в свою очередь, использовался в других, не дошедших до нас памятниках уже, несомненно, письменности.

Таким образом, при митрополичьей церкви Святой Софии в Киеве был создан древнейший свод. Затем печерский игумен Никон переработал его с 1073 года в **Первый Киево-Печерский свод** (каждый раз при этом прибавлялись всё новые и новые источники). Затем возник так называемый **Начальный свод игумена Киево-Печерского монастыря Иоанна**, в котором, в частности, уже точно были новгородские известия — известия из возникавшего параллельно новгородского летописания. И вследствие этого, сразу скажу, в какой-то мере сочинение Нестора включает в себя не только киевское, но и новгородское летописание. Но вот в какой мере, как и что — это предмет долгих разысканий учёных. И лишь затем, в 1110 или 1112, 1113 году, как некоторые думают — за год до своей кончины, Нестор

создаёт «Повесть временных лет», основываясь на этих источниках, а также и на многих-многих других. Но прежде чем говорить о них, посмотрим дальше, как было дело.

В 1116 году игумен Выдубицкого монастыря[1] Сильвестр создаёт свою редакцию (это не список, это действительно редакция) «Повести временных лет». И мы в тексте Лаврентьевского списка обнаруживаем такую запись: «Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Летописець, надеяся от Бога милость прияти при князи Володимере [Мономахе. — *Н.П.*], княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила въ лето 6624 [1116] индикта 9. А иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ»[2]. В конце — очень частое, вполне понятное пожелание русских книжников.

И, наконец, ещё одна важная редакция «Повести временных лет» появилась вскоре же за первой — в 1118 году. Лучше всего она отражена в так называемой **Ипатьевской летописи**, но не только. Возникла она в новгородских землях, по-видимому, когда ими одно время правил Мстислав Великий (1125–1132), будущий преемник Владимира Мономаха, ставший великим киевским князем после этого знаменитого правителя. Кстати, именно по указу Мстислава Великого было написано, и это занесено в текст, Евангелие — одно из первых дошедших до нас пергаменных Евангелий. Это Евангелие-апракос — в нём текст представлен не по четырём евангелистам (Матфей, Марк, Лука, Иоанн), а в порядке следования церковных служб, когда читаются те или иные отрывки из Евангелия. У нас одна из великолепных учёных-археографов, член Археографической комиссии Лидия Петровна Жуковская, которая много лет изучала эту книгу, старалась её издать. Но как в советское время можно было издать Евангелие? Остромирово Евангелие, которое древнéе, и то невоз-

Л. П. Жуковская (1920–1994)

[1] Михайловский Выдубицкий монастырь был на южной окраине Киева (сейчас уже — в черте города). Монастырь известен тем, что именно туда прибыла статуя Перуна, которую после Крещения Руси князь Владимир приказал бросить в реку. — *Прим. Н.П.*

[2] В начале лекции цитаты из «Повести временных лет» Н. Н. Покровский приводит по Лаврентьевской летописи («Полное собрание русских летописей». Т. 1. – М.: «Языки русской культуры», 1997). — *Прим. ред.*

можно было издать. Жуковская предприняла следующий шаг: она озаглавила книгу «Апракос Мстислава Великого» — и так Евангелие было издано. Очень непросто, не по очень жёстким археографическим правилам. Но это немного в сторону...

Таким образом, три редакции... С них снимались десятки и десятки копий. Долгие столетия почти любая русская летопись начиналась с того, что переписывала в начале «Повесть временных лет. Откуда пошла Русская земля», а потом уже писала последующие события. Так что памятник этот по праву является во многом **центральным** для русской истории, для получения русичами знания о своей истории, то есть для истории исторической науки, исторических знаний. Историческая дисциплина, изучающая это, называется **историографией**. Мы с вами занимаемся сейчас источниковедением и историографией одновременно.

Но я возвращаюсь к вопросу об **источниках**, которые были использованы при написании «Повести временных лет». Кроме тех источников, о которых я говорил, было немало других. И прежде всего мне хотелось бы сказать о Несторе Летописце: очень большое достоинство его в том, что он сумел привлечь сведения из византийских летописей — **хронографов**, как они назывались, в том числе и из важнейшего из них — хронографа Георгия Амартола и других.

Значительное отражение в «Повести временных лет» нашёл **фольклор** разного типа. Прежде всего это **героические сказания о подвигах князей**, в устном виде во всех странах Европы передававшихся из уст в уста в течение веков, в том числе и наши русские князья не были исключением. В «Повести временных лет» есть блестящее описание воинских подвигов князя Святослава и некоторое другое.

Считают, что отдельно от преданий о подвигах князей, был и фольклор об особой прослойке — дружинниках княжеских, потом ставших боярами. И здесь следует назвать такой тип фольклора, как **былины**. Одна из самых замечательных из них — былина о Добрыне Никитиче. Это историческое лицо, о чём свидетельствует другая группа фольклорного материала, используемого в «Повести временных лет». Под 1106 годом Нестор Летописец пишет: «От негоже [Яна — речь идёт о Яне Вышатиче. — *Н.П.*] и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в Летописаньи семь». Он прямо говорит, что это **семейные предания** рода Яна Вышатича — рода, как оказывается, знаменитого. «Повесть временных лет» прослеживает деяния семи поколений этого рода, начиная со времён князя Игоря, где дважды упоминается далёкий потомок Яна Вышатича Свенельд — богатый дружинник князя, известный по другим, не только русским источникам. В этом роду и Добрыня Никитич, в этом роду и целый ряд новгородских посадников, включая и известное вам имя новгородского посадника Остромира с его Евангелием 1056 года.

Ещё один очень интересный тип фольклора — это так называемые **топонимические легенды**. Топонимика — наука о названиях географи-

ческих. Есть, и не только у нас, а и у большинства европейских народов, такая интересная особенность: исторические названия — невероятно устойчивая вещь, устойчивее многого другого: проходят многие поколения людей, а Киев по-прежнему называется Киевом. Сколько в XX веке городов пытались переименовать, но сейчас всё равно бóльшая их часть вернулась к своим прежним названиям. В устном народном творчестве давно возникла попытка объяснить эти названия тем, что они были сделаны в честь кого-то из знаменитых деятелей. Это будет и в XVI, и в XVII веке, не только при Несторе. Я вам вскоре расскажу об одной из таких топонимических легенд...

И наконец, нельзя не сказать о таком важном источнике, как **документы**. В «Повесть временных лет» впервые включаются подлинные документы. Сама летопись — это повествовательный, нарративный, как говорят, источник. А в него включён другой тип источника — документы и акты. Это различные договоры, распоряжения правительства, акты о покупке и продаже земли, сюда же из этого типа источников включены договоры русских с греками 907, 912, 945, 971 годов и многие-многие другие документы.

А теперь попытаемся пробежаться по самому **содержанию «Повести временных лет»** — конечно, не по всему (это нужно рассказывать всю нашу древнейшую историю), а по самым узловым моментам.

«Повесть временных лет» начинается отнюдь не с погодных статей. Ей предшествует очень большая этнографическая, как говорят, часть, которая рассказывает о происхождении разных народов, их расселении, начиная с сыновей Ноя.

У Ноя, по Библии, было три сына: Сим, Хам и Иафет. И бóльшая часть европейских, и не только европейских, народов, включая славян, ведёт себя, так сказать, от Иафета. И мало того, есть даже термин в лингвистике — «иафетические языки». К древнейшим из них относятся язык предков д'Артаньяна — гасконский, или баскский, язык и современный чеченский.

Эта большая часть «Повести» имеет и очень интересный раздел **о славянах**. Здесь есть тот перечень восточнославянских племён, с которого мы всегда начинаем изучение происхождения Российского государства. В «Повести временных лет» Нестор пишет, что было в то время княжение «свое в полянах [племя вокруг Киева. — *Н.П.*], а свое в древлянах [севернее, с которыми поляне более всего воевали и которые убили князя Игоря], а свое в дряговичах» и у других племён — всего двенадцать славянских племён населяло Восточно-Европейскую равнину. Иначе говоря, уже **какая-то княжеская власть была до того, как начинаются погодные записи**. И наши археологические источники подтверждают: да, именно так оно и было.

И в этой части рассказывается о **трёх князьях полянской земли** — это типичная топонимическая легенда, о которой я обещал вам рассказать.

Кий, Щек, Хорив и Лыбедь. Радзивиловская летопись. XV в.

Может быть, вы помните имена этих трёх первых киевских князей? — Да, это Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Нестор пишет: «И быша три братья, единому имя Кии [от Киева. — *Н.П.*], а другому Щекъ, а третьему Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь. Седяще Кии на горе, гдеже ныне оувозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьеи горе, от негоже прозвася Хоревица». Скажу, что ручей Лыбедь также был в топонимике древнего Киева. Так возник этот традиционный рассказ.

Памятник основателям Киева.
Скульптор В. З. Бородай. Киев. 1982 г.

Но, как вы понимаете, на самом деле всё было наоборот. Были топонимические названия: Киев, Щековица, Хоривица — от них и произошли легендарные имена самых первых киевских князей. Летописец названия мест не знал, но то, что они были, очень важно. Я хочу вам показать картину о тех древних событиях, написанную в Радзивиловской летописи XV века. Ни в XV веке, ни во времена Нестора достоверно не знали о событиях IX века, но всё-таки летопись иллюстрированная, и она даёт иллюстрации. И вот перед вами — древнеисторическое изображение.

А теперь посмотрите: ныне в Киеве стоит такой памятник его основателям.

Вот так! Это — то, как сегодня не столько историческое, сколько политическое и художественное мышление преобразует эти известия. И это хороший урок, как строятся позднейшие легенды и какую роль они играют в истории.

А дальше, с 852 года, «Повесть временных лет» начинает погодные статьи, основываясь на византийских летописях. И это 852 года византийские известия при императоре Михаиле III.

Затем идёт известный рассказ о том, как новгородцы прогнали варягов, которые брали с них дань. И между ними не стало порядка — возник раздор. И тогда они добровольно **призвали Рюрика**, чтобы он пришёл и правил ими. Уже в летописи XVI века — Никоновской — рассказывается целая большая сказка о том, что был такой военачальник Гостомысл, который сказал знаменитую фразу: «Страна наша богата и обильна, но ряду же [то есть порядка. — *Н.П.*] в ней нет», — фразу, которую веками вспоминали русские политические деятели, говоря о том, что сегодня делается в их державе.

По этому призыву, согласно «Повести временных лет», пришли три брата — **Рюрик, Синеус и Трувор**.

Рюрик, Синеус и Трувор. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

В Радзивиловской летописи читаем[1]: «И избрашася 3-е братья з роды своими [летопись говорит, что они взяли всех варягов с собой, но варяги давно уже были на Руси. — *Н.П.*], и пояша собе всю русь, и приидоша к словеном перъвое, и срубиша город Ладогу, и седе в Ладозе старей Рюрикъ, а другий [Синеус] сиде у нас на Белеозере, а третий Труворъ въ Изборьску».

У Нестора было не так. И это очень интересный для нас источниковедческий казус, который я объясню. Это в третьей редакции Мстислава Великого, отражающей некоторые новгородские легенды, взгляды и реалии. А то, что да, действительно, варяги были в Старой Руссе и довольно долго, это хорошо археологически доказанный факт.

Кстати сказать, здесь — зародыш отчаянной драки историков, которая началась далеко не сразу, но особо яростной она была в XVIII и XX веках. Как же так, у истоков Русского государства — Рюрик? Его объявили, особенно в прошлом веке, личностью целиком легендарной. Это — проповедник норманизма, того, что славяне неспособны были сами создать государства, а вот норманны создали, и т.д., и т.д. Хотя это очень распространённое варяжское, норманнское имя — Рёрих, как и Ольга (Хельга), как и Игорь (Ингвар) и т.д.

Только постепенно и преимущественно очень большой археологический материал того, как менялся политический климат, позволил установить правду, что, действительно, **государство зарождалось до варягов, до Рюрика**. Но у этих морских разбойников была одна великолепная, интереснейшая черта — их набеги охватывали всю Европу и даже часть Святой Земли. И бывало так, что один из братьев княжил где-то в Нормандии, другой — на юге Италии, третий воевал в Палестине. У них, можно сказать, было хорошее ви́дение общеевропейское. Недаром одна из первых вещей, которую они устанавливают, — это пробивают важнейший торговый путь с севера на юг, то есть общеевропейского значения.

Дальше рассказывается о том, что у Рюрика были два воина. Причём подчёркивается, что «бяста у него 2 мужа не племени его [то есть не княжеские. — *Н.П.*] но боярина, и та испросистася с родомъ своимъ ко Царюгороду, и поидоста по Днепру, идучи мимо, узреша на горе городокъ». И городок этот — Киев. И в этом городе они стали княжить.

Считалось, что эти известия о двух дружинниках Рюрика — **братьях Аскольде и Дире** — вещь целиком легендарная. Но в арабских источниках есть очень смутное, но всё же известие о киевском князе Дире.

При Аскольде и Дире, если верить сбивчиво написанной хронологии, было совершено действие, о котором знали уже многие за пределами восточных славян, — был совершён **поход на Константинополь**. Об этом немало есть известий разных источников. Вопрос — с его датой. В «Повес-

[1] Здесь и далее цитаты из «Повести временных лет» лектор приводит по Радзивиловской летописи: «Радзивиловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр». – СПб.-М.: Глаголъ-Искусство, 1994. — *Прим. ред.*

Аскольд и Дир покидают Рюрика. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

ти временных лет» это 866 год. Несколько византийских источников, в том числе современников и участников событий, дают дату 860 год. Но если Рюрик пришёл только в 862 году, то как отпросившиеся потом у него два его боярина могли в 860 году напасть на Константинополь? Таким образом, весьма условная первая дата — 862 год — влечёт за собой и эту ошибку. По-настоящему этот поход 860 года.

Повторюсь, что есть много разных источников, в том числе и участника событий тогдашнего Патриарха Фотия, который в своей второй Беседе на нашествие россов говорит: «Когда мы, оставшись без всякой защиты и не имея помощи от людей, воодушевлялись надеждами на Матерь Слова и Бога нашего, Её просили умолить Сына и умилостивить за грехи наши, Её дерзновение призывали во спасение, Её умоляли покрыть нас покровом Своим, как стеною нерушимою, и защитить отчаявшийся город, когда Её ризу носили все до одного со мною для отражения осаждающих и защиты осаждённых, усердно совершали прилежные моления и литии, тогда по неизреченному человеколюбию, при Материнском дерзновенном ходатайстве, Бог приклонился — и гнев Его утих, и помиловал Господь достояние Своё». В последующих источниках, менее надёжных, прибавили, что Патриарх Фотий во главе крестного хода обошёл стены осаждённого города и, приблизившись к морю, погрузил в воду край ризы Богородицы.

После этого внезапно поднялась буря, которая разбила русские корабли. Нестерова летопись пишет: «Буря с ветром въста, и волнамъ великимъ въставшимъ засобь, и безбожных руси корабли смяте, и ко брегу приверже, и изъби а́, яко мало их отъ таковыа беды избыти, и въсвоаси възратишася».

Патриарх Фотий погружает край ризы Богородицы в воду.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Но тот же Патриарх Фотий, который два Окружных послания об этих событиях написал, и другие историки сообщают иное, что поход этот закончился договором, примирением, союзом и даже, как пишет Патриарх, обращением пришедших сюда варягов в христианство и отправлением на Русь епископской миссии. Может быть, это и так. Может быть, этот самый-самый первый епископ и был тот загадочный епископ Михаил, которого знает наша церковная традиция и почитает до сих пор, но который по византийским источникам не прослеживается. Позднее я буду об этом говорить. Патриарх же Фотий пишет, что «эти поганые [язычники-варяги. — *Н.П.*] переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан». Кстати, о том же позднее пишет и знаменитый византийский писатель император Константин Багрянородный, о котором речь пойдёт ниже.

Дальше в летописи рассказывается о том, как после смерти Рюрика его воевода князь Олег с малолетним сыном Рюрика Игорем стал объединять весь этот ареал восточнославянских племён, и в первую очередь — то, что шло «по пути из варяг в греки». В частности, ладьи князя Олега прибыли к Киеву, на берег были вызваны Аскольд и Дир. «И рече Олегъ Асколду и Дирови: „Вы неста князя, ни рода княжа", и вынесоша Игоря: „А се есть сынъ Рюриковъ". И уби Асколда и Дира», — так в «Повести временных лет» начинается рассказ об объединении Новгорода и Днепровской земли.

Дальше не по хронологии (с большим отставанием) под 898 годом рассказывается **о Кирилле и Мефодии и изобретении солунскими братьями**

Убиение Аскольда и Дира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

славянской азбуки. Все вы знаете житие Кирилла и Мефодия, я не буду рассказывать об этом, скажу только, что на самом деле это было не в 898, а в 863 году. Другие источники и Житие Кирилла и Мефодия чётко устанавливают эту дату. А здесь — рассказ и о том, как славянские князья приходили к византийскому императору Михаилу и просили учителей, и о том, как узнали, что у вельможи есть два учёных сына Кирилл и Мефодий, и о том, как братья были посланы к славянам и как они писали первые христианские книги — библейские тексты. Повторюсь, что это не совсем по хронологии.

Солунские братья Кирилл и Мефодий составляют славянскую азбуку.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Войска князя Олега совершают набег на Константинополь.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

А по хронологии — события 907 года, когда войска князя Олега совершили **набег на Константинополь**. Князь Олег придумал такую хитрость: поскольку Босфор тогда был загорожен цепью, он поставил свои корабли на колёса, и при попутном ветре они двинулись на город. Жители города и его власти, увидев, что корабли идут ко граду, «убояшася и реша, выславше ко Олгови [послы]: „Не погубляй града, имемъся подать [по дань], якоже хощеши».

Под 907 годом, как я уже говорил, — первый помещённый в «Повести временных лет» договор Руси (Олега) с греками. Это особая очень интересная тема — первый государственный акт установления государственности, и к тому же воины Олега ещё клянутся о заключении договора оружием и Перуном — богом язычников, а греки, естественно, клянутся по-христиански.

Я напомню вам ещё одну легенду (опять же фольклор) **о убиении князя Олега змеёй**, которая выползла из черепа его любимого коня и смертельно ужалила князя. В «Повести временных лет» под 912 годом об этом читаем: «Змиа... уклюну в ногу. И с того разболеся и умре».

После Олега стал княжить **Игорь Рюрикович**, который был убит древлянами в 945 году, когда он со своей малой дружиной попытался второй раз взять дань с древлян.

Убиение князя Олега змеёй. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

А дальше в «Повести» следует большой рассказ, чисто фольклорный, о трёх способах, которыми княгиня Ольга отомстила древлянам, убившим её мужа. Они, видите ли, решили, что после смерти князя можно соединить Киев со своими древлянскими землями и столицей Искоростенем (город, который сегодня не существует), и решили укрепить это браком их князя Мала (у древлян тоже была княжеская династия) на вдовой княгине. И вот они раз за разом посылают посольства в Киев, прося княгиню Ольгу выйти за их князя. И Ольга каждый раз хитро мстит им. Это такие вот сказочные сюжеты на тему о том, как мудрая Ольга (а в летописи она постоянно именуется как мудрая) «переклюнула» (то есть обманула) своих противников.

Первая месть княгини Ольги. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Вторая месть княгини Ольги. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Первый раз, когда послы приехали в Киев, она сказала, что ради чести великой их на руках в ладьях внесут с берегов Днепра наверх в княжеский двор. Послы с радостью согласились, забыв, что у славян ладья — часть погребального обряда: до христианства в ладьях сжигали умерших знатных славян и их вождей.

Вы видите, как послов в ладьях несут к Ольге. Она приказывает кинуть их в заранее вырытую яму и живыми засыпать землёй. А гибнущие древляне кричат: «Пущи ны Игоревы смерти».

Третья месть княгини Ольги. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Вторая месть: другой делегации послов Ольга предлагает, тоже в качестве почётной меры, до приёма принять баню. Послы забывают, что и омывание входит в погребальный обряд, и соглашаются. «И повеле зажечь я́ от дверей, и ту изгореша вси».

Третья месть была уже в самой древлянской земле.

Особо следует сказать о важнейшем событии — **крещении княгини Ольги в Царьграде**. Рассказ «Повести временных лет» об этом тоже имеет реальную и баснословную части. Реально то, что крещение было, и о нём сообщает множество источников, в том числе исходящих от самих участников этих событий. А баснословная — в том, что и здесь Ольга встречается с некоей задачей, которую решает весьма хитроумным способом. Якобы знаменитый император Константин Багрянородный в 955 или 957 году (не исключено, что обе даты правленые), увидев русскую красавицу, немедленно в неё влюбился, предложил ей стать его царицей и вместе с ним владеть Константинополем и Византией.

Но вы понимаете, что всё это сплошная фольклорная выдумка. Я уже не говорю о том, что Ольга, которая, по летописи, вышла замуж за князя Игоря в 903 году, — сколько же ей в 955 или 957 году было лет? Не говорю и о том, что та хитрость, которую она применила, чтобы отвергнуть притязания византийского императора, была «шита белыми нитками». По летописи: «И прииде к нему [императору Константину Багрянородному. — *Н.П.*] Олга, и видевъ ю́ добру сущу зело лицем и смыслену, и удивися царь разуму еа и беседуа рекъ к ней: „Подобна еси царствовати въ граде семъ с нами". Она же разумевши, рече ко царю: „Азъ погана [язычница] есми. Аще мя хощешь крестити, крести мя самъ. Аще ли, то не крещюся". И крести ю́ царь с патриархомъ».

Крещение княгини Ольги Патриархом. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

После чего она ему напомнила, что по христианскому обычаю крёстный отец не имеет права быть мужем.

Путешествие княгини Ольги в Царьград (Константинополь). Роспись свода Царицыной палаты в Московском Кремле. XVII в.

Однако до нас дошло сочинение самого императора Константина Багрянородного, описывающее обычаи константинопольского царского двора. И там записаны два приёма, которые император и, конечно, бывшая у него императрица дали в Константинополе княгине Ольге: первый 9 сентября 957 года (наиболее реальная дата) и второй — 18 октября того же года. При этом перечисляется вся довольно большая свита Ольги: послов только 22 человека, 42 купца и т. д. и один священник. И, конечно же, ни о каких этих событиях там не говорится. Не говорит император Константин и о том, что Ольга была тогда крещена. И наиболее вероятное объяснение этому — это то, что её могли крестить в Киеве в 955 году. А потом было это посольство в Константинополь. Отсюда двойная дата в «Повести временных лет».

Центральное событие «Повести временных лет» и важнейшее событие нашей истории, на котором мы подробно остановимся, — **Крещение Руси при святом князе Владимире**. Остановимся мы и на не менее важном вопросе источникового обеспечения наших знаний о том, как это было. Всё очень и очень не просто. Огромное количество деталей в разных источниках, не только наших, но и византийских, не всегда выдерживают критику. Но что самое интересное, центральное событие оказывается правильным.

Мало какое событие тех веков освещалось так подробно историками разных стран, довольно широкого географического диапазона, как это событие, включая не только константинопольских авторов, что вполне понятно, но и важнейшее арабское свидетельство. Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) считал, что Россия в это время была теснейшим образом связана с арабским миром. Да и вообще, по его мнению, русские события являются отзвуком главных событий арабского мира. Хотя последнее — некоторое извинительное для увлекающегося человека преувеличение, однако многие факты подтверждаются: да, связи были и интересовали взаимно.

Начнём мы с того, как это событие рассказывается в «Повести временных лет».

Владимир начал править в 980 году. Это точно.

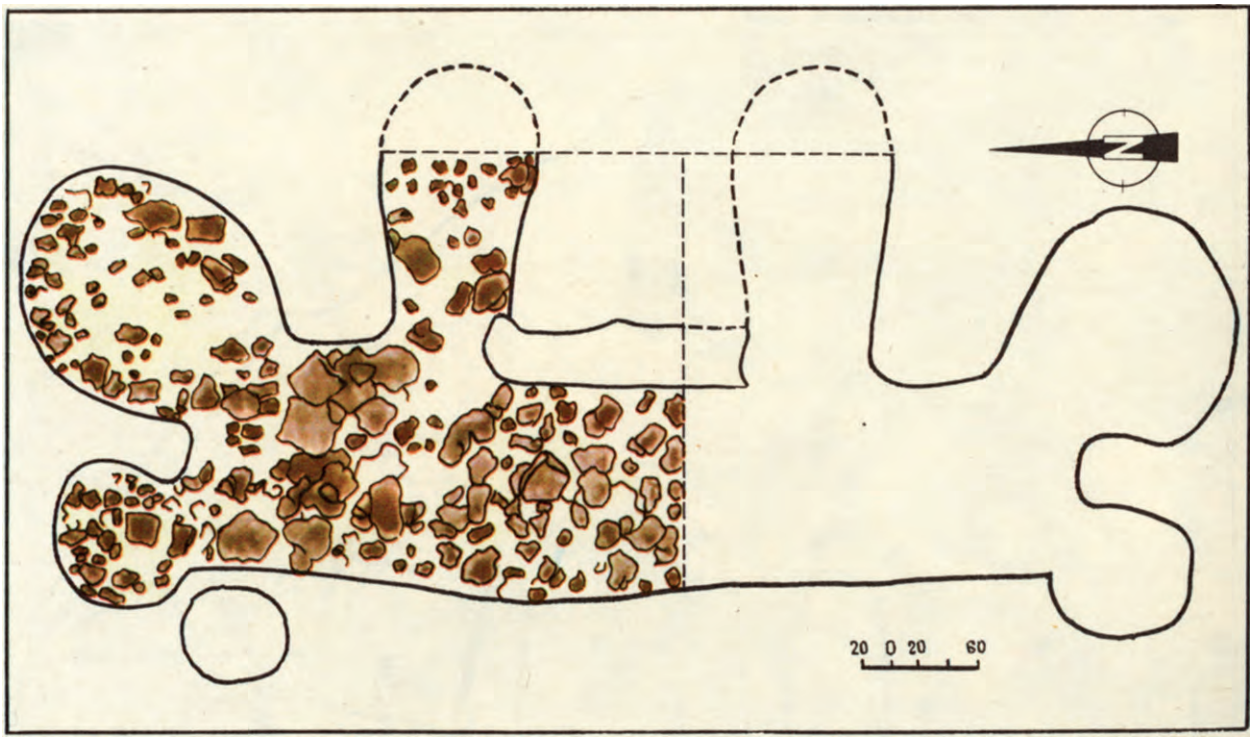
После рассказов о его первых воинских победах, некоторые из которых находят подтверждение в нерусских источниках, следует рассказ о его отношении к вере и о его политике.

Известно, что отец Владимира князь Святослав Игоревич был убеждённым язычником. И княгиня Ольга, мать Святослава, после своего крещения так и не смогла обратить сына в христианство, хотя постоянно пыталась. В житии святой княгини Ольги об этом очень интересно написано.

Язычником поначалу был и князь Владимир. Летопись в связи с этим рассказывает не только о его многожёнстве и удивительном обилии детей, в котором и сегодня историки не могут разобраться до конца, но и о том, что он попытался свою большую уже территорию с разными верованиями как-то объединить. Для этого в Киеве Владимир построил языческое капище основным божествам своего царства — главному богу Перуну, тюркскому божеству Хорсу, славянскому Даждьбогу и другим божествам: Стрибогу, Симарглу, а также богине северных чудских племён (меря, мордва и т.д.) по имени Мокошь.

Я вам покажу очень интересное изображение — это археология, подлинное свидетельство.

При раскопках тех мест не было обнаружено теремного двора, за которым Владимир поставил капище, как пишет летопись, но был найден фундамент очень странного сооружения, в котором историки видят остатки этого самого капища с шестью выступами, соответствующими шести божествам, идолы которых были там поставлены. Это очень интересное сопоставление нашего, имеющего многие фольклорные, не вполне достоверные подробности, источника «Повесть временных лет» с данными археологии, которые сегодня признают многие, хотя это тоже толкование.



Археологические раскопки Владимирова капища в Киеве в 1975 г. Схема

В тот период, когда Владимир был язычником и воздвиг это капище, были человеческие жертвоприношения, отсюда и первые христианские святые Русской земли — варяги-мученики Фёдор и Иоанн.

А дальше, с 986 по 988 год, Нестор даёт в летописи огромный текст, связанный с Крещением Руси князем Владимиром, — огромный, потому что там дважды излагаются основы христианской веры и приводится много других очень важных, интересных деталей.

Начинается этот рассказ с того, что в исторической науке принято называть **«выбором веры»**: Нестор пишет о том, что прежде чем креститься, Владимир очень строго выбирал — какую веру ему принять.

В Киеве к нему пришли представители разных вер, прежде всего от магометан и немцев — от Рима, «от папежа». Как вы уже знаете, оба эти посольства были неудачными. Но здесь интересна летописная аргументация.

Написано, что Владимиру вроде бы очень понравилось магометанское многожёнство (по летописи, как известно, у него самого было множество наложниц, хотя следует сказать, что тут — явное влияние ветхозаветного текста о царе Соломоне), но когда он услышал о запрете у магометан «хмельного пития», ему это не понравилось. Отсюда — знаменитая фраза: «Веселие руси есть пити, не можем без того быти» — фраза, которую в куртуазные времена XVIII века любили помещать на пиршественные кубки.

Затем пришла немецкая делегация. Владимир спросил их, каково их учение. Они рассказали. Летописный рассказ о вероучении западного христианства не очень точный, хотя много есть правильного, и сказано, что центр этой веры, связанной с апостолом Павлом, находится в Риме. Владимир отверг и это посольство: «Идите за ся, яко отцы наши сего не при-

Послы у князя Владимира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Рассказ византийского философа о православной вере.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

яли суть», — написано в летописи. Здесь воспоминание о реальном факте, известном из немецких источников, — о том, что при княгине Ольге в Киеве появилась римская миссия во главе с известным епископом Адальбертом. Как сам он пишет, его вроде бы позвали, но потом выдворили без всякого решения. После этого, по-видимому, княгиня Ольга и поехала в Константинополь креститься.

Далее в летописи следует рассказ о некоем философе из Византии.

В Радзивиловской летописи читаем: «Рече философ: „Слышахом и се, яко приходиша от Рима учити вас в вере своей, ихже вера мало с нами розно"». Но в Радзивиловской летописи XV века в связи с проблемами католического Великого княжества Литовского летописец здесь смягчает Нестора. Нестор же пишет: «Не преимаи же ученья от латын, ихже ученье разъвращено». Вот вам пример редакции. Вот почему мы говорим о разных редакциях текста.

Далее Владимир призывает бояр для решения вопроса о выборе веры. «Реша бояре и старци: „Веси, княже, яко своего никтоже не хулит, но хвалит. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у себе мужи: послав, испытай когождо их службу, и кто како служит Богу". И бысть люба речь князю и всем людемъ».

Следующий акт выбора веры — князь Владимир направляет послов в те земли, где иудаизм (это Хазария), и к западным христианам, и к магометанам, и в Византию. Кстати сказать, весь этот сюжет выбора

веры в общем-то считался целиком фольклорным, сказочным. Однако же есть интересные подтверждения: арабский историк примерно того же времени, когда жил и Нестор Летописец, Аль-Маврази (кон. XI – нач. XII в.) пишет, что царь Владимир посылал узнавать о магометанской вере (это всё-таки факт!) и посылал в Хорезм. О том же пишет и несколько более поздний арабский историк Мухаммад ал-Ауфи. Есть у него и известие о мусульманах в Киеве в связи с этим вопросом. Так что сказка сказкой, но есть и реальное зерно — может быть, не такая уж и сказка...

Дальше — самое главное. Посланцы Владимира пришли и в Константинополь к царям-братьям Константину и Василию. Они побывали на богослужении в Святой Софии. Цари Константин и Василий призвали их после этого и сказали: «„Идета в землю свою". И отпустиша я съ дары велими и с честью».

Послы принесли князю Владимиру дары и рассказали о том, что они видели в Константинополе: «„Не свемы, на небе ли были есмы: несть бо на земли такового вида, ли красоты такоа; недоумеемъ бо сказати, токмо вемы, яко отнудь Богъ со человекы пребывает, и есть служба их паче всех странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя..." Отвещавше бояре рекоша: „Аще бы лих законъ грецкий, то не бы прияла баба твоя Олга, яже бе мудрейши всех человекъ". И отвещав же Володимеръ рече: „Где крещение примемъ?" Они же реша: „Кде ти любо"».

А дальше в «Повести временных лет» в этом последовательном рассказе о Крещении Руси наступает странный разрыв. Следующая запись идёт уже под 988 годом — тем самым, который для нас является главной

Послы князя Владимира в Константинополе. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

целью. Это дата Крещения Руси. И возникает вопрос: а как с её исторической достоверностью обстоит дело? И тут неожиданно прерывается весь этот рассказ о выборе веры и начинается, вроде бы сначала без всякой связи со всем предыдущим, рассказ о походе Владимира на крымский город Корсунь (Херсонес), где он и примет крещение.

Вся дальнейшая история, связанная с битвой князя Владимира за Корсунь, с его посольством в Константинополь с просьбой о крещении и о самом крещении, — связь всего этого с походом Владимира на Константинополь одно время историками отрицалась, называлась «корсунской легендой». Но позднее внимательнее прочитали в общем-то давно известного византийского хрониста Михаила Пселла, который в связи с этими событиями упоминает о походе князя Владимира на Корсунь. Так что в этой истории есть отдельные легендарные части, но это не легенда.

В летописи рассказывается о том, как войско Владимира подступило к укреплениям Корсуня, долго стояло и не могло города взять.

По летописи: «И се муже корсунянинъ стрели, именемъ Анастасъ, написавъ сице на стреле: „Кладязи, яже суть за тобою, яже суть от въстока, ис того вода идеть по трубе. Окопавъ, перьими". Володимир же слышавъ, възревъ на небо и рече: „Аще ся собудетъ сам ся крещю". И ту абие повеле копати прекы трубамъ, и преяша воду. И людие изнемогоша жажею водною и предашася. И вниде Володимир в град и дружина его».

А после этого идёт рассказ о том, что Владимир посылает к византийским императорам Константину и Василию посольство с просьбой отдать за него их сестру Анну. Анна отвечает, что боится ехать в далёкую землю,

Люди Владимира отводят воду от Корсуня. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

Прибытие Анны в Корсунь. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

да и не подобает ей венчаться с язычником. На что Владимир отвечает императорам Константину и Василию: «Да пришедше со сестрою вашею, крестятъ мя». Такие идут переговоры.

В конце концов братья уговаривают Анну отправиться в Крым к Владимиру, говоря, что иначе русы будут представлять для них очень большую военную угрозу. И вот это интересно. Дело в том, что возможная военная сила русского князя, действительно, была важнейшей составной частью этих переговоров. Русские князья боялись, что по бывшему тогда обычаю византийский император будет считать принятие крещения какой-то страной от Византии как подданство. Чего, конечно же, Киев никоим образом не хотел. И здесь пора сказать, чем же реально заполнялся тот пробел в изложении событий, который образовался в «Повести временных лет». Дело в том, что военное положение обоих царей-братьев было отчаянным. Против них поднял бунт военачальник Варда Фока. Они остро нуждались в какой-то военной помощи и получили её из Киевской Руси, но об этом я скажу подробнее дальше. То есть крещение происходило в то время, когда Владимир мог навязывать военную ситуацию, и ни о каком подданстве речи быть не могло.

Но я возвращаюсь к Разивиловской летописи, а потом скажу и о других источниках. Когда Анна приехала и её поместили в палаты, Владимир помедлил креститься. И тогда, по «Повести временных лет», на него напала слепота. Анна послала ему письмо, в котором писала: «Аще хощеши избыти болезни сеа, то въскоре крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга сего».

Перед вами — сцена крещения. Сначала крестился сам князь Владимир, потом его дружина. И как только Владимир крестился, слепота прошла.

В летописи это **988 год** — дата, которую русский народ принимает и почитает до сего дня. Это одна из самых основных дат, которую вы учите.

Крещение Владимира и его дружины. Миниатюры из Радзивиловской летописи. XV в.

А как обстоят дела с её верификацией, как говорят историки, то есть подтверждением её правильности?

До нас дошло немало источников о тех событиях: и о мятеже Варды Фоки, и о договоре между Константином, Василием и Владимиром, и о браке Владимира с Анной, и о крещении Владимира, и, главное, о Крещении Руси — обо всём этом комплексе событий, хотя, как я уже вам говорил, Корсунь при этом упоминается только один раз и последовательность событий у разных авторов разная.

Но мы можем, и это очень редко бывает для тех древних времён, насчитать целый ряд подтверждений даты этих событий, которую приводит Нестор, в других источниках, прежде всего иноземных, но и в важных русских тоже.

В первую очередь я назову арабского сирийского писателя, жившего в Антиохии (территория в Сирии, которая в настоящее время раздирается страшными противоречиями и войнами), которого звали Яхья Антиохийский. Он — араб, но араб крещёный. И он рассказывает об этом самом восстании Варды Фоки, за которым последовала русская военная помощь. Начало восстания он датирует 14 сентября 987 года — совсем близко к нашей дате. Это ещё не крещение, но только начало событий. А дальше он пишет о том, что император Василий просил царя русов о помощи и послал посольство в Киев с этой просьбой. Посольство это было в 987–988 году (двойная дата, потому что все даты того времени — это или конец 987 года (с 1 сентября), или 988 год (до конца августа)). В Киеве шли переговоры. И тогда был заключён договор о дружбе, военной помощи и так далее. А затем состоялся брак Владимира и Анны. Потом русы послали войска против Фоки и разгромили его 13 апреля 989 года. Вы видите, что всё рядом. Кстати, последняя дата есть и в трёх византийских хрониках — Иоанна Зонары, Георгия Кедрина и Михаила Пселла, которого я вам уже называл в связи с Корсунем. Читайте эти три иностранных источника, которые дают близкую к указанному времени дату, — удивительное богатство не противоречащих друг другу свидетельств.

Далее венецианский диакон Иоанн датирует появление в Константинополе русов, этого отряда поддержки, временем, когда над Константинополем была комета. А это уже можно вычислить астрономически. И вычислили: комета там лучше всего была видна 29 октября 989 года. Тоже очень близкая дата.

Следующее — русское свидетельство: в XI веке, достаточно рано по отношению к событиям, было написано первое житие Владимира Святого — «Похвала и житие святому князю Владимиру», автор которого — Иаков Мних. Он даёт нам сразу две возможности проверки даты, которая нас интересует. Он сообщает, что крещение Владимира состоялось на 10-й год после убийства братом Владимира Ярополком другого брата — Олега во время схватки между ними. А затем он говорит, что после крещения Владимир прожил ещё 28 лет. Дата смерти князя Владимира известна.

Обе даты дают нам время: конец 987 — 988 год. Затем он пишет о том, что между крещением князя Владимира и Крещением Руси прошло 2–3 года. Вполне возможно, что так и было.

Крещение князя Владимира. Художник В. Васнецов

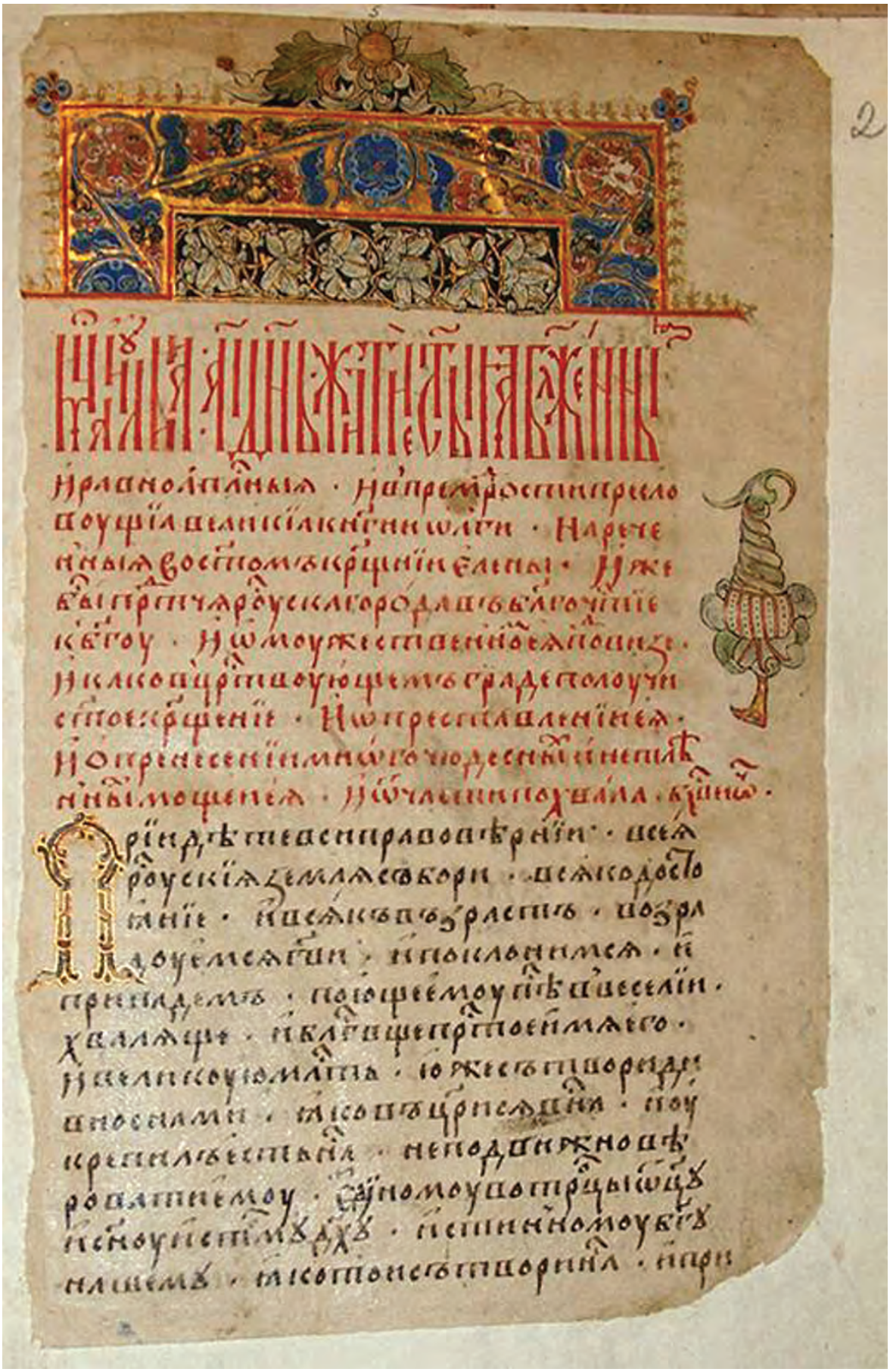
Но и это далеко не всё. Существует возможность вычисления этой даты по иностранным источникам. Есть византийские сведения о первом русском архиерее. Византийские источники называют его митрополитом Феофилактом. И сейчас большинство мировых историков считает, что тогда после Крещения в Киев был приглашён то ли епископ, то ли сразу митрополит по имени Феофилакт. О нём известно, что он был переведён в 988 году со своей прежней епископской кафедры, которая была в Севастии в Армении, в Киев. Кафедру он оставил в 987 году из-за гражданской войны, а в Киеве появился в 988 году.

И последнее, менее точное, но тоже весьма важное. В скандинавском норвежском эпосе существует сага о знаменитом герое, норвежском правителе Олафе Трюггвасоне. И в частности в этом эпосе о нём говорится, что он крестил Норвегию в 993–995 годах. А до этого он, как и другие норманны, служил в Киевской Руси и принимал участие в её Крещении. Вот ещё одно подтверждение даты с неожиданной стороны.

Крещение Руси. Художник В. Васнецов

Я привёл целый ряд свидетельств о том, когда было Крещение Руси. Мы можем спорить о том, что было раньше — приехало византийское посольство на Русь или князь Владимир пошёл на Корсунь и т.д. Но главное для нас с вами — 988 год — осталось непоколебленным. Вот пример проверки одного источника другими источниками.

На этом я закончу лекцию.



«Степенная книга царского родословия». Томский список. 1560-е гг. Л. 2

Лекция 2. «СТЕПЕННАЯ КНИГА ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ»

Это вторая наша с вами встреча в нынешнем учебном году. Я рад ей. Будет и третья. Наш курс, в соответствии с планами отца Бориса, для неофициального профиля вашей гимназии — источниковедческий. На первой лекции я говорил о «Повести временных лет».

Тема сегодняшней лекции — **«Степенная книга царского родословия»**. Это памятник письменности конца 1550-х – начала 1560-х годов. Время Ивана Грозного.

По сравнению с летописью Нестора Летописца это совершенно другой по характеру памятник (так или иначе мы сопоставляем её с другими источниками). «Повесть временных лет» дала нам огромное количество фактов о древней нашей истории, и бóльшая часть фактов уникальна, они есть только в этой летописи. В «Степенной книге царского родословия» новых (в смысле неизвестных до этого) исторических фактов практически нет. Но это важнейший источник по тому, что историки называют историографией. Как я вам уже говорил на первой лекции, есть такая дисциплина, тесно связанная с источниковедением. **Историография** — это наука о том, как развивались исторические знания о прошлом. Мы рассматриваем их с самого почти возникновения, а сейчас уже весьма развитая стадия.

Для начала скажу, что у меня с этим памятником особые отношения. Изданию его я посвятил больше десятка лет. В результате появились два тома «Степенной книги царского родословия по древнейшим спискам» (Т. 1–2. М., 2007–2008), над которыми работали историки в Новосибирске, в Государственном Историческом музее в Москве, в Санкт-Петербургском университете и в Лос-Анджелесе. Третий том «Степенной книги» с комментариями готовится сейчас в Лос-Анджелесе. Он уже в вёрстке и в конце этого года (2011) выйдет в свет[1].

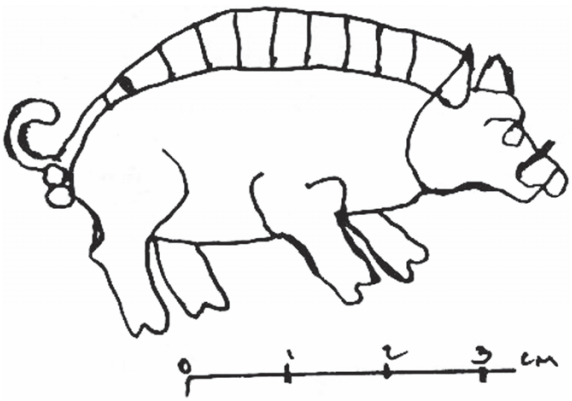
Я вышел на этот памятник случайно. В 1970-х годах я работал в фондах хранилища Томского областного краеведческого музея, рукописи которого тогда ещё во многом были не описаны. Уже смеркалось. Фонды, как всегда, были в полуподвальном помещении, небольшое окошко — сверху. Я взял в руки том и в лучах заходящего солнца успел посмотреть филигрань.

Я увидел филигрань «кабан». Филигрань известная. Я сразу же понял, что это рукопись 2-й половины XVI века. Я срисовал эту филигрань. А когда приехал в Академгородок, то по альбомам филиграней определил

---

[1] Третий том с комментариями увидел свет в 2012 году: «Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий». – Том 3. Комментарий / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. – М.: «Языки славянских культур», 2012. — *Прим. ред.*

точнее — рукопись 2-й половины 1550–1560-х годов. И тогда оказалось, что эта рукопись является одной из самых древних рукописей «Степенной книги». Наше издание называется «Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам», потому что этот Томский список, как мы его назвали, оказался древнейшим. Мало того, когда мы уже работали над ним, молодой питерский учёный Алексей Владимирович Сиренов, который сейчас работает вместе со мной над продолжением «Степенной книги» (об этом следующая лекция), нашёл в Московском архиве черновик «Степенной книги». Он, по идее, создавался раньше, но удалось доказать, что **Томский список** и этот второй — **Волковский** (названный так в честь его владельца А. А. Волкова), а также известный давно, но не привлекавший особого внимания **Чудовский список** (из Чудова монастыря в Московском Кремле) лежали на одном столе в одном скриптории и делались параллельно. Редчайшая текстологическая источниковедческая ситуация! Практически вся правка этого чернового Волковского списка (а он дошёл далеко не целиком — чуть больше трети содержания памятника, в семи отрывках, дошло до нас в этом списке) была уже в текстах — Томском и Чудовском. Но кроме этого была и новая правка, которая параллельно делалась на полях всех трёх списков. Причём делалась она одним очень характерным почерком — вы его сегодня увидите. Это значит, что работа начиналась с Волковского списка, а потом шла параллельно по всем трём текстам. Мало того, была и своя правка в Томском списке, которой не было в Волковском, но которая вошла в текст Чудовского списка. Вот такая редкая источниковедческая ситуация, которая позволила довольно много узнать о происхождении этого памятника.

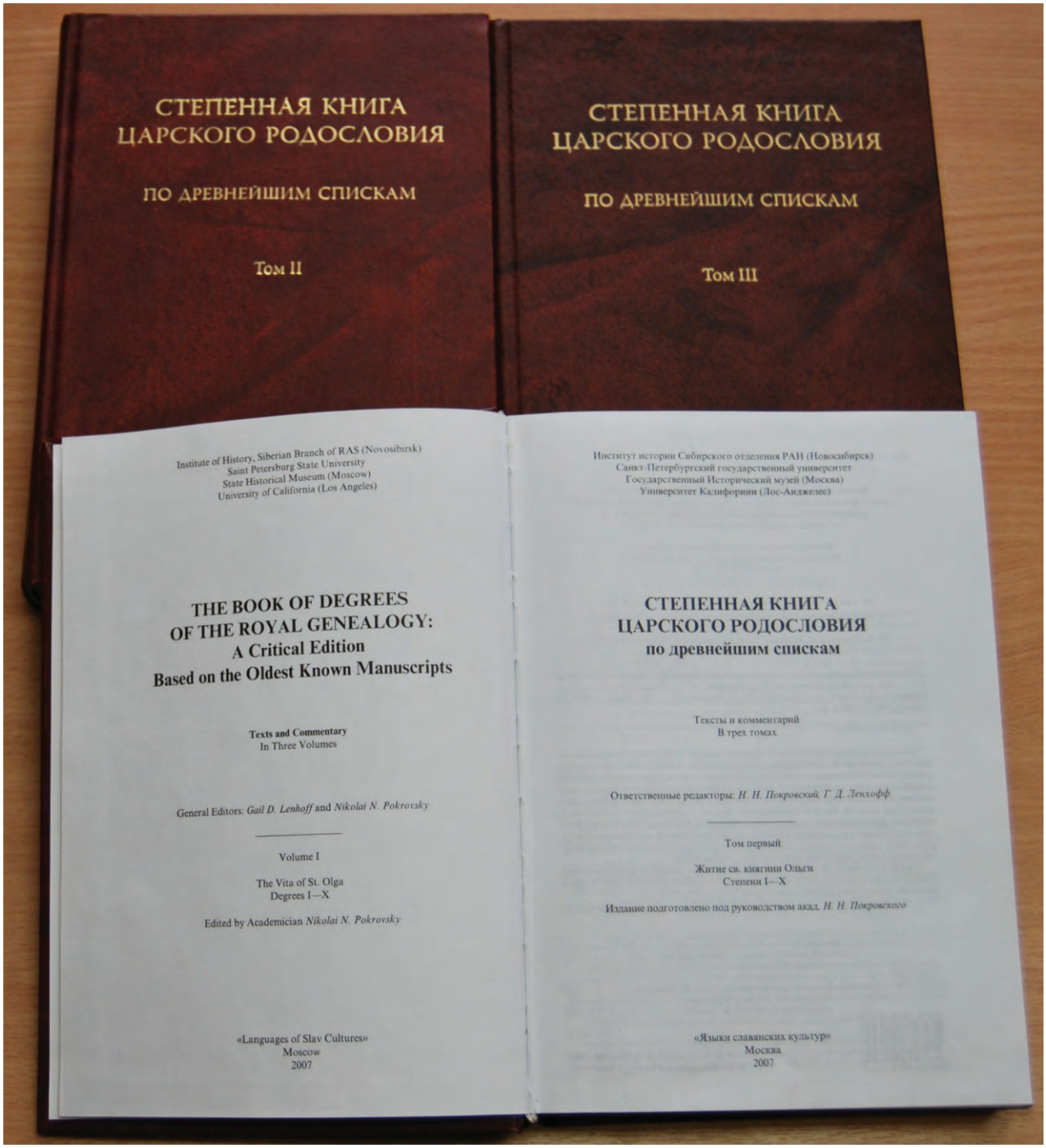


Филигрань «кабан»

Вообще «Степенная книга» была издана очень давно. Ещё в XVIII веке её издал наш историк Герард Фридрих Миллер (1705–1783) по двум случайным неполным спискам. В 1911 году в двух томах «Степенную книгу» издал прекраснейший наш историк Васенко Платон Григорьевич (1874–1942). Но он не тот список взял за основу. Хотя и знал Чудовский, но решил, что древнейший не этот список. А тут оказалось, что соотношение другое: Волковский, Томский и Чудовский списки — практически вместе, а все остальные — уже из них.

Обычный вопрос для источника — его **датировка** и **авторство**.

О датировке рукописи по филиграням я уже сказал. По историческим реалиям, которые там были, можно установить, что памятник начали писать перед самым резким переломом в царствовании Ивана Грозного. Со времён Николая Михайловича Карамзина и его «Истории государства



«Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам»
в трёх томах. 2007–2012 гг.

Российского» (1818) принято делить правление Ивана IV на два периода: первый период — «светлый», когда проходили очень полезные для Русского государства реформы, и второй — «чёрный» период, когда постепенно государь начал без сожаления крушить собственную страну. Так вот, установлено, что памятник стали создавать почти в начале перехода к «тёмной» части в правлении Ивана Грозного — где-то в конце 1550-х годов. Изложение доведено до 1560 года. Но потом ещё пара известий о событиях Ливонской войны (не подряд, а только случайных)

за лето 1562 и февраль 1563 года. Значит, окончательная датировка — **конец 1550-х – 1563 год.**

Вопрос авторства тоже не вызывал сомнений, потому что на одном из древнейших списков — Чудовском — по его листам шла запись скорописью XVI века: «Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афонасием, митрополитом всеа Русии».

Поставление Афанасия в митрополиты. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1560–1570-е гг.

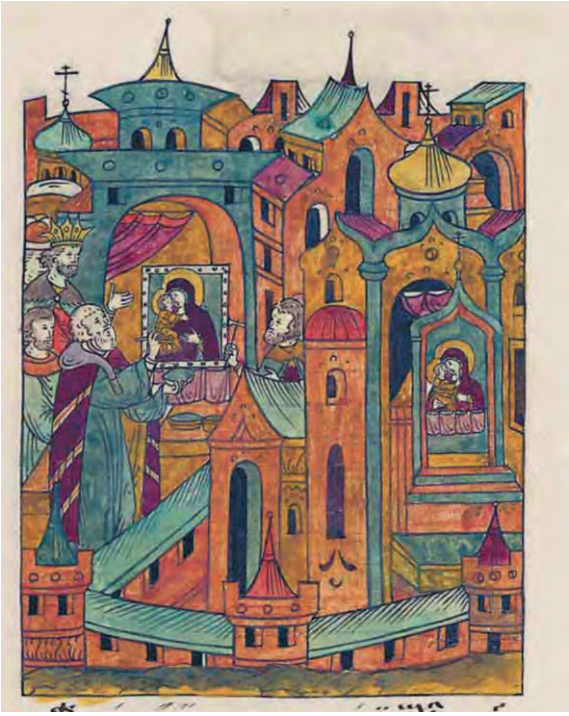
Митрополит Афанасий (в миру — Андрей) известен по разным источникам. Он был священником в Переславле-Залесском. Когда-то перешёл в Москву. Уже в 1549 году он упоминается как протоиерей Благовещенского собора Московского Кремля. А протоиереи Благовещенского семейного собора государей бывали обычно духовниками царя. Значит, он был уже тогда и духовником царя. Когда в 1552 году был совершён знаменитый поход на Казань и взятие Казани, которое ликвидировало практически двухвековую угрозу для Русской земли вражеских набегов оттуда, Афанасий был уже известен как царский духовник. Он участвовал в казанском походе и оставил о нём свои воспоминания, то есть здесь появляется и мемуарный источник, хотя и в несколько строк всего.

Кроме того, нам известно, что в 1564–1566 годах он был главой Русской Церкви — митрополитом Московским и всея Руси. А до этого он принадлежал к известному кружку церковно-культурных деятелей митрополита Макария — пожалуй, одной из наиболее заметных фигур периода собирания земель Русских после московских святителей Петра, Алексия и Ионы. Хотя канонизирован он был только на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году.

Митрополит Макарий скончался 31 декабря 1563 года. Митрополит Афанасий стал его преемником. Но он был главой Русской Церкви недолго — меньше двух лет. Это время — начало острых репрессий Ивана IV, по существу начало тиранического его правления. Известно, что митрополит Афанасий по крайней мере дважды печаловался за опальных. Долг Церкви — печалование. Потом он понял, что с царём ему не ужиться, и смог даже спокойно уйти на покой в Чудов монастырь. Известно, что там он одно время поновлял Владимирскую икону Божией Матери. Скончался митрополит Афанасий после 1568 года.

Сейчас «Степенная книга» известна в 145 списках. Конечно, далеко не все они дошли до нас. Но очевидно, что в конце XVI — XVII веке это был

один из самых популярных текстов по истории России. Особенно если учесть, что сейчас у нас научную литературу публикуют тиражом 200–300 экземпляров.



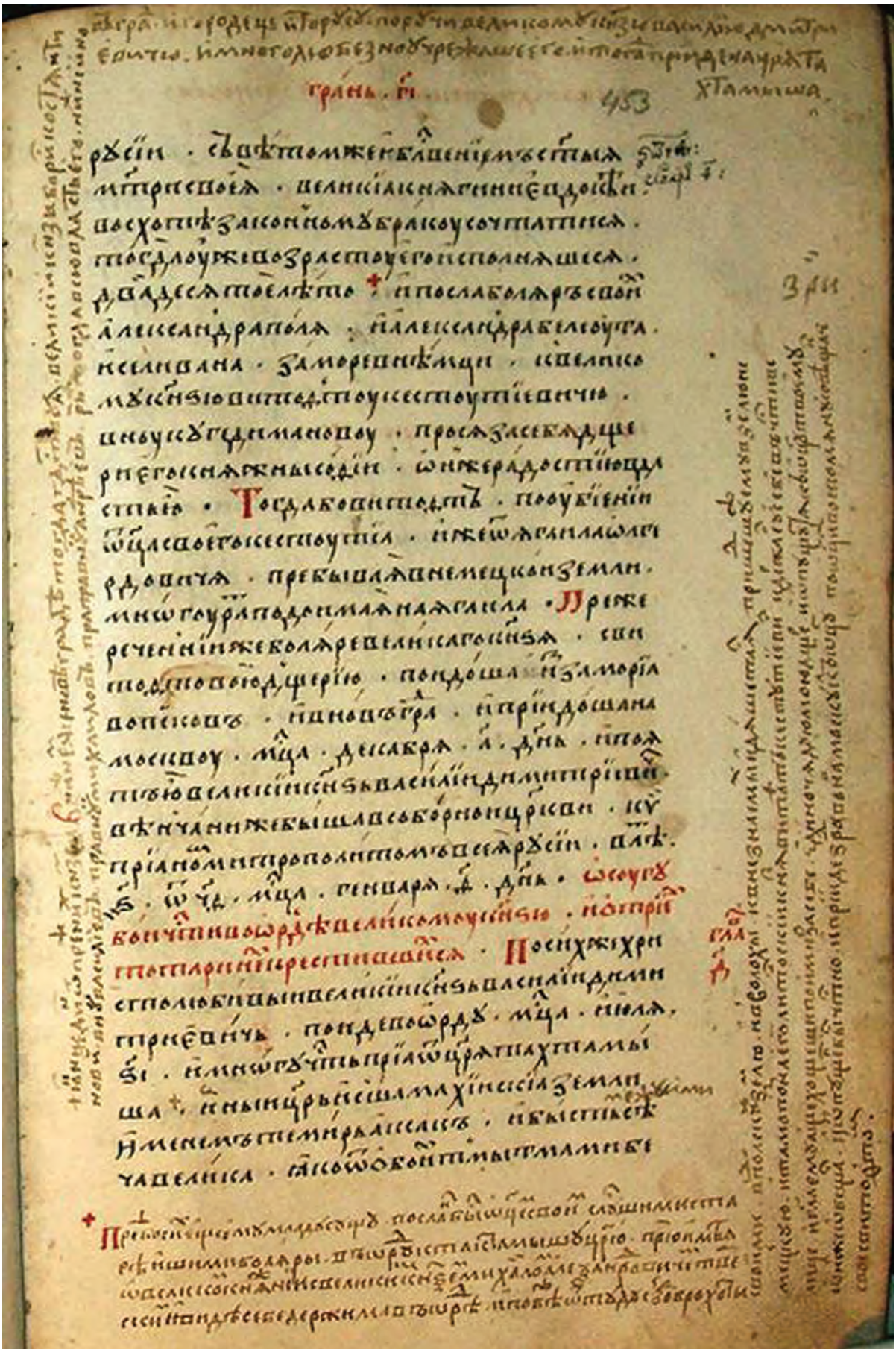
Поновление Владимирской иконы при митрополите Афанасии. Миниатюра Лицевого летописного свода

Что нового дала нам находка Томского списка? — Она во многом по-новому заставила нас взглянуть на то, как создавалась «Степенная книга», на историю её создания. Я уже говорил, что были обнаружены древние списки наряду с известными ранее. Поэтому некоторые акценты сместились, но главное даже не в этом. На полях Томского списка, как я уже вам говорил, — многочисленнейшая правка одним и тем же характерным неторжественным и я бы даже сказал начальственным почерком. Хотя точка зрения, которую я не решился высказать, а высказал её А. В. Сиренов, о том, что этот почерк принадлежит самому митрополиту Афанасию, не доказывается. Но во всяком случае — либо ему, либо его писцу под диктовку.

Чрезвычайно интересно направление этого редактирования. Правка позволила выявить, что же хотели создатели памятника от него. Создавали памятник, собираясь один экземпляр оставить в митрополичьей казне, а другой преподнести царю (это очень важно!) — писалось ведь во многом в воспитательных целях для царя. И мы теперь видим, какие последние штрихи были внесены в этот огромный памятник. Он — в большой развёрнутый лист, 1500 страниц. И это краткое изложение русской истории.

Что же прежде всего бросается в глаза в правке, сделанной на полях одним почерком? Это целый ряд вставок **по генеалогии** (происхождению) **русских князей, по их родословиям**. Причём, в соответствии с общим замыслом «Степенной книги», да и всей политики митрополита Макария — дать единую историю всех их (хотя почти все князья дрались между собой), объединить их в единую семью Рюриковичей. И поэтому эти вставки по генеалогии добавляли в первоначальный текст родословий многих князей.

Самые удивительные, пожалуй, — две вставки **по родословию литовских князей**. С Великим княжеством Литовским Москва воюет всё это время. Война далеко не окончена. И впереди, как вы знаете, во время Смуты — новый страшный её период. Но Великому княжеству Литовско-



«Степенная книга царского родословия». Томский список. 1560-е гг. Л. 453 с правками на полях

му принадлежат многие украинские и белорусские земли. И «Степенная книга» даёт генеалогию литовских князей, в том числе и противников, которые на поле брани сражались с московскими князьями, — от основателя первой династии литовских князей Миндовга (1195–1263) и до Сигизмунда I (1467–1548). Всё это привязывается к определённым линиям «Степенной книги», чтобы не было как «инородное тело». Один из литовских князей — Довмонт (1240–1299) — правил в Пскове, оборонял Псков и стал защитником псковской земли, знаменитым псковским святым. В другом случае речь шла о том, что один из сыновей Миндовга — Войшелк (1223–1268) — был христианином и претерпевал за это многие мучения (Литва, как известно, христианизировалась гораздо позже).

Далее — **родословия рязанских князей**. Рязань была присоединена к Москве совсем недавно, а до этого на Куликовом поле она чуть было не выступила против Димитрия Донского и воевала после этого ещё не раз.

Генеалогия ярославских князей. И сразу же оговорюсь: кроме генеалогии в первоначальный текст памятника была помещена чрезвычайно интересная повесть «О святом ярославском и смоленском князе Фёдоре Чёрном», биография которого может писаться как увлекательный детективный роман. Князь Фёдор (1240–1299) был в Орде, вывез оттуда женой дочь хана, крестившуюся; вместе с ней пришло большое монгольское войско, отвоевало отеческий стол Фёдора, который был захвачен, и потом монголы во многом способствовали объединению ярославских земель. Повесть — в основном тексте, а во вставке — генеалогия ярославских князей.

И особо поразительная вещь: самый последний и самый главный грозный соперник Москвы в период раздробленности Руси — Тверь. Во вставке есть и **генеалогия тверских князей**. А в самом тексте — житие святого князя Михаила Тверского (1271/1272–1318), великомученика, погибшего в Орде (об этом позднее я ещё скажу).

Приводится **шесть колен генеалогии псковских князей**, хотя они менялись, Псков, как и Новгород, постоянной княжеской линии у себя не имел, но тем не менее...

Уточнялась **генеалогия непосредственных предков святого князя Александра Невского** (1221–1263).

Уточнялась **генеалогия супруги Ивана III Софьи Фоминичны Палеолог** (1455–1503), то есть подчёркивалась дополнительными сведениями её связь с правящей византийской династией того времени, когда Византия уже пала.

Вообще, история «Степенной книги», её движение по десятилетиям, её находки и споры вокруг неё учёных полна многими очень интересными историями и загадками — всего не расскажешь. Но не могу удержаться от одной из них. На Чудовском списке есть запись о том, что книга была «собрана смиренным Афонасием». А на Томском — владельческая запись

одного из наиболее поздних (более чем через век) его владельцев — обычная владельческая запись, но почему-то сделанная на русском языке польскими буквами. Это — предпетровское, даже начало петровского времени, и уже русская знать хвастается этакой своей образованностью. Написано: «Sia kniha hranahraw okolniczewa Aleksandra Petrowicza Protasewa» («Сия книга хронограф окольничего Александра Петровича Протасьева»). Личность известная. Протасьев был главой Судного приказа — очень важная должность. Окольничим он стал в 1691 году. До этого был воеводой в нескольких сибирских городах — Мангазее, Туруханске. А с 1696 года Протасьев возглавил Адмиралтейство, именно ему царь Пётр поручил строительство флота.

Как в Томский краеведческий музей попала эта книга? Разные были мнения. Мы не знаем, каким образом от Протасьева эта книга в конце концов перешла к московским букинистам. А у них её купил глава одного из старообрядческих скитов под Томском, и уже в 1924 или 1926 году она упоминается в описании сокровищ Томского краеведческого музея — маленькая брошюрка, изданная тогдашним директором и начисто забытая. Сиренов её откопал. Это относительно судьбы книги.

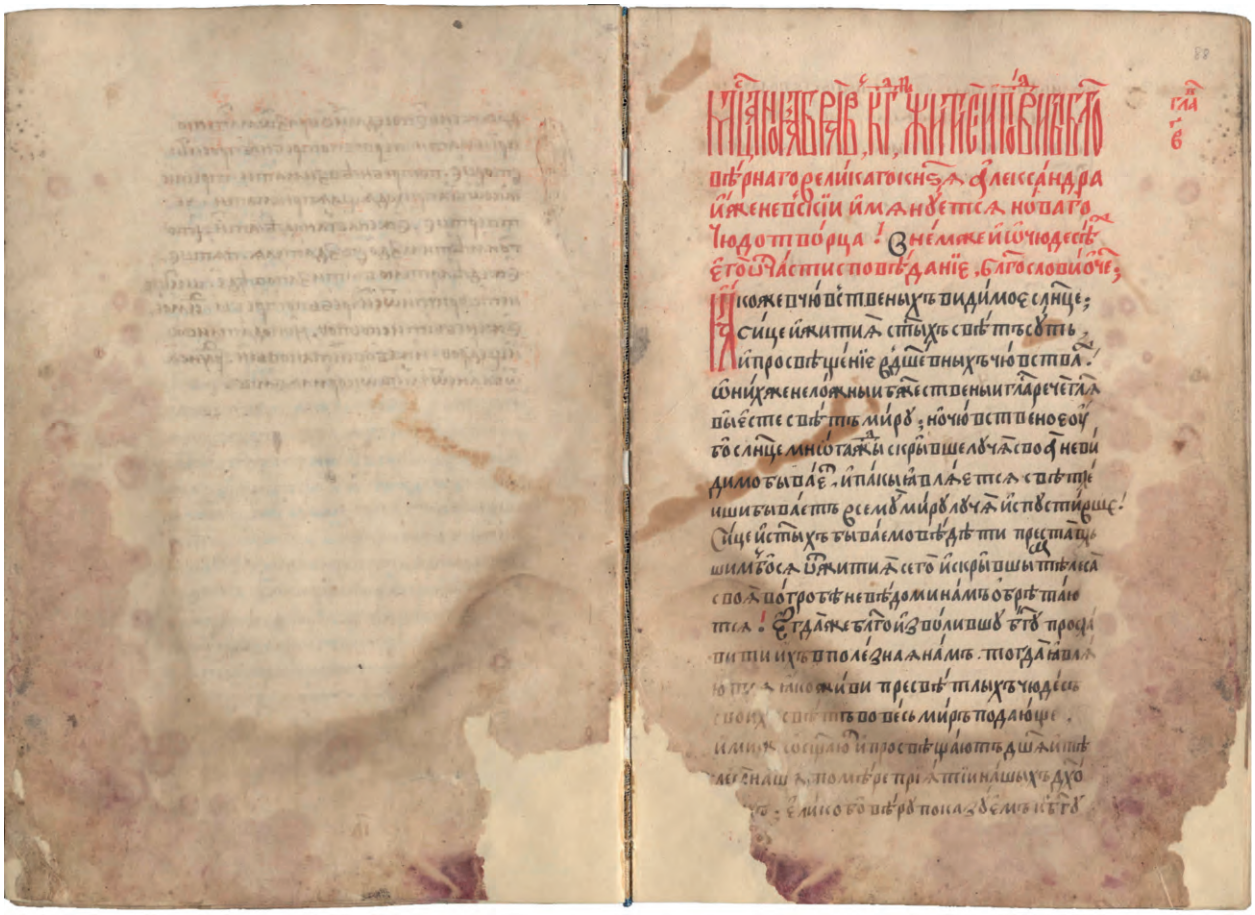
Теперь — очень важный вопрос, когда мы характеризуем памятник: **на каких источниках это всё писалось?**

Первый источник, понятное дело, **летопись** — главный вид исторического повествования за все предыдущие века. Мы знаем ту летопись, которая непосредственно была использована митрополитом Афанасием при создании «Степенной книги», — это так называемая сейчас **Никоновская летопись**, потому что в XVII веке она принадлежала Патриарху Никону.

А создавал её московский митрополит Даниил во времена правления Василия III (1505–1533). Через Никоновскую летопись дошло творение киевского времени — творение Нестора Летописца — и его продолжение в суздальском летописании, которое составило основу Лаврентьевской летописи (о ней я говорил на первой лекции), и целый ряд других летописцев, в частности Тверской летописец. И очень интересно: в годы правления Ивана Грозного, после взятия Казани (1552), был составлен новый летописец — так называемый Летописец о начале царствования Ивана IV, сделанный уже по другим законам — не так, как предыдущие летописи (в нём не от Адама всё идёт и не от Ноя). Тем не менее его рассказ о правлении Ивана Грозного в полной мере был учтён в «Степенной книге».

Никоновская летопись. XVI в.

Следующий важнейший источник «Степенной книги» — жития святых.



Житие святого Александра Невского. Думинская редакция.
Алтайский сборник. 1590-е гг. Л. 88

Это, конечно же, Житие святой княгини Ольги (ок. 893/920–969), которое в самом начале было вынесено за всю остальную ткань сочинения. Почему?

Разберёмся, откуда название «Степенная книга». Памятник разбит на части, которые назывались «степенями», или «гранями» (всего 17 степеней), и которые давали историю правления в России Рюриковичей, но не с Рюрика, а только с первого православного государя — Владимира Святого (958–1015). Значит, первая степень — это Житие и похвала блаженного и достохвального и равноапостольного великого князя Владимира. А вот до него — Житие святой блаженной и равноапостольной великой княгини Ольги, весьма и весьма большое. Далее в этой первой степени, в главе 73 (степени подразделяются на главы), — Житие Бориса (986–1015) и Глеба (987–1015). Я не буду перечислять все жития, а только наиболее интересные: восьмая степень — Житие и подвиги прехвального и блаженного великого князя Александра Ярославича Невского, двенадцатая степень — очень интересное Житие и подвиги блаженного и достохвального великого князя и царя русского Димитрия Ивановича Донского (1350–1389) и т.д.

Икона святых Бориса и Глеба. Московская школа. XIV в.

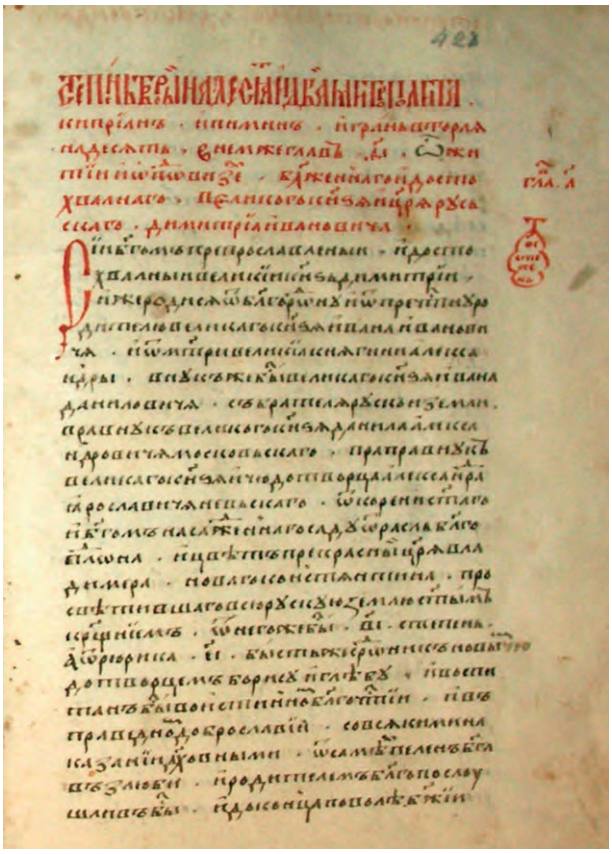
Перед вами — прекрасная московская парная икона XIV века святых Бориса и Глеба, которая, как мне кажется, является одним из шедевров московской живописи. Опытный, умудрённый в боях святой князь Борис, который добровольно отказывается от участия в междоусобице: у него под Киевом после смерти князя Владимира было войско и он легко мог стать киевским князем, чтобы не возникало междоусобицы на Русской земле. Но князь Борис был убит Святополком Окаянным, стремившимся захватить киевский престол, как был убит и его брат Глеб — молодой юноша ещё, моливший своих убийц: «Не деите мене, господие мои, не деите... Не пожните мене отъ житиа сего, яко класа незрела».

Великий князь Александр Невский. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. 1564–1565 гг.

А это то, каким при Иване Грозном хотели видеть святого князя Александра Невского. Это изображение очень характерного для времени митрополита Макария и Ивана Грозного церковного предприятия: стены московского Архангельского собора (собора не семейного, как Благовещенский, а княжеского) были тогда расписаны изображениями московских и прочих русских князей Рюриковичей, в том числе и противников московских князей, каждый из которых был с нимбом святого. Это важно будет и для идеологии «Степенной книги» тоже. Итак, святой Александр Невский — так, как его представляли в середине XVI века. А когда были две его знаменитые битвы — помните даты? Совершенно верно: в 1240 и в 1242 годах. Вот через какую толщу лет пришли такие представления.

Я вам уже говорил, что среди используемых в «Степенной книге» житий святых было и Житие Димитрия Донского. К лику святых он был причислен только в 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви. А «Степенная книга», как и фрески Архангельского собора, уже «считали» его святым. И вот что важно: «Степенная книга», подробно описывая воинские подвиги Димитрия Донского, конечно же, в центр повествования ставит Куликовскую битву (1380) и историю того, как при малолетнем Димитрии, а он девяти лет взошёл на трон, святитель Алексий помогал накапливать силы для выступления против монголо-татар на Куликовом поле.

Жития святого Сергия Радонежского в «Степенной книге» нет. Но что интересно: есть целая страница, где говорится о Преподобном, о его роли перед Куликовской битвой, на которую он благословил русских воинов и самого князя Димитрия, а дальше сказано, что «подробно об этом смотри его житие». И действительно, есть большое его житие, которое в «Степенной книге» не приводится, но на которое она ссылается. В «Степенной книге» приводится из этого



Житие великого князя Димитрия Ивановича Донского. Думинская редакция. Алтайский сборник. 1590-е гг. Л. 428

Великий князь Димитрий Донской. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. 1564–1565 гг.

жития цитата: «И се внезапу в тои час приспе борзоходецъ [скороход. — *Н.П.*] с посланиемъ от святаго [то есть от преподобного Сергия Радонежского, праздник в честь которого и праздник вашей гимназии мы будем завтра отмечать. — *Н.П.*], глаголюще: безъ всякого съмнения, господине, со деръзновениемъ поиди противу свирепъства их [Мамая. — *Н.П.*], никакоже ужасатися, всяко поможетъ ти Богъ».

Важно ещё упомянуть Житие блаженной и преподобной Евфросинии Полоцкой (1110–1173), княжеской дочери, основавшей монастырь, уговорившей постричься в нём двух своих сестёр и окончившей свои дни в Царьграде: мечтой её была поездка в Царьград и она смог-

ла это осуществить. Но что важно, это белорусская святая. Белорусское братство у нас в Новосибирске особо её и почитает. Житие святой Евфросинии Полоцкой есть в «Степенной книге» (пятая степень, глава 10) .

Из других, пожалуй, скажу о Житии учителя митрополита Афанасия — святого Даниила (в миру — Димитрия) Переяславского (шестнадцатая степень, глава 25). Он играл особую роль в первые годы правления Ивана Грозного. В своё время он предсказал его рождение (у Василия III и его супруги Елены Глинской долгое время не было детей). Предсказал он и некоторые славные события начала правления Ивана IV. Житие Даниила, правда, не без колебаний, было помещено митрополитом Афанасием перед правлением Ивана Грозного.

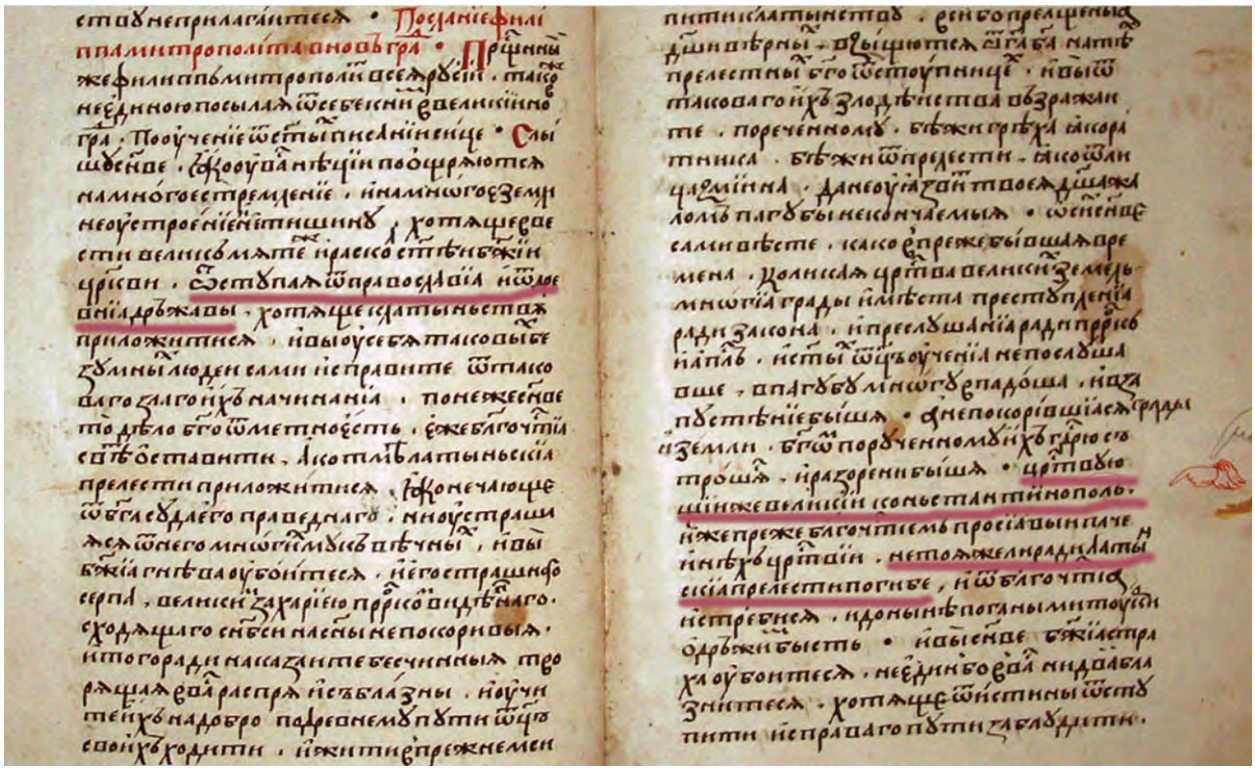
Наряду с житиями (их много, мы ещё вернёмся к ним) «Степенная книга» широко использует **исторические повести**. Об одной из них я уже вам говорил — «Повести о святом ярославском и смоленском князе Фёдоре Чёрном» с детьми его. Но наиболее широко и полно в «Степенной книге» использована другая знаменитая повесть Древней Руси — «Повесть о Владимирской иконе Божией Матери».

Гонец от преподобного Сергия. Миниатюра Жития преподобного Сергия Радонежского. Список конца XVI в. Л. 245

Не могу не воспользоваться случаем, чтобы показать вам этот шедевр византийской живописи XII века, ставший главной святыней Руси. И дважды о ней подробно повествует «Степенная книга»: первый раз, когда Андрей Боголюбский ослушался своего отца Юрия Долгорукого и забрал эту икону из-под Киева во Владимир; второй раз, когда «Повесть», а затем и «Степенная книга» пишут о чуде от этой иконы, которая помогла Москве избавиться от вполне реальной угрозы нашествия страшного Тамерлана — Темир Аксака, как его называют в «Повести».

В «Степенной книге» использовалось и несколько **посланий церковных иерархов** по разным поводам. Я вам покажу Томский список «Степенной книги» и в нём — несколько таких источников.

Владимирская икона Божией Матери



Послание митрополита Филиппа I. «Степенная книга царского родословия». Томский список. 1560-е гг. Л. 599

Это Послание митрополита Московского и всея Руси Филиппа I, связанное с событиями вокруг присоединения в 1472 году Великого Новгорода к Москве, когда боярская партия противников Москвы во главе с Марфой Борецкой попыталась опереться на Польско-Литовское государство и даже вроде бы перейти в католицизм. И медливший Иван III, отличавшийся тем, что все его действия долго продумывались, в конце концов поняв, что медлить дальше нельзя, собрал огромное войско из самых разных русских земель и пошёл на Великий Новгород. Это был поразительный пример единства, который предвосхитил многое в дальнейшем. Новгородское боярство отнюдь не поддерживалось всем населением, поэтому победа Ивана III была сравнительно лёгкой.

Но перед этим была попытка со стороны Москвы решить дело мирным путём. Митрополит Московский Филипп I направил большое Послание в Великий Новгород, в котором он обличал бояр в том, что их партия отступает от православия и от «древния державы», то есть подчёркивал, что это отступление от традиций средневековых (очень мощное обвинение!). И дальше митрополит Филипп писал, что вот так же в латинство в конце своей независимой истории предался царствующий великий Константинополь, «иже преже благочестием просиявый паче инех царствий», и это в конце концов привело Константинополь к падению от турок. Это знаменитая теория «Москва — Третий Рим», о чём ещё в начале XVI века старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей писал Василию III: «Два убо Рима падоша, а Третий стоит, а четвертому не быти».

Послание митрополита Московского и всея Руси Филиппа I практически целиком приводится в «Степенной книге».

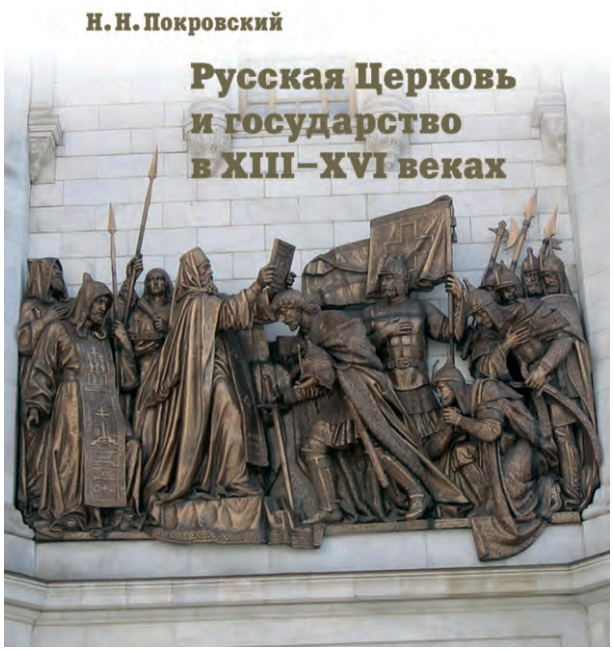
Есть там ещё более обширное Послание времён, когда Россия окончательно смогла скинуть монголо-татарское иго. Ровно через 100 лет после Куликовской битвы, в 1480 году, Ахмет-хан двинулся на Русь и одновременно подняли бунт братья великого князя Ивана III. И хотя русское войско выдвинулось к Угре (это знаменитое «стояние на Угре», конец монголо-татарского ига), великий князь, пытаясь как-то помириться со своими братьями, и это ему удалось при посредстве Церкви — они обещали послать свои войска к Угре, задерживался в городе и не спешил к войску. И до сих пор историки спорят — что это было: просто мудрая дипломатия, которая помогла, или, как некоторые считают, не очень большое желание великого князя Ивана III размахивать саблей, когда можно решать дела теперь уже как-то иначе?

И в этот момент, когда московское население волновалось, ростовский архиепископ Вассиан пишет Ивану III обширнейшее Послание, и оно целиком приведено в «Степенной книге». Мы знаем и другие его списки, хотя древнейший недавно буквально ушёл из-под наших рук: его выставили на продажу, Академия наук не смогла найти нужной суммы — и список Послания ушёл в частные руки. В «Степенной книге» оно, повторюсь, даётся полностью. В нём прекрасным церковным красноречием, приводя множество примеров из Ветхого Завета, приводя пример Димитрия Донского, Вассиан уговаривает Ивана III поспешить скорей на битву и не бояться поражения, потому что Господь не попустит этого.

Теперь несколько слов о самой форме «Степенной книги». Ранее я уже отмечал, что это не летопись, а новый тип исторического повествования (и за ним будущее), когда историограф, как правило, не делит события по годам, а пытается объединить и осмыслить их по большим периодам правления государей Рюриковичей. Отсюда это деление на 17 степеней, или граней. Но в «Степенной книге», как я вам уже говорил, важно правление, во-первых, православных, а во-вторых, государей, поэтому степени начинаются с Владимира Святого, а поскольку каждая степень, посвящённая какому-то правителю, сообщает также — какое это колено от Рюрика, то отсюда в «Степенной книге» — двойной счёт. Но мало того, параллельно на полях рукописи и в основном её тексте идёт счёт русских митрополитов. И важно отметить, что в заголовках степеней называются имена не самодержцев, а митрополитов, имена же государей обычно фигурируют в заголовках первой главы степени. То есть это опять-таки единая история России, история Церкви, история государства — одна из важнейших линий, один из важнейших постулатов «Степенной книги».

Напомню, что эта линия весьма объективно была востребована переживаемым моментом. Время Ивана Грозного — это время, когда Россия была объединена, когда исчезла междоусобная драка русских князей. Политически, физически это было сделано, но нужно было дополнить это

единение единством идейным, единством духовным (без чего государство долго не стоит) — к тому же не просто единством духовным, а единством православным. И именно эту задачу поставил перед собой митрополит Макарий: идея единства Церкви и государства — важнейшая в «Степенной книге». Мы видели на тех примерах, что я приводил, какую поддержку Церковь оказывала государству в деле объединения русских земель, в деле отстаивания её рубежей на Востоке и на Западе (примеров можно было бы привести значительно больше, я даже целый курс об этом прочитал)[1].



Обложка книги Н. Н. Покровского «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках»

Вторая линия «Степенной книги» тоже явно была вызвана моментом — имело место сложное и неоднозначное историческое явление. Преподобный Сергий Радонежский, бывший вдохновителем всего процесса единения в то время, когда сама Церковь ещё до конца не изжила остатки феодальной раздробленности, когда некоторые архиереи могли выступать против московского митрополита (им было важно — кто был на Московской кафедре: когда там был святитель Алексий — всё было понятно, а дальше начались сложности), — важной частью церковной политики считал создание большой сети общежительных монастырей. Он и его ученики основали более 40 монастырей на территории разных русских земель. Это была важная опора Церкви и, следовательно, опора государству.

Но со временем, во многом благодаря благочестивому обычаю православных людей, отходящих в мир иной, жертвовать какие-то свои богатства Церкви (а жертвовали очень часто земли для монастырей), монастыри стали сосредотачивать всё большую и большую часть населённых земель России (трудно проверить цифру, которую иногда называют, — что-то около 1/5). И это были наиболее ценные в хозяйственном отношении земли. Как и в последующие века, монастыри вели хозяйство гораздо успешнее, чем дворяне, у которых были очень маленькие наделы и кото-

[1] Речь идёт о прочитанном Николаем Николаевичем Покровским в 2009/2010 учебном году в Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского курсе лекций, послужившем основой подготовки им в 2013 году книги: *Покровский Н.Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. – Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2013. — *Прим. ред.*

рые не могли так, на «широкую ногу», поставить хозяйство, как это делали многие монастыри. И постепенно государи начали испытывать нужду, испомещая дворян своего войска на земли. Особенно после того, как при Иване III и Иване IV количество этого дворянства резко выросло. Это была опора русской армии, и её нужно было как-то содержать. Непростой этот вопрос, нашедший окончательно своё разрешение ещё очень и очень нескоро, только при Екатерине Великой в XVIII веке, сильно волновал Церковь в это время. И «Степенная книга» отводит несколько глав в разных своих местах вопросу о том, что церковное богатство нерушимо. Церковь должна заниматься благотворительной деятельностью и для этого должна иметь земли и т.д., и т.д. Это была острая политическая проблема в то время.

В целом, если обобщать основные взгляды митрополита Афанасия и, несомненно, митрополита Макария, потому что «Степенная книга», и об этом мы ещё будем говорить, вводит в круг великих мероприятий митрополита Макария, то я бы выделил три основных идеи и осмелился назвать их — **три основных постулата «Степенной книги»**.

1. История страны — это прежде всего история подвигов, богоугодных дел, мудрых государственных решений, христианских добродетелей её самодержавных правителей.
2. Единство государства обеспечивается единством царской семьи и законным переходом власти от богоизбранного государя к его потомкам. Править в России, избегая раздоров, призвана свыше семья Рюриковичей.
3. Церковь и государство действуют в добром согласии (концепция «симфонии» между Церковью и государством). Их общим интересом является благо Отечества, заключающееся в укреплении державы, в обороне её от неверных и (что особенно важно для «Степенной книги») в следовании её правителей и подданных нравственным законам Христа и советам церковных иерархов.

Так это единство державы видели митрополиты Афанасий и Макарий.

«Степенная книга» кратко пересказывает один очень популярный в средневековой Европе, а с конца XII века и в России, памятник древней литературы, византийский по происхождению, — «Поучения диакона Агапита императору Юстиниану» (VI в.). Уже само это название весьма показательно: низший чин церковной иерархии, диакон, поучает высшее лицо светской власти — знаменитого императора Юстиниана (482–565). И, в частности, там есть классические формулировки, часто цитируемые средневековыми книжниками, о том, что «существомъ телеснымъ равенъ есть человекомъ царь, властию же достоинаго его величества приличенъ Вышнему, иже надо всеми, Богу: не имать бо высочаиша себе на земли». Речь идёт о божественном характере власти государя. Отсюда у диакона Агапита важный вывод: «Подобаетъ убо ему яко смертну не возноситися, и яко Богу не гневатися, аще бо и образомъ Божиим почтеся, но перстью земною

смешенъ есть, ею ж научается равности, яже ко всемъ». То есть, как Богу, или почти равному Богу по власти своей, государю не подобает ни гневаться, ни мстить кому-то, он должен равно относиться к своим подданным и т.д. Таковы нормы христианской морали для государя.

Святитель Макарий, митрополит Московский. Икона. XX в.

Данное изречение «Степенная книга» приводит с несомненной нравоучительной целью. Это было время начала страшного опричного террора Ивана Грозного. И глава Русской Церкви настойчиво старался внушить главе государства мысль о том, что христианский государь должен править по-христиански, не забывая о милосердии и справедливости, должен учиться той «равности яже ко всемъ», о которой пишет диакон Агапит и которая означает, в частности, равное отношение власти и к бедной вдовице, и к сильному воеводе.

Нужно сказать, что, когда **митрополит Макарий** в 1542 году стал главой Церкви, Ивану Грозному было всего 13 лет, хотя его зверский нрав в некоторых деяниях уже был виден: он, например, до смерти затравил собаками человека (Воронцова), который был поставлен во главе реального правительства российского. Но тем не менее поначалу он всё-таки был подвержен нравственным урокам Церкви, иначе откуда этот его замечательный «светлый» первый период правления. И роль митрополита Макария здесь нельзя преуменьшать. Но потом всё пошло по-другому.

Целый ряд других важнейших предприятий митрополита Макария, прежде всего литературных, также был направлен к достижению единства страны.

Ещё в Великом Новгороде Владыка Макарий задумал и осуществил важнейший замысел — собрать в едином собрании книг все жития святых, почитаемых Православной Церковью, преимущественно Русской Церковью. А это было не просто, ибо за годы раздробленности, когда Москва воевала почти с каждым из русских княжеств, духовная жизнь некоторых епархий начала несколько обособляться. И понятно, что во многих центрах появились свои святые, свои чудотворцы, которых не знали в Москве или знали, но не почитали как святых. Подготовка этих собраний книг с житиями святых — это огромное предприятие митрополита Макария, и целые группы книжников, которых он собрал вокруг

себя, решали очень важную задачу: из этих «новых чюдотворцев», как их стали потом называть, кто́ достоин вхождения в общерусское собрание святых? Так создалось 12 огромных томов **Великих Четьих Миней**. Они называются «Великими» из-за колоссальнейшего объёма труда и его результата.

Напомню, что Минея — это церковная книга, составленная в порядке следования служб церковного года. Минеи бывают служебные и четьи. Четьи Минеи — книги для чтения, которые включали жития святых, рассказы о чудесах, с ними связанных, и т.д. Правда, кое-что из Четьих Миней в сокращённом изложении читалось во время трапезы в монастыре. Но в принципе — это книги для чтения, а не для службы.

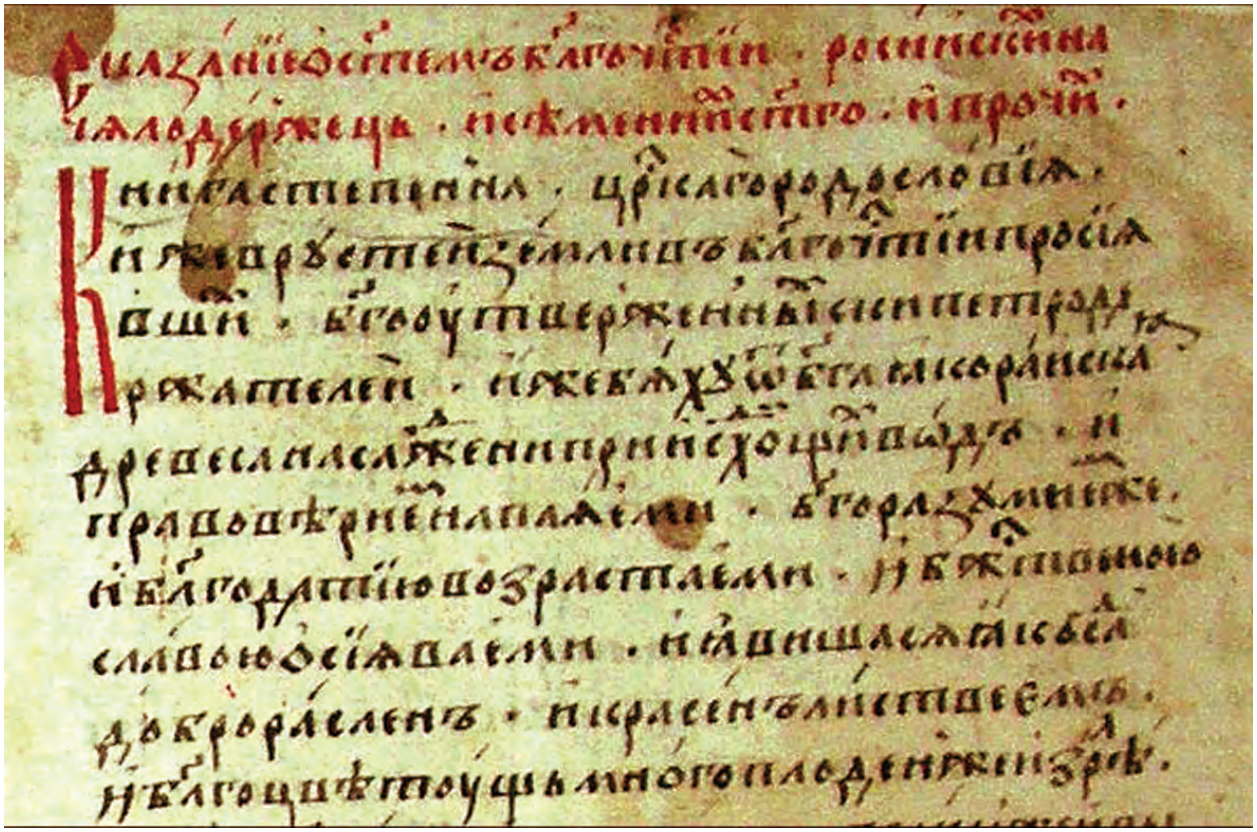
В XVI веке эти Четьи Минеи были переписаны — всего было создано три больших комплекта Четьих Миней. До революции их стали издавать в соответствии с кругом церковного года. А начало церковного года когда? Правильно, 1 сентября. Издали сентябрьский, октябрьский, ноябрьский, декабрьский тома, а на январском произошла октябрьская революция, или, как мои собеседники в скитах всегда говорили, октябрьский переворот. Но до сих пор полностью Великие Четьи Минеи ещё не изданы, задача их издания ещё предстоит. Замечу, что после митрополита Макария в 1630-х годах Четьи Минеи составлял также иеромонах Троице-Сергиева монастыря Герман Тулупов. Так называемые Тулуповские Четьи Минеи отличаются от Макарьевских тем, что в них вошли почти исключительно жития и сказания о русских святых.

Вообще, Четьи Минеи — это огромное поле для научного изучения, далеко ещё не вспаханное. В советские времена это была одна из тем, которую, мягко говоря, не одобряли. А посмотреть, как шло дело, как от одного к другому собранию оно менялось, стоило бы...

Вскоре после того, как митрополит Макарий встал во главе Русской Церкви, он предпринял ещё одно важнейшее действо в том же направлении. Связано оно было вот с чем. В Четьих Минеях поместили, к примеру, житие воевавшего с Москвой и убиенного в Орде князя Михаила Тверского. Но это не официальное действо, как вы понимаете. Требовалось причисление к лику святых многих из так называемых «новых чюдотворцев», потому что с древности не так много было общерусских святых. Ранее, когда я вам их называл, назвал почти всех.

В 1547 и 1549 годах были проведены два Церковных Собора, которые причислили к лику святых немалое число местночтимых святых. Я сказал «немалое число», потому что это проблема: а сколько их было? На этом вопросе я коротко остановлюсь.

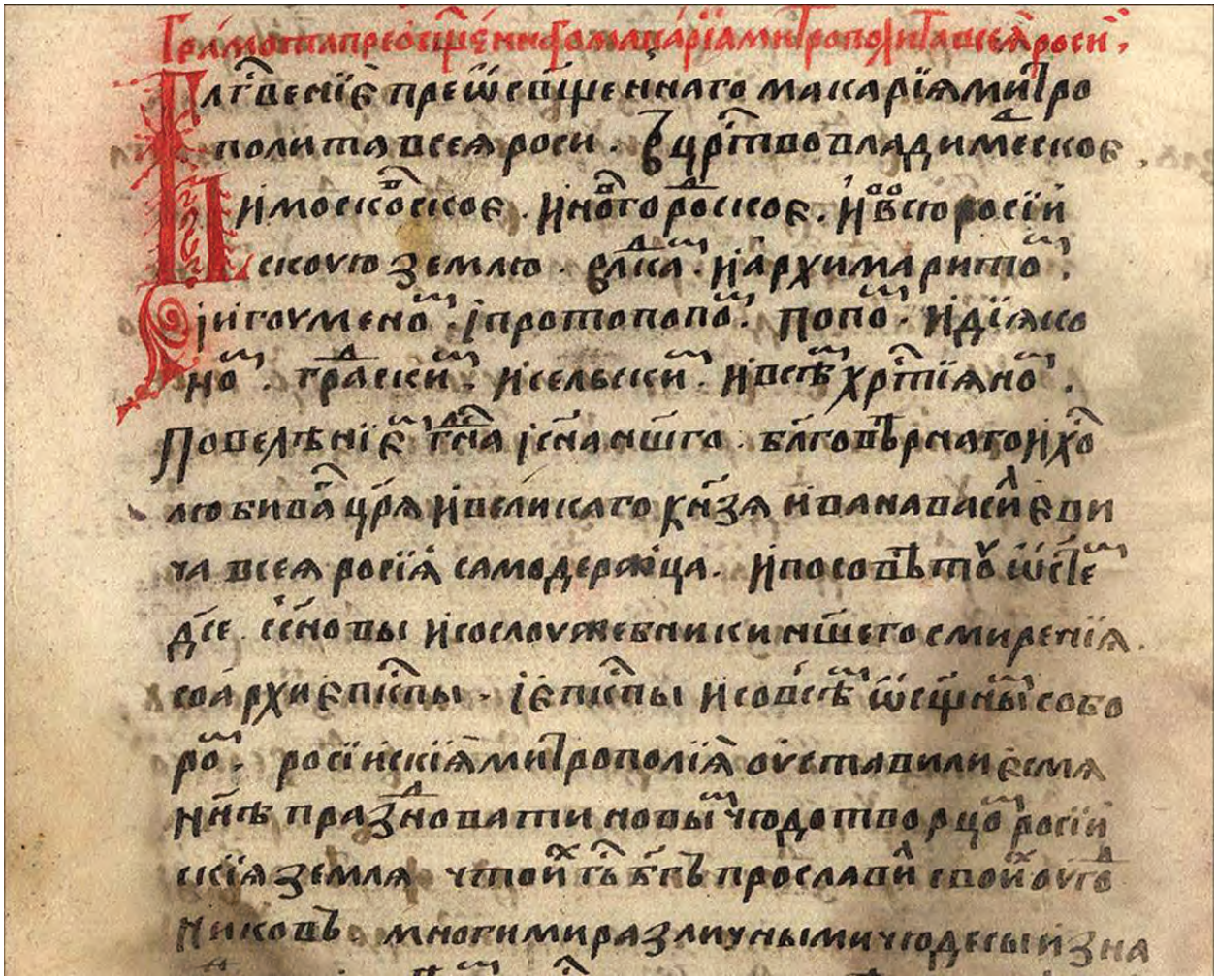
В начале Томского списка «Степенной книги» — торжественное «сказание о святемъ благочестии российских начялодержець и семени их святаго и прочих». В нём проводится идея, что все государи российские — Рюриковичи — были святыми, воевали ли они на стороне Москвы или против неё и т.д. И вся эта поросль, идущая от Рюрика и Владимира



«Степенная книга царского родословия». Томский список. 1560-е гг. Л. 1

Святого, — как «роща райских древес, насажденных близ райского сада», и второе тут же уподобление — как «лестница с золотыми ступенями [степени «Степенной книги»], восходящими на небо к последним временам благочестивого правления Ивана IV». Это намёк на книгу святого Иоанна Лествичника «Лествица», весьма чтимую книгу, и мы её находили в Сибири в древних изданиях.

Но возвращаемся к Церковным Соборам 1547 и 1549 годов. Дело в том, что из-за бесчисленных московских пожаров никакие постановления, церковные грамоты Соборов того времени в подлинниках до нас не дошли (в подлинниках дошли только земельные акты), но эти постановления переписывали и очень часто. Сейчас известны 7–8 списков постановлений, по всей видимости, первого Собора — 1547 года, хранящихся в разных монастырях. Не так давно все эти списки собрали, и профессор Московской духовной академии архимандрит Макарий (Веретенников) их сопоставил: они несколько расходятся по содержанию, но в основных своих чертах соответствуют друг другу. Архимандрит Макарий был и у нас в секторе археографии и источниковедения для того, чтобы познакомиться с одним из списков, который посчастливилось найти в археографических экспедициях нашей группе. И, как оказалось, из всех известных списков у нас хранится наиболее авторитетный. Это — **Окружная грамота Собора 1547 года.**



Окружная грамота Собора 1547 года. Алтайский сборник. 1590-е гг.

В начале этой грамоты говорится, что посылается она «в царство Владимерское, и Московское, и Новогородское, и во всю Российскую землю владыкам, и архимаритом, и игуменом, и протопопом, попом и дияконом градским и сельским и всем християном». То есть на её основе написаны те грамоты, которые потом отправляли в разные монастыри, где позже их и обнаружили историки — в Иосифо-Волоколамском, Соловецком и в других монастырях.

В списке Окружной грамоты — 23 имени «новых чюдотворцев». В других списках это число немного варьируется — два-три имени то появляется в них, то исчезает. Но важно и другое. Кроме этих списков, до нас дошло **Житие митрополита Ионы** (одного из трёх высокочтимых московских митрополитов — святителей Петра, Алексия и Ионы), в котором рассказывается об этих же «новых чюдотворцах», и там есть имена, которых нет ни в найденном нами списке Окружной грамоты Собора 1547 года, ни в семи других списках. Профессор Московского университета и профессор Московской духовной академии Василий Осипович Ключевский (1841–1911) считал это Житие митрополита Ионы очень авторитетным. Если всё

это соединить, то всего будет 38–39 имён, а не 22–23 в соответствии с грамотами. Из этого списка святых, канонизированных на Соборах 1547 и 1549 годов, а может быть, и вскоре после них, в правление митрополита Макария, в **Томском списке «Степенной книги»** мы находим лишь 17 имён. А всего в «Степенной книге» содержатся рассказы о 27 святителях русских, причисленных к лику святых, 28 игуменах и клириках и 25 русских князьях. Но, повторюсь, чаще всего это довольно краткие упоминания, кроме тех обширных житий, о которых я вам говорил ранее.

И есть одна любопытная научная проблема, которой, видимо, стоит заниматься дальше. Состоит она вот в чём.

Томский список «Степенной книги», о котором я говорю, — менее полный, чем так называемый **Пискарёвский список**, датированный концом XVI – началом XVII века, то есть он позднее Чудовского, Волковского и Томского списков. И в этом Пискарёвском списке есть одно интереснейшее **приложение** к основному тексту (вообще их пять), посвящённое «новым чюдотворцам». И среди их имён я хотел бы обратить ваше внимание пока только на одно имя.

Это архиепископ Иоанн Новгородский (†1186 г.), о котором я буду ещё упоминать сегодня. Перед вами — прекрасная деревянная скульптура с раки с мощами святого, скупо раскрашенная. Это знаменитая пермская деревянная резьба. Именно пермяки славились этим искусством и создали целую большую галерею и русских святых, и образов, взятых из Священного Писания (в частности, там довольно много евангельских образов). Это удивительное, имеющее свои законы направление церковного искусства, поэтому я и показал вам данное изображение.

Архиепископ Иоанн Новгородский. Деревянная скульптура с раки с мощами святого. Новгород, 1559 г.

А теперь вернёмся к Пискарёвскому списку, к тому приложению в нём, которое так и озаглавлено — **«Новые чюдотворцы»**. Должен сказать, что термин этот для тех святых, которых в XVI веке причисляли к лику святых, вошёл в церковный язык и язык историков очень

быстро. Есть некоторые церковные книги, те же Минеи, в которых канонизированные при митрополите Макарии святые так и называются — «новые чюдотворцы».

В указанном приложении приводится список святых с обозначением — в какой степени и в какой главе основного текста Пискарёвского списка о каждом из них говорится. Всего в нём 21 имя, то есть и в этом списке приведены не все имена. По какому принципу они были отобраны, я не знаю.

Таким образом, как вы видите, важная проблема — разное соотношение данных о «новых русских чюдотворцах» в известных нам Окружных грамотах Соборов 1547 и 1549 годов, в Житии митрополита Ионы, в тексте «Степенной книги» и в своеобразном приложении «Новые чюдотворцы» к Пискарёвскому списку. И я не знаю пока сколь-нибудь хорошего научного решения этой проблемы.

Как я уже говорил, Русская Церковь во главе с митрополитом Макарием, а затем и его преемником — митрополитом Афанасием — проводила одну важную политическую линию в очень разных политических условиях. И вначале это была всяческая поддержка важнейших реформ Ивана IV 1550-х годов, когда была упорядочена вся система административно-территориального управления России. Причём важно то, что тогда не ломали прежнее, а приспосабливали очень далёкую, глубокую старину к новым условиям. Это было то, что потом историки назовут сословно-земским управлением, ибо в этой системе управления в конце концов были представлены основные сословия Русского государства, кроме крестьянства и холопов. История же того, как туда пробивались торговые сословия, — очень яркая и драматическая история. А местное управление тоже должно было опираться на выбираемых населением — сельских старост и т.д. Вот такая система.

Мирополит Афанасий обращается к царю Ивану Васильевичу. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1560–1570-е гг.

Именно она способствовала многим успехам первого периода правления Ивана Грозного. И именно слом этой системы, попытка Ивана IV вместо земского сословно-представительного строя создать из России восточную деспотию типа Турции или Персии, привели к страшному второму периоду его

правления — жуткому террору, который никоим образом, конечно, митрополитом Макарием одобрен быть не мог. А основные идеи «Степенной книги» всё больше и больше приходили в противоречие с политикой главы государства.

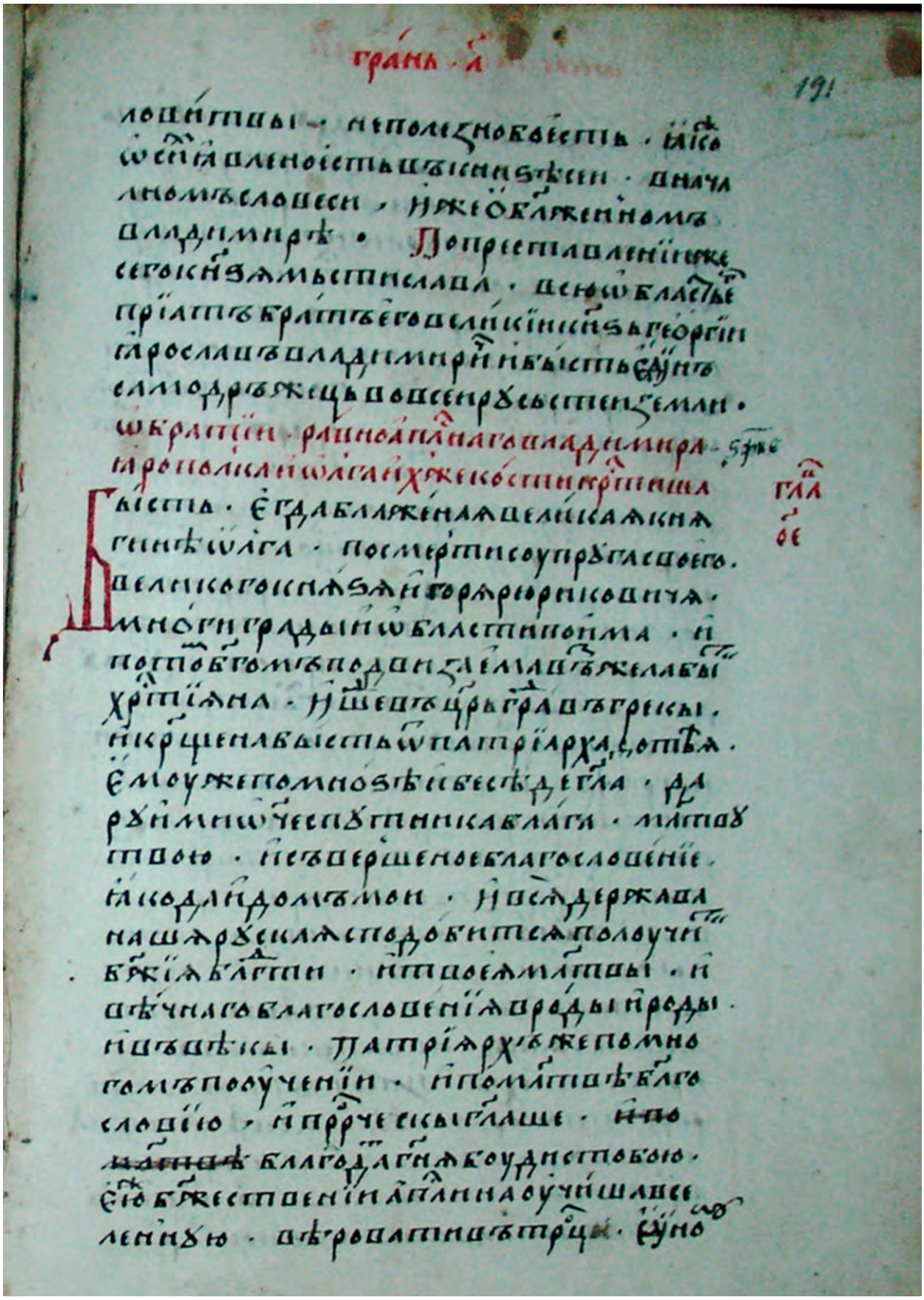
Может быть, с этим связаны колебания митрополитов Макария и Афанасия по очень важному вопросу, который и до сих пор вызывает большие споры и большие битвы, а именно: входит ли современность в историю и с какого времени включать современность в историческое повествование? В этом отношении я советую вам прочесть великолепное ироничное стихотворное изложение «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» Алексея Константиновича Толстого, которое автор начинает с Гостомысла, доводит до правления Александра I и далее пишет:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным.
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим...

Эта проблема во весь рост встала перед митрополитами Макарием и Афанасием: что делать, когда предпринимаются попытки воспитывать государя в идеях «симфонии», а реально всё больше и больше у него проявляется тяга к тирании? Найденный нами Томский список «Степенной книги», как и Чудовский, как раз и отразили эти очень серьёзные колебания: давать ли вообще в этом курсе русской истории правление Ивана Грозного? Даже так... И хотя в предыдущих очень многих степенях, где были «похвалы», например святым князю Владимиру и княгине Ольге, они заканчивали их пожеланиями благополучного правления государю Ивану IV Васильевичу, на деле же они далеко не сразу решились писать эту самую семнадцатую степень о времени его правления.

В Томском списке шестнадцатая степень закончилась так, как и все другие степени, — «опрокинутой пирамидкой», когда строки становятся всё короче и короче, и в конце остаются всего одна-две буквы. А дальше происходит смена почерка. Для археографов это очень важная вещь. Семнадцатая степень написана другим почерком, и говорят даже — другими почерками. Причём смена почерка была не только в самом тексте. «Степенная книга» знала своеобразное оглавление: сразу после Жития святой княгини Ольги, перед Житием святого князя Владимира, в книге помещено подробное оглавление — перечень всех семнадцати степеней с главами, так называемое **гранесование**. И в этом оглавлении, которое было почти в начале книги, также произошла смена почерка на том самом месте: шестнадцатая степень оглавления — одним почерком, а семнадцатая начинается уже другим.

Потом, когда всё-таки решили писать семнадцатую степень, то возникла проблема — а как её закончить? Такое торжественное начало о «роще райских древес, насажденных близ райского сада», олицетворяющих



Рассказ о крещении костей братьев князя Владимира. «Степенная книга царского родословия». Томский список. 1560-е гг. Л. 191

поколение Рюрика и его потомков, — а здесь о чём писать? Подробно написали о взятии Казани, начали писать о несчастливейшей для Руси Ливонской войне (в этом месте опять произошла смена почерка). А чем закончить? Основная идея «Степенной книги» гибла на глазах. Продолжать книгу было незачем, и она осталась незавершённой — текст без всякого благочестивого заключения обрывался на малозначительном известии 1560 года: «Тогда же бысть Крымьскому царю с нагаи великая разность и гладъ великъ бысть в Крыме»...

Мало того, в древнейших списках «Степенной книги» часть заставок была полностью сделана, а часть только намечена пером, но не раскрашена. Это тоже свидетельство её незавершённости.

Это относительно судеб «Степенной книги».

А дальше я не могу удержаться, чтобы не затронуть одну очень важную источниковедческую тему: **как создатель «Степенной книги» интерпретировал известные ему факты прошлого** — летописные, житийные и другие?

В этой связи, прежде всего, нужно сказать, что каждый источник тенденциозен. Источника, который был бы абсолютным зеркалом происшедшего, нет. И каждый историк тенденциозен, во-первых, потому что он излагает историю в меру доступных ему источников (в XX веке огромное количество источников по истории России было засекречено), во-вторых, в меру господствующих политических и других воззрений. А иногда он бывает тенденциозен из соображений своей карьеры и прочее, и прочее.

Князь Владимир распоряжается крестить кости братьев. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1560–1570-е гг.

Несколько слов о том, как подаёт известные факты митрополит Афанасий в «Степенной книге». Одна из проблем, которая стояла перед ним, связана с тезисом о всех Рюриковичах как святых, как своеобразной райской поросли.

Я уже рассказывал вам на первой лекции, что у Владимира Святого были два брата — Ярополк и Олег, которые погибли в ходе междоусобной борьбы до того времени, как в 980 году он стал государем — великим князем Киевским. После крещения князя Владимира последующим историкам, а может быть, и современникам, казался не очень

удобным тот факт, что он крестился, а его братья были язычниками. А ведь братья святого! Нехорошо-с! И появилась легенда (степень её достоверности мне неизвестна) о том, что после крещения великий князь приказал вырыть кости своих братьев и совершить над ними обряд крещения.

Великий князь Ярослав Мудрый. Реконструкция М.М.Герасимова. 1939 г.

«Степенная книга» не только приводит этот рассказ, но и в дополнение к нему сообщает сведения из других источников о том, что вроде бы и великий античный философ Платон тоже был крещён посмертно, потому что считалось, что в одном из его текстов есть пророчество о рождении Спасителя мира от Святой Девы. Платон в Средневековье очень почитался за это. И возникла легенда о его посмертном крещении. А в «Степенной книге» к этому месту был вклеен лист с почерком правки, где рассказывалось и о других подобных случаях посмертного крещения. Это только один пример того, как сглаживалось неудобство несовпадения того, что было известно, с тем, что должно было быть — как было бы хорошо, если бы так было...

Саркофаг Ярослава Мудрого. Киев

А вот другой пример удивительно умного снятия ещё одного противоречия. Повторюсь, основная идея «Степенной книги» — все Рюриковичи святые. Первая степень — Владимир Святой — из самых-самых почитаемых святых. А за ним правит его сын — Ярослав Мудрый (978–1054), при котором в 1037 году была построена Святая София, хотя на одной из стен вроде бы были найдены граффити с более ранней записью.

Но из летописей известно, что незадолго до кончины святого князя Владимира его замечательный сын

Ярослав чуть было не начал воевать со своим отцом. Возник спор. Ярослав не стал платить Киеву дань от Великого Новгорода. И оба князя стали готовиться к войне: мостить дороги по новгородским болотам. Ярослав срочно вызвал к себе большой отряд варяжских норманнских воинов. Однако война не разразилась — до её начала князь Владимир скончался. «Степенная книга» рассказывает об этих событиях, а в конце пишет, что должна была быть страшная сеча между святым князем и его благородным сыном, но оба они молили Господа, чтобы дело закончилось миром. Господь внял их мольбам — и князь Владимир умер до начала военных действий...

Другая история связана с тем самым архиепископом Иоанном Новгородским, пермское изображение которого я вам ранее показывал, и со знаменитой новгородской иконой Пресвятой Богородицы «Знамение». Новгород в это время воевал с великим князем Владимиро-Суздальским Андреем Боголюбским (ок. 1111–1174), построившим храм Покрова на Нерли, владимирский Успенский собор и т.д. Во всех летописях Андрей Боголюбский, конечно же, подаётся как святой князь. Так было и в XVI веке. Хотя должен сказать, что митрополит Афанасий пишет о нём довольно сдержанно — сдержаннее, чем о многих других князьях. В 1170 году, в разгар своих военных успехов, Андрей Боголюбский предпринял большой поход на Великий Новгород. Город был осаждён и готов был уже сдаться. Тогда, как рассказывает «Повесть о новгородской иконе „Знамение“», произошло чудо: архиепископ Новгородский Иоанн, которому был глас свыше, вынес на городскую стену икону Божией Матери «Знамение» — и суздальское войско обратилось в бегство. И дальше в «Повести» рассказывается о том, что от войска этого почти ничего не осталось, оно утонуло в болотах и т.д., и т.д.

Икона Божией Матери «Знамение» Новгородская. XII в.

«Повесть о новгородской иконе „Знамение“» приводится в «Степенной книге» в сокращённом виде, немалая часть рассказа о злоключениях суздальского войска опускается.

Ещё одним труднейшим для постулатов «Степенной книги» пунк-

Чудо от иконы Божией Матери «Знамение» Новгородская.
Битва новгороцев с суздальцами

том была история тяжёлой междоусобной борьбы Москвы с Тверью — борьбы между возвышающимися сыновьями князя Даниила Александровича Московского (причисленного, как вы знаете, к лику святых) Юрием (Георгием; 1281–1325) и Иваном (1284/1288–1340) Даниловичами и тверскими князьями.

Великий князь Михаил Ярославич Тверской. Мозаика. Кон. XIX – нач. XX в. Художник В.Беляев

Шла борьба за ярлык от татар на великое княжение. В Орде был тогда свирепый хан Узбек, который играл на две стороны, ссорил князей. Когда московский князь Юрий Даниилович всё же смог вывезти из Орды ярлык на великое княжение на своё имя, а заодно и свою супругу — татарскую княжну Кончáку, крещёную с именем Агафья, то тверское войско во главе с князем Михаилом Ярославичем двинулось против московского войска. И Москва проиграла это сражение под селом Бартеневым. В плен к князю Михаилу Тверскому попала даже супруга московского князя Агафья, которая вскоре умерла. Это дало возможность Юрию Даниловичу тут же заявить об отравлении сестры хана Узбека. Тверской князь Михаил Ярославич был вызван в Орду и зверски там казнён. После казни князя Михаила ярлык на великое княжение вновь был передан московскому князю Юрию.

Великий князь Иван Даниилович Калита. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. 1564–1565 гг.

В Твери, конечно же, появилось большое Житие великомученика князя Михаила Тверского, написанное его духовником. Это житие было включено в «Степенную книгу» в весьма широком виде, и хотя в нём были несколько смягчены антимосковские тенденции, но то, что тверской князь Михаил был в Орде убит по навету московского князя Юрия, в житии было написано. И в таком виде оно было включено в «Степенную книгу».

Ещё один «трудный» момент связан с уже называвшимся мной князем Иваном Даниловичем Калитой.

Дело в том, что, пользуясь распрями между князьями, татары попытались вернуть ту систему сбора налогов, которая была отменена под влиянием мудрой дипломатии князя Александра Невского, а именно: сбор налогов специальными посланниками — баскаками. Для этого в Тверь прибыл двоюродный брат хана Узбека Чолхан (имя это сохранилось в русском фольклоре в качестве «нечестивого щелкана»), который развернул жесточайшие преследования, казни. А потом начался повальный грабёж города. Но ордынское войско оказалось небольшим. Однажды на тверском рынке произошёл вроде бы малозначительный инцидент: татарин стал отнимать лошадь у некоего дьякона Дудко. За дьякона вступились горожане. Раздался крик: «Бей грабителей!» В результате через несколько часов в городе не осталось ни одного живого татарина.

Восстание в Твери 1327 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1560–1570-е гг.

На усмирение Твери хан Узбек послал карательную экспедицию, где был изрядный отряд татарской конницы. И к этому войску свои войска присоединил Иван Даниилович Калита. Тверь была приведена к покорности (хотя через некоторое время опять будут вспыхивать восстания и система баскачества долго не продержится на Руси), и в награду за эту покорность к Москве было присоединено Суздальское княжество.

Вот такой малоприятный сюжет. И «Степенная книга» вообще обходит вниманием Тверское восстание. О всех перипетиях борьбы между Москвой и Тверью «Степенная книга» хоть и очень бегло, но рассказывает, а о Тверском восстании в ней нет ни слова. Ещё раз повторюсь, каждый историк тенденциозен.

Последний сюжет из «Степенной книги», о котором я вам расскажу, связан с весьма романтической историей.

Великий князь Димитрий Донской послал своего сына Василия по дипломатическим делам в Орду. Его там задержали, но он бежал и круговым путём через Восточно-Центральную Европу добрался до Литвы, где княжил тогда великий князь Витовт, один из наиболее почитаемых литовцами князей.

Витовт договорился с князем Василием о том, что между Москвой и Литвой воцарится мир и этот мир будет закреплён браком между наследниками двух престолов — будущим Василием I (ему в то время было всего 13 лет) и дочерью Витовта Софьей. После этого он помог князю Василию вернуться в Москву. Очень красивая романтическая история.

Закончилось же всё это для обоих государств весьма значительной передышкой в бесконечной борьбе, которую, кстати сказать, оба государства довольно хорошо использовали.

Это всё по «Степенной книге».

В заключение я бы хотел сказать следующее. Весной 1564 года на смену митрополиту Макарию приходит автор «Степенной книги» митрополит Афанасий. Как я вам уже говорил, в обстановке начинающегося разнузданного террора он через

Великий князь Василий Димитриевич. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. 1564–1565 гг.

Малюта Скуратов убивает святителя Филиппа. Клеймо иконы «Святитель Филипп II (Колычев) с житием». Конец XVII в.

неполных два года покидает митрополичий престол. А несколько позднее, в 1569 году, разворачивается страшное действо, совершенно не соответствующее концепции «симфонии», — трагическое противостояние государства Церкви. Да, подобные идеологические теории очень и очень часто нарушались. Нарушались они в Византии, нарушались они и на Руси. И самой верхней точкой этого трагического противостояния стала история протеста и гибели митрополита Московского и всея Руси Филиппа II (Колычева; 1507–1569), который в разгар

Святитель Филипп (Колычев). Крышка раки. XVII в.

опричнины, не добившись своими увещеваниями прекращения государем кровавых репрессий, опустошавших страну и в конце концов приведших к её поражению в Ливонской войне и к началу крепостного права на Руси (а в далёкой перспективе — и к Смуте), спасал лицо Церкви резким публичным обличением в Успенском соборе Московского Кремля зверств Ивана Грозного. Смелейшее действие, за которое государь тут же свёл его с митрополичьего престола и отправил в Тверской Отроч монастырь.

Во время опустошительнейшего похода Ивана Грозного на Великий Новгород 1569–1570 годов, когда опричное войско шло через Тверь, глава опричников Малюта Скуратов отлучился в Тверской монастырь, где находился тогда в заточении митрополит Филипп, и задушил его подушкой.

Царь казнил его в 1569 году, но уже в XVI же веке создаётся его икона как святого. А во второй половине XVII века, и об этом я ещё буду говорить, подвиг митрополита Филиппа будет играть особую роль в политической жизни страны.

Теперь итог.

«Степенная книга», как и другие мероприятия митрополита Макария и его преемника, решала задачу духовного единения страны, старалась решать и одновременно решала задачу единых действий государства и Церкви. Но тиранический режим Ивана Грозного не позволил закончить это большое произведение и вроде бы со смертью митрополита Филиппа показал всем нежелательность этого. Но удивительное дело: как только государь-тиран скончался, «Степенная книга» даже в таком неоконченном виде начала приобретать всё большую и большую популярность. В том же XVI веке создаются её **новые редакции — Ду́минская, Пискарёвская и другие**. А всего, как я уже вам говорил, мы знаем 145 списков «Степенной книги» — популярнейшего исторического памятника.

На этом я закончу сегодняшнюю лекцию.

Лекция 3. «ЛАТУХИНСКАЯ СТЕПЕННАЯ КНИГА»

Друзья мои, у нас сегодня последняя большая лекция нашего небольшого курса из трёх лекций. Напомню вам, что курс источниковедческий, в соответствии с общим профилем гимназии, который задал отец Борис, и историографический. Историография, как вы уже знаете, — это наука об истории самих исторических знаний, о том, как они возникали и развивались.

Тема сегодняшней лекции — «Латухинская Степенная книга». Латухинская она потому, что её предпоследним владельцем был балахнинский Нижегородской губернии купец — Латухин.

Книга попала в руки знаменитого русского писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (это имя я вам не раз уже называл). И он увидел, что в этой книге очень много исторических сведений, особенно времени Ивана IV, Бориса Годунова и Смуты, которых историческая наука до этого не знала.

Н. М. Карамзин был государственный историограф. Указом государя он был назначен историографом, и ему помогали знаменитые работники наших архивов, подбирали для него многие источники. Но он сам обратил внимание на «Латухинскую Степенную книгу», взял из её текста много в русскую историю — в «Историю государства Российского», которую писал. А я вам уже говорил, что «История государства Российского» тщательнейшим образом читалась Александром Сергеевичем Пушкиным и стала исторической основой для знаменитой его драмы «Борис Годунов» (кажется, в школьном курсе её нет — и я вновь советую вам её прочитать), а затем и для оперы Модеста Петровича Мусоргского «Борис Годунов». То есть «Латухинская Степенная книга» внесла свой изрядный вклад не только в русскую историографию, но и в историю русской культуры — культуры всего русского общества.

Портрет Николая Карамзина. Художник В.А.Тропинин. 1818 г.

Перед вами портрет Н. М. Карамзина кисти того самого В. А. Тропинина, которому принадлежит и знаменитейший, наверняка много раз видимый вами портрет А. С. Пушкина.

Как всегда, когда мы подходим к новому источнику, у нас к нему возникает целый ряд предварительных вопросов, прежде чем мы начинаем им пользоваться: прежде всего авторство (на первых двух лекциях мы об этом говорили), не менее важна датировка, а также место создания, личность создателя, обстановка создания. На все эти вопросы сейчас довольно легко найти ответы.

К настоящему времени до нас дошли 33 списка «Латухинской Степенной книги» в нескольких редакциях. Кстати сказать, выше я вам уже говорил, почему книга называется Латухинской, а Степенная она потому, что построена по тому же принципу, что и «Степенная книга царского родословия» святителей Макария и Афанасия, о которой мы говорили на прошлой лекции, и продолжает она добрую сотню лет по той же схеме: каждая степень, каждая глава — особое правление. Перед оглавлением книги — его название: **«Главы всея Степенныя книги сея»** (стих). И это не случайно.

Автором «Латухинской Степенной книги» был **архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Тихон** (†1707).

Перед вами гравюра XIX века Макарьевского Желтоводского монастыря, что под самым Нижним Новгородом. Это монастырь, игравший нема-

Макарьевский Желтоводский монастырь. Гравюра. XIX в.

лую роль в истории русской духовности, один из двух монастырей, созданных преподобным Макарием Желтоводским-Унженским (1349–1444), ставший потом также видным центром русской торговли — близ него была одна из известных нижегородских ярмарок.

Я недавно, буквально на днях, отправил в Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), поддерживающий сейчас науку, — и это одно из немногих начинаний тех бурных 1990-х годов, которое более или менее успешно, хотя, может быть, скоро скажу «было», — грант на издание «Латухинской Степенной книги». При всём значении этой книги она ни разу не издавалась, цитировали некоторые её места немало, но сама книга никогда не издавалась. Если грант будет получен, то мы издадим этот том[1].

«Латухинская Степенная книга. 1676 год». Издание 2012 г.

Обложка «Латухинской Степенной книги»

Текст «Латухинской Степенной книги» занимает более 40 печатных листов, а с указателями, вводными статьями и т.д. мы насчитали 54 авторских листа, в Москве же насчитали 61 лист (не знаю почему).

Рукопись, которую мы издаём, это **Нижегородский список**. Перед вами его обложка тетрадного размера (чуть больше). Текст рукописи

[1] «Латухинская Степенная книга» вышла в свет при финансовой поддержке РГНФ, а также при содействии гранта Президента РФ в 2012 году: «Латухинская Степенная книга. 1676 год» / Изд. подг. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов; отв. ред. Н. Н. Покровский. – М.: «Языки славянской культуры», 2012. – 880 с. — *Прим. ред.*

Виршы

Творецъ и создатель бгъ всемъ,
Носей тварь служащей емъ:
Хрстосъ истинный всѣхъ спаситель,
Отъ гаиса изжидитель,
Неизреченнымъже совѣтомъ,
Многимъ сый шзари насъ свѣто:
Штвари бо всей той промысли,
Но инасъ спасти всѣ омыслилъ:
Аще и послѣднее према,
Хотя намъ облегчити брема:
Штмы насѣтъ насъ произведе,
Благодать крщенія даде:
Омылъ наше согрѣшеніе,
Загладилъ все прегрѣшеніе:
Егда вершейшихъ жителей,
Небысть благихъ очителей:
Андрей апстлъ книмъ приходилъ,
Человѣкъ тамъ свѣты просвѣтилъ:
Апрежде его ученія,
Ходиша потмѣ блужденія:

9-47
С-Х
426582
Горьковская Областная библиотека имени В.И. Ленина Горький

«Латухинская Степенная книга». Л. 1–1об. Виршы

занимает 1264 листа, если умножите на два, то получите количество страниц.

Относительно **авторства и датировки книги** мы можем узнать на той странице, которая открывает «Латухинскую Степенную книгу». Видите, что там сверху написано киноварью? Читайте: «Виршы».

Архимандрит Тихон был не только историком, но и поэтом. В этом влияние новых стилей, идущих к нам через культурные связи с Украиной, — влияние барокко. Он написал ещё большой трактат по музыковедению, который тоже предварил виршами. Но в «Латухинской Степенной книге» — не просто вирши, это акростих. Знаете, что такое акростих? — Тогда читайте по первым буквам. Что получится?

«Тихон монах о Бозе начах, книги сия нетрудно писах, доволну же мзду за се взях [иначе говоря, ему заплатили за этот труд, историк получил за него гонорар, и мы знаем из других сведений, что он был близок к московским кругам — и церковным, и царским, так что это в определённой мере заказной труд. — *Н.П.*], в лавру Желтоводскую отдах, в лето седм тисящ сто осмдесят седмое в месеце ноемврии».

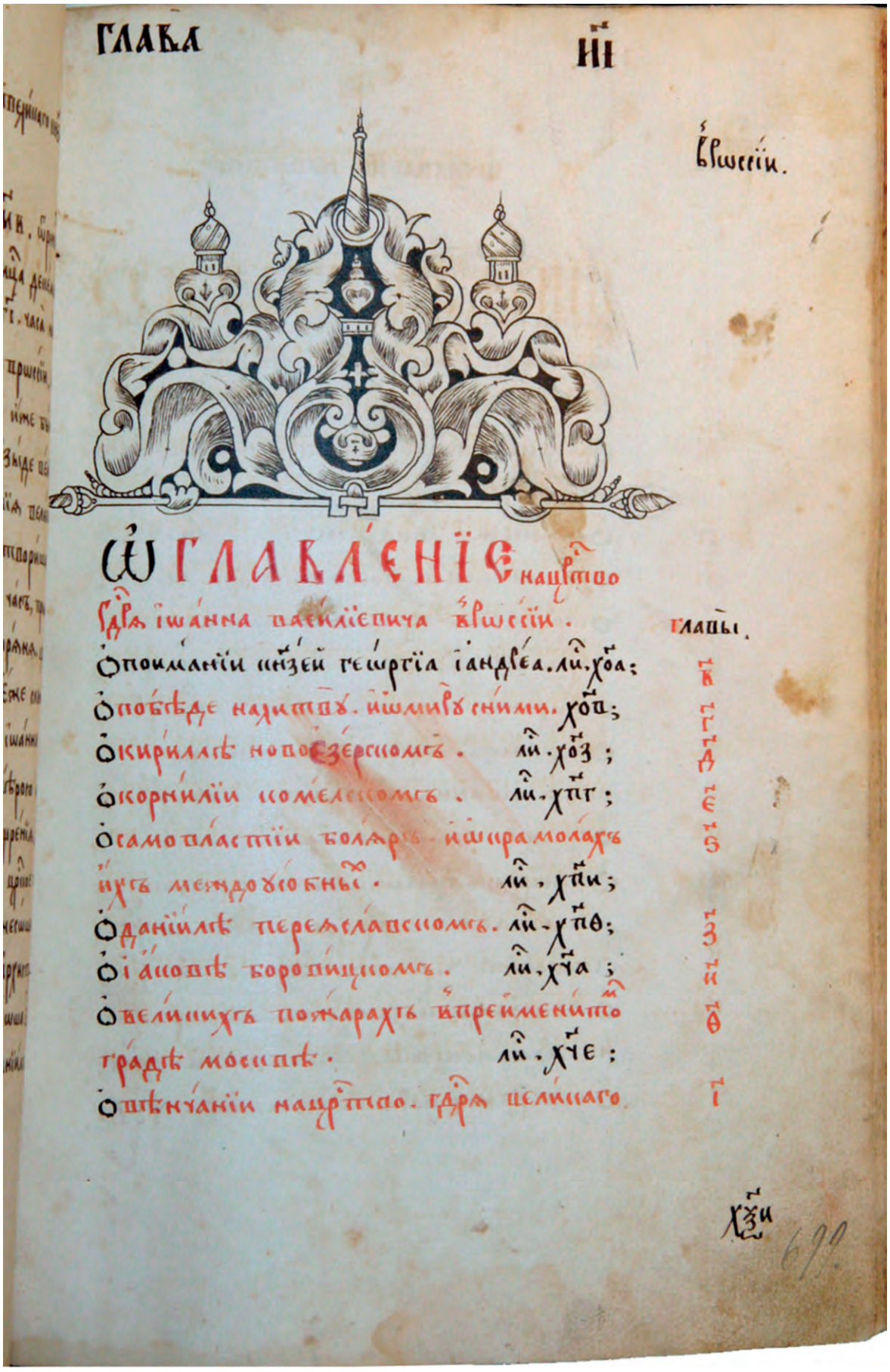
Какой это по-нашему год? — Это ноябрь 1679 года.

Ещё пару раз даты упоминаются в книге, которые не противоречат указанной: подарочная надпись в монастырь называет [7]187 год и в самом заглавии книги говорится о том, что изложение в ней доведено «даже и до настоящаго времени сего 7186-го». По-видимому, архимандрит Тихон писал вирши, закончив основной труд, и наиболее вероятной датой создания «Латухинской Степенной книги» является 1678 год.

Мы знаем, что Тихон был архимандритом Желтоводского монастыря с 1675 по 1677/1678 год, то есть где-то около времени создания этой книги. Затем царским указом он был взят в Москву. Вскоре, тоже по царскому указу, стал келарем Саввино-Сторожевского монастыря, близкого к царской фамилии. А затем он был казначеем последнего русского Патриарха Адриана конца первого Патриаршего периода (мы живём во второй Патриарший период с 1917/1918 года) и даже душеприказчиком по завещанию Патриарха Адриана.

Вот то, что нам известно из внешних вещей об этом сочинении и его авторе. Но нужно учитывать ещё одно — нужно учитывать историческую обстановку, когда оно создавалось.

Я вам напомню, что это были годы во многом переломные для восточного славянства. С 1648 по 1654 год шла тяжелейшая война России с Польско-Литовским государством за Украину и Белоруссию, поддержанная восстаниями в обеих странах, и в частности восстанием главной тогдашней украинской силы — запорожского казачества. В 1654 году Переяславская рада во главе с гетманом Богданом Хмельницким объявила о присоединении к России. Но война за эти земли продолжалась ещё очень долго. Огромную роль в финансировании войны играла Сибирь,



ГЛАВА НІ

Ѿ ГЛАВЛЕНІЕ нацр҃тво

гдр҃а іѡанна василіевича всеросіи. главы.

Ѻ поимании князей георгіа іандреа. лі҃. х҃оа; ві҃

Ѻ побѣде на татѣхъ. ішлиѹ сними. х҃оп; гі҃

Ѻ кириллѣ новоезерскомъ. лі҃. х҃оз; да҃

Ѻ корнилии соловецкомъ. лі҃. х҃пг; єі҃

Ѻ самопластіи болѣрѣ. іширомолахъ ѕі҃

ихъ междоусобные. лі҃. х҃пи;

Ѻ даніилѣ переяславскомъ. лі҃. х҃пѳ; зі҃

Ѻ іаковѣ коропицкомъ. лі҃. х҃ча; ѝі҃

Ѻ великихъ пожарахъ и преименитѣ ѳі҃

градѣ москвѣ. лі҃. х҃че; і҃

Ѻ отѣчаніи нацр҃тво. гдр҃а целинаго

хзи

Оглавление «Латухинской Степенной книги»

недаром многие малороссийские дела того времени мы находим в фонде Сибирского приказа (его опись — отдельная). И лишь в 1667 году было заключено Андрусовское перемирие, по которому значительная часть белорусских земель, Левобережная Украина и Киев отошли к России.

Всё это способствовало значительному укреплению культурных связей между Украиной, Белоруссией и Россией (особая тема, я не буду её касаться). Плоды киевской учёности, сочинения, особенно антиуниатские, родившиеся в Киевской митрополии, принимались и печатались в Москве. И недаром в словарь «Латухинской Степенной книги» архимандрита Тихона прочно вошёл термин «Великая, Малая и Белая Россия».

Новая историческая обстановка сразу же даёт нам важнейшую тему — проблема для «Латухинской Степенной книги» объединённой истории государства Российского в новых её границах.

Я вам уже говорил, что важнейший духовный замысел митрополита Макария состоял в том, чтобы закрепить культурными и церковными связями единство ранее раздробленных русских княжеств, окончание междоусобия в Московском государстве. В «Латухинской Степенной книге» эта традиция сохранялась: построена она, повторюсь, так же, как и «Степенная книга», — по царствованиям и так же, как в макарьевско-афанасьевской книге, в ней даётся оглавление до царствования Ивана Грозного, хотя в самом её тексте, и об этом я позднее ещё скажу, очень крупные изменения.

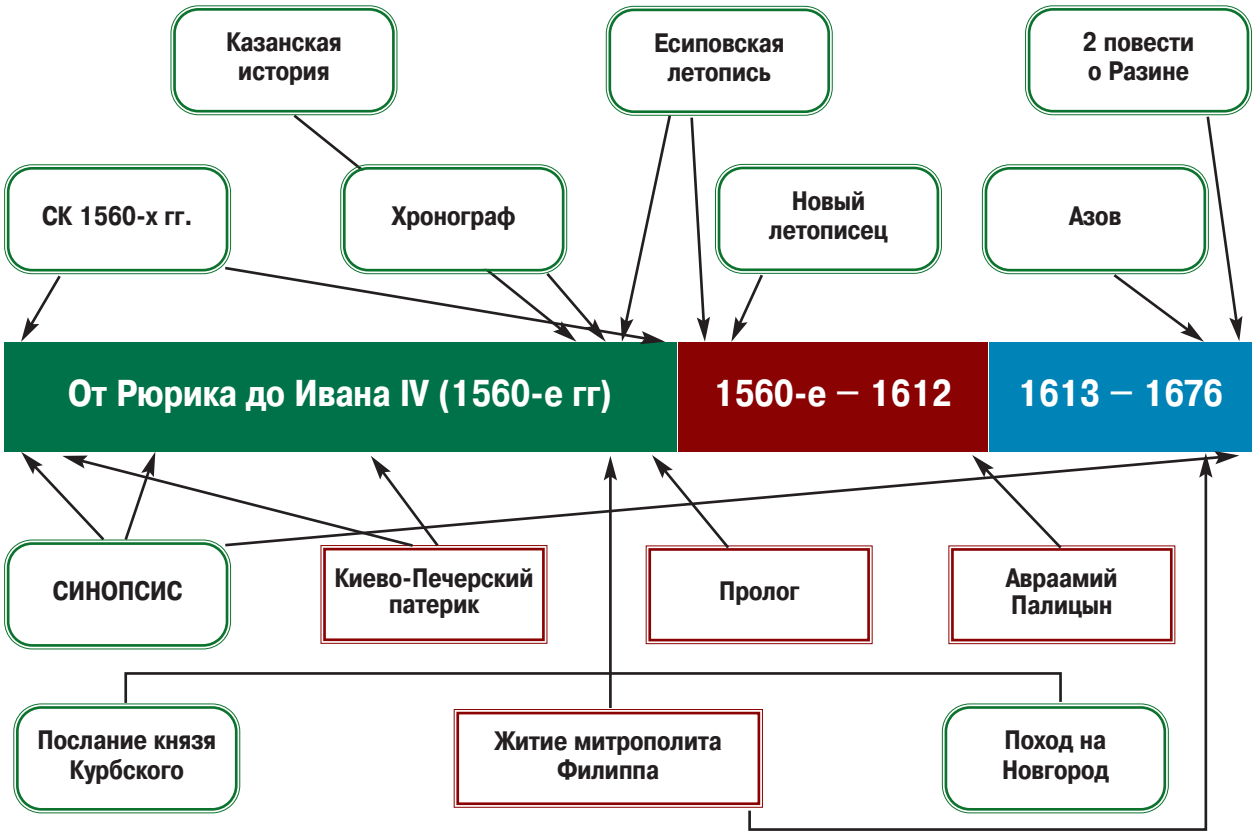
Одно из главных отличий «Латухинской Степенной книги» от её прообраза состоит в том, что в соответствии с новой обстановкой и, следовательно, новой задачей, в ней — уже не просто единство истории разных княжеств Московского государства, но единство всех восточных славян, а также народов, к тому времени в Московское государство вошедших, — от Татарского ханства, от Сибири и, конечно, повторюсь, трёх восточнославянских народов.

Но не только это было целью. Большая заслуга архимандрита Тихона — в очень значительном расширении круга источников, на которых он работал. Вообще, важное условие продвижения вперёд исторической науки — накопление исторических фактов. В «Латухинской Степенной книге» появляется масса новых источников.

«Латухинскую Степенную книгу» исследователи, в первую очередь Платон Григорьевич Васенко, много занимавшийся изучением этой книги, но не издавший её, традиционно делят на три части.

Первая часть включает события от Рюрика и до конца макарьевско-афанасьевской «Степенной книги». Напомню вам, что в «Степенной книге» XVI века изложение доходит до 1560 года с включением двух известий — лета 1562 и февраля 1563 года.

Вторая часть описывает события до конца Смуты (1613).



Источники Латухинской Степенной книги

Третья часть охватывает события с начала новой династии, династии Романовых. Здесь содержится описание правления двух первых Романовых — Михаила Фёдоровича (1613–1645) и Алексея Михайловича (1645–1676). Некоторые поздние списки «Латухинской Степенной книги» продолжают описание до правления Петра I.

Конечно же, главным источником для первой части «Латухинской Степенной книги» стала сама макарьевско-афанасьевская **«Степенная книга»**, из которой архимандрит Тихон взял — иногда процитировал, чаще сократил или сокращённо изложил — 216 фрагментов. Вторым по значению источником, из которого в «Латухинскую Степенную книгу» вошло 67 заимствований, следует назвать важнейшее сочинение по истории восточного славянства — так называемый **«Синопсис» Иннокентия (Гизеля).**

Иннокентий (Гизель) — архимандрит Киево-Печерского монастыря, ректор Киево-Могилянского коллегиума, ставшего потом духовной академией, один из борцов против унии — окатоличивания Украины — и в то же самое время историк, литератор, как и большинство украинских православных писателей, немало заимствовавший из тогдашней западной культуры.

Своё большое сочинение под названием «Синопсис» архимандрит Иннокентий издал в Киеве несколько раз. Перед вами — издание

«Синопсиса» 1680 года. Но было и несколько более ранних изданий этого ставшего впоследствии очень популярным на Руси труда Гизеля. Кстати сказать, возможно, даже не издание, а ещё рукопись этого сочинения была переправлена из Киево-Печерского монастыря в Москву, тогдашнему правительству московскому.

Архимандрит Иннокентий (Гизель; ок. 1600–1683)

Кроме названных источников, в первой части «Латухинской Степенной книги» архимандрит Тихон использовал, и не очень-то сокращая, 15 житий из **«Киево-Печерского патерика»**. Использовал он также и какие-то жития, изданные в Москве. Я тут написал — **Пролог**, хотя иногда в исторической литературе называют печатные святцы, изданные в Москве в 1646 и 1659 годах. Но современные справочники московских изданий таковых не знают, а вот Пролог — большой сборник житий святых — знают. Я бы ещё отметил здесь изложение истории Татарского ханства по интереснейшему памятнику конца 60-х годов XVI века — **«Казанской истории»**, из которой в «Латухинскую Степенную книгу» включены 40 фрагментов, отредактированных архимандритом Тихоном (об этом памятнике мы ещё будем в дальнейшем говорить). История Сибири даётся по **Есиповской летописи** (1636) — главному источнику сведений о походах Ермака и присоединении Сибири к России — и по её продолжению в **Сибирском летописном своде**, где рассказывается о смене воевод и о некоторых других событиях в последующие времена после Ермака. Два источника — по концу правления Ивана Грозного: **Первое послание князя Андрея Курбского царю,**

«Синопсис» архимандрита Иннокентия (Гизеля) 1680 года издания

ушедшего в Литву и остро полемизирующего с царём Иваном Грозным в 1564–1579 годах, и **Житие митрополита Филиппа**, о котором мы с вами говорили на прошлой лекции, о его убиении опричником Малютой Скуратовым в 1569 году при походе на Новгород.

В качестве источника по Смуте отмечу **Сказание Авраамия Палицына**, келаря Троице-Сергиева монастыря. На одном из предыдущих занятий я о нём вам тоже рассказывал.

В третьей части «Латухинской Степенной книги» архимандрит Тихон использовал несколько упомянутых уже мною выше памятников, а также привлекал и новые источники. Среди них: **«Историческая повесть о взятии Азова»** и **«Поэтическая повесть об азовском осадном сидении»**. В разделе «Латухинской Степенной книги» о событиях времени правления царя Алексея Михайловича архимандритом Тихоном непропорционально большое место отводится восстанию Степана Разина. Источником этих глав стали два нарративных памятника: **«Известие о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина»** и **«Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшем от воров и изменников, воровских казаков»**. Оба эти сочинения близки по времени к описываемым архимандритом Тихоном событиям.

Вот то, что касается основных источников, с которыми работал автор «Латухинской Степенной книги». Теперь пойдём дальше по порядку.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах. Миниатюра из Царского Титулярника. XVII в.

Самое сложное — как сочетать противоречивые сведения в разных источниках, и в частности довольно противоречивые сведения в первую очередь в украинских и московских источниках, а также в московских и казанских источниках.

Задача первая. Существует предание, вошедшее в «Степенную книгу» XVI века, о получении шапки Мономаха Владимиром Мономахом (1053–1125) от византийского императора Алексея Комнина (1081–1118) через митрополита Эфесского Неофита. И далее — рассказ о том, что шапкой этой будут венчаться только истинные самодержцы (поэтому одно время и не венчались). «Латухинская Степенная книга» берёт этот рассказ из русских летописей и «Степенной книги» и помещает его.

Шапка Мономаха. Оружейная палата Московского Кремля

Замечу, что на фотографии не та древняя шапка Мономаха, это артефакт XVI века, но тем не менее... какой имеем. Именно он считается главной царской коронационной регалией.

Между тем в «Степенной книге» есть и другое известие о получении Владимиром Всеволодовичем шапки Мономаха. В нём повествуется о том, что Владимир Мономах добыл царские коронационные регалии — и бар-

му, и пояс, и шапку — в бою со старостой города Кафы (Феодосии) в Крыму, а не получил их от византийского императора. Причём рассказ торжественный: он этого самого старосту «с коня мужественно копиемъ исторгну и связаннаго приведе в полкъ свой, и сня с него чепь велику златую с различнымъ камениемъ драгимъ и бисерми, и пояс со златомъ и каменми драгими, и шапку княжую со дщицами златыми дорогоценну, еже все по себе остави посвящения ради во княжение и венчание благочестивымъ самодержцемъ российскимъ». Очень интересно — доблесть, мужество. Только одного нельзя на этом варианте построить — теории «Москва — Третий Рим», которая теперь уже была совсем ни к чему России и российской историографии после Смуты и т.д.

Вот так — два варианта, выбирай любой. Никаких заключений о том, какой из них более правильный, тут нет.

Задача вторая. Очень интересная проблема — сочетание сведений украинских и русских при рассмотрении истории сильнейшего княжества Юго-Западной Киевской Руси — Галицко-Волынского. Это княжество постепенно перехватило первенство у Киева ещё в дотатарские времена. И вслед за архимандритом Иннокентием (Гизелем) архимандрит Тихон признаёт этот факт, говорит: никуда не денешься — перешёл центр политической власти туда. И оба памятника — «Синопсис» и «Латухинская Степенная книга» — приводят целый ряд текстов, восхваляющих главных правителей Галицко-Волынской Руси: князя Романа Мстиславича Галицкого (1150–1205), его сына Даниила Романовича (1201–1264) и сына последнего — Льва Даниловича (1228–1301). Князь Роман Мстиславич ещё упоминается в «Повести временных лет» весьма и весьма почтительно. О подвигах Даниила Романовича очень много известий в Галицко-Волынских летописях, в «Синопсисе», а также, как подчёркивает архимандрит Тихон, и в летописцах польских, чешских и т.д.

Интересно, что, излагая все эти сведения, автор «Латухинской Степенной книги» не преминул подчеркнуть связь первого в этой большой связке великих деятелей Юго-Западной Украины — князя Романа Мстиславича — с Суздальско-Владимирским княжеским домом, откуда вышли московские государи. Следует сказать, что да, была некоторая связь, не такая уж прочная, но тут она всячески подчёркивается. Интересный факт.

Дальше: «Латухинская Степенная книга», опять же вслед за «Синопсисом», постоянно использует термин «самодержцы Галицкие и всея Руси». Но рядом с этим из «Степенной книги» XVI века и из предшествовавших русских летописей всё время идут «государи Московские и всея Руси». Вот так — «вражды» между ними на этих страницах нет. Она снимается. Её очень остро чувствуешь в давние времена, но в XVII веке она не актуальна, особенно после Андрусовского перемирия. В источниках приводятся и восхваляются и те и другие самодержцы — мирно, рядом. В «Латухинской Степенной книге» оправдывается даже венчание велико-

го князя Даниила Романовича королём по приказанию папы римского.

Перед вами портрет с надписью наверху «LEO PRINCEPS RUSSIAE FUNDATOR URBIS LEOPOLIS» — «Лев, князь русский, основатель города Львова». Есть разные сведения: по одним, князь Даниил — основатель Львова, по другим — его сын Лев. И здесь на портрете с королевскими регалиями изображён Лев, из-за чего иногда этот портрет называют портретом Даниила, отца его.

Кажется, для православного человека не очень хороший, в XVII веке особенно, факт, что князь Даниил принимает королевское звание от папского нунция. Но всё равно он оправдывается архимандритом Тихоном: князь был великим, потому что «веру православную крепко утверди и в ней до кончины живота своего пребывав». То есть, несмотря ни на что, православию он не изменил — важное очень заявление, и поэтому тут же идёт отсылка к летописцам польским, чешским и даже к русским, хотя последнее несколько повисает в воздухе.

Памятник Даниилу Галицкому во Львове. Скульпторы В. Ярич и Р. Романович. 2001 г.

Выше был портрет, а теперь перед вами торжественный памятник Даниилу Романовичу Галицкому, построенный во Львове, где даже подчёркивается — король Данило! Это сегодняшнее время. Я вам несколько раз так показывал: старые источники и их преображение в идеологии сегодняшнего мышления.

Очень интересно, что в той же линии проблем украинско-русских архимандрит Тихон даёт взятые из источников XVI века (и «Степенной книги» в первую очередь) картины отчаянного сопротивления русских земель и городов нашествию Батыя, картины мужества русских князей, большинство из которых пало на поле боя, как вы помните, в 1238 году, — и параллельно с этим приводит рассказ о мужественной обороне Киева вскоре после этого (через два года). И эти два рассказа не просто корреспондируют друг с другом. Вы понимаете, что так практически объединяется опять история восточного славянства.

Таких приёмов будет несколько. В частности, восхваления князя Даниила Галицкого идут параллельно с восхвалениями князя Александра Невского. И даже оба героя приобретают подчас сходные черты, но это, как вы понимаете, такой этикет определённый. Архимандрит Тихон сумел в этом сопоставлении найти главное — то, что оба правителя умной дипломатией обеспечивали в конце концов ослабление татарского ига.

Далее — очень интересный раздел во всей этой тематике. В «Латухинской Степенной книге» архимандрит Тихон приводит сведения **о всех дальнейших правителях Киева — тех, кто правил Киевом после татарского ига**. Сведения о них короткие, без развёрнутых оценок. Это вполне понятно: с большинством из этих людей, этих военачальников, Москва воевала в разное время. При этом о самих военных действиях — почти ни слова, кое-что сообщается о них лишь там, где цитируется «Степенная книга» XVI века. Так проходит целая галерея правителей в соответствии с хронологией. И начинается эта галерея со знаменитого литовского князя Гедимина.

Князь Гедимин — практически основатель династии Гедиминовичей. И если вы захотите познакомиться с родословием его предков и его потомков, то — пожалуйста, наше двухтомное издание «Степенной книги» XVI века в Православной гимназии есть. Я вам говорил на прошлой лекции о том, что в «Степенной книге» среди вставок есть и генеалогия литовских князей. Посмотрите в указателе на Гедимина, и вы найдёте текст, где подробно эта генеалогия изложена. А здесь Гедимин упоминается, потому что он «царственный град Киев прилучи к Литовскому государству». Правильно, всё так. Кстати сказать, это было в 1324 году. И дальше идёт ли-

Великий литовский князь Гедимин (ок. 1275–1341). Гравюра. 1578 г.

ния следующих правителей Киева — **князей Великого княжества Литовского**, вплоть до великого князя Ягайло, до 1392 года (об этом на предыдущей лекции мы с вами немного говорили). В их правление ещё какой-то лоск столичный у Киева оставался, хотя, конечно, совсем не тот, что раньше.

Дальше (я пропускаю целый ряд сведений) — **польский король** из династии Гедиминовичей **Казимир**.

Перед вами поздний парадный портрет короля Казимира. О его правлении «Латухинская Степенная книга» пишет, что «король польский Казимир царственный град Киев и княжение его в воеводство премени» (то есть в правление короля Казимира Киев стал ещё меньше — воеводством), и говорит далее о первых воеводах. В книге перечисляются правители Киева уже этого уровня, но я покажу вам только одного.

Польский король Казимир (1427–1492)

Григорий Александрович Ходкевич (ок. 1513–1572), гетман литовский

Это знаменитый деятель славянской культуры и одновременно польско-литовский правитель Киева Григорий Александрович Ходкевич — великий гетман литовский. Это известно. В частности, наша культура и наша Церковь обязаны ему важнейшим изданием.

Это первая украинская печатная книга — львовский «Апостол» 1574 года, напечатанный ещё Иваном Фёдоровым после его ухода из Мос-

Львовский «Апостол». 1574 г. Собрание Института истории СО РАН. Новосибирск

Первая печатная славянская азбука. Ок. 1574 г.

квы. Один из экземпляров данного издания был приобретён нами в наших экспедициях.

По всей видимости, тогда же, около 1574 года, при содействии Ходкевича во Львове была издана ещё одна важнейшая для нашей культуры книга. Это поразительным образом найденная уже в XX веке Джоном Симмонсом (1915–2005), знаменитым оксфордским исследователем славянской культуры, **первая славянская азбука**.

Этот элемент образования книжной культуры, этот важный этап развития русского языка — первая печатная азбука — тоже появился не без заслуги Ходкевича. Читается легко. Попробуйте, ребята, хотя бы с конца (читают). Да, это молитва «Царю Небесный», которую вы сегодня утром перед началом занятий произносили.

И наконец, практически в завершение этого периода — храбрый киевский воевода с истинно украинским именем Адам Кисель, правивший в Киеве в 1650/1651 году и скончавшийся перед самым началом войны с Москвой за эти земли — в 1653 году (начало войны, как я вам уже говорил, было в 1654 году). Адам Кисель был известен своим храбрым поведением на многочисленных воинских полях, в том числе и против татар, и против Москвы. Об этом не рассказывается в «Латухинской Степенной книге», но это факт.

Это интересно. Перед вами акварель, написанная на основе плана дома киевского воеводы Адама Киселя. Вот такая реликвия.

Дом Адама Киселя. Акварель

Адам Кисель. Гравюра

А дальше в «Синопсисе» и в «Латухинской Степенной книге» говорится: «В лето от Рождества Христова 1651, бысть воевода в Киеве благочестивый Адам Кесель. И от того воеводства милость Господня с небесе приниче на первоначальный всея России царственный град Киев [ну не сразу, всё-таки оно ещё было до 1667 года, отсюда постепенно «приниче». — *Н.П.*], и начат его обветшалую ону скиптроносную державу, яко орлюю юность, обновляти [это уже про Алексея Михайловича, как вы понимаете, правящему государю похвала. — *Н.П.*], яко день от дне в высокодержавное царское православнаго самодержца достояние приближашеся и спеяше».

Это всё, что касалось острой темы — правители Киева под Великим княжеством Литовским, — и завершение, очень характерное, всей этой темы.

Возвращаясь к великорусской истории в том разделе «Латухинской Степенной книги», который хронологически соответствует макарьевско-афанасьевской «Степенной книге», нужно сказать следующее. Помните, я вам рассказывал об основной идее этой книги XVI века, вынесенной в предисловие и потом ещё не раз подчёркиваемой, о том, что все государи российские, вся эта поросль, идущая от Рюрика, — как роща райских древес, близ райского сада при исходе райских вод насажденная, и второе уподобление — как златая лестница, возводящая на небо российских правителей? То есть тезис об обязательной святости всех правящих московских князей. Всё это архимандритом Тихоном в его книге сильно ослаблено. Но не совсем исчезло. Восхваление многих и многих самодержцев Киевской Руси, Владимиро-Суздальской и Московской Руси из династии Рюриковичей в «Латухинской Степенной книге», конечно, присутствует, но сильно приглушено. Вы понимаете, в чём тут дело. Архимандрит Тихон писал после Смуты, когда так страшно закончилось правление Ивана Грозного: трагедией в отношениях между Церковью и государством — убиением митрополита Филиппа Малютой Скуратовым, убиением самим Грозным «сына своего болшаго царевича Иоанна», что вскоре привело к пресечению династии Рюриковичей. Ну и что же дальше беседовать о том, что Рюриковичи составляют ту самую рощу райских древес, близ райского

сада при исходе райских вод насажденную? История исчерпала эту тему. И то страшное противоречие, которое не дало митрополиту Афанасию закончить «Степенную книгу», ушло вглубь веков.

У власти Романовы — другая династия. И это вызывает новую линию, которая прослеживается в том числе и в частях «Латухинской Степенной книги» до правления Ивана Грозного, после конца его правления и в правление Бориса Годунова. Эта линия позволяет кое-где изрядно приблизиться к исторической правде по сравнению с постоянно хвалебной позицией предыдущего памятника и давать даже некоторые факты, не очень приличные для якобы святых всех московских правителей.

Перед вами страница знаменитого **Жития преподобного Сергия Радонежского**. Это один из эпизодов жития ещё родителей будущего Преподобного, связанный с тем, что Ростов, в котором жила семья Сергия Радонежского, попал под власть московских воевод при князе Иване Даниловиче Калите, восхвалению которого посвящено много страниц и в «Степенной книге», и немного меньше, но тоже немало страниц в «Латухинской Степенной книге». А дальше я приведу вам то место в «Латухинской Степенной книге», которое иллюстрирует эту страницу Жития преподобного Сергия Радонежского: многие жители Ростова «имениа обнажени быша, но и раны на телесехъ своихъ подъяша и язвы жалостно на себе носиша и претерпеша. И что подобает много глаголати, толико дерзновение надъ Ростовомъ соделаша, яко и самого того епарха градскаго, старейшаго болярина ростовскаго именемъ Аверкия, стремъглавъ обесиша [то есть повесили вниз головой. — *Н.П.*]», — то, что заставило родителей Сергия Радонежского покинуть Ростов. Это известный эпизод, был он и в старых источниках, но тут он вклеен среди разделов макарьевско-афанасьевской «Степенной книги», восхваляющих московского князя Ивана Калиту и сообщающих о чуде святителя Петра, предсказавшего великую будущность Москвы, и т.д., и т.д.

Казнь боярина Аверкия. Миниатюра Жития преподобного Сергия Радонежского. Список конца XVI в.

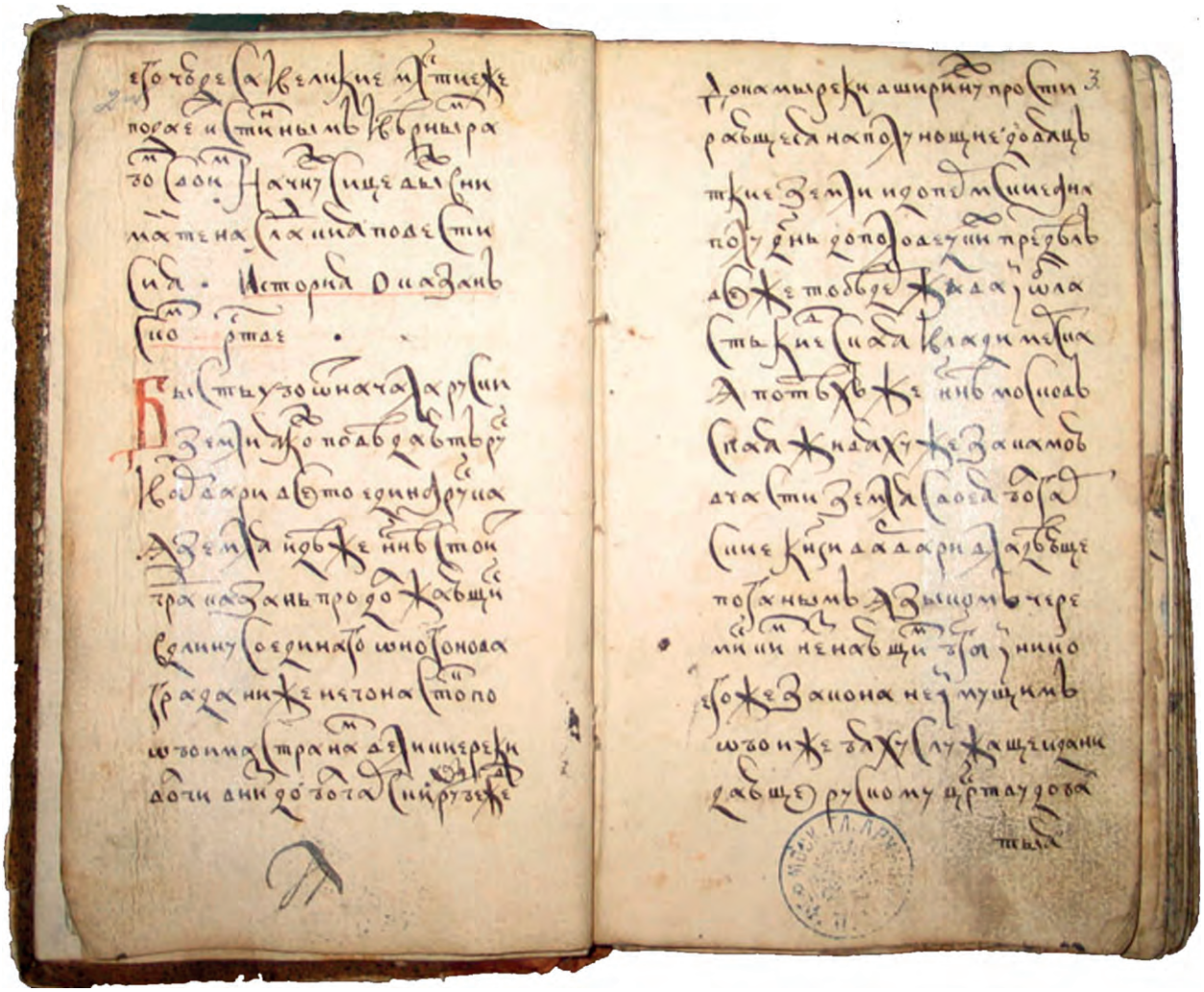
Кое-что ещё из этого же плана.

Многие острые места, даже большинство острых мест борьбы между князьями тверскими и московскими при князе Данииле Александровиче Московском и его сыновьях Георгии и Иване, о которых я рассказывал на прошлом занятии, тоже даются сглажено, хотя не все, кое-что остаётся, а кое-что даже и усиливается, поскольку всё это было в далёком прошлом и тут уже можно несколько по-другому подходить. Так появляются вдруг и некоторые неожиданные вещи.

Житие Александра Невского, которое помещено и в «Степенной книге», и в «Латухинской Степенной книге», пропускает несколько эпизодов, которые, однако, являлись важной основой дипломатической деятельности Александра Невского, ибо отвоёвывал он освобождение России от баскачества, более лёгкие условия существования под игом Орды, опираясь на противотатарские восстания в русских городах, и в частности на восстания в 1252 году сразу в нескольких городах — Ростове, Ярославле и других. Но — любопытная деталь. В «Латухинской Степенной книге» говорится, что под тяжким игом татар удалось собрать съезд русских князей, на котором князь Александр постановил восстать против татар. На самом деле ничего подобного не было! Восстания были стихийные. И Александру Невскому несколько позднее пришлось даже угрожать силой для того, чтобы в Великом Новгороде оно не вылилось в большое возмущение и чтобы Новгород остался целым и непогромленным.

Дружба между литовским и московским князьями. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1560–1570-е гг.

Ещё один эпизод, бывший и в «Степенной книге», и в «Латухинской Степенной книге». Я вам также рассказывал на прошлой лекции об очень не долгом, но очень важном периоде дружбы между литовским князем Витовтом и московским князем Василием I, о договоре между ними и о соглашении об обручении Василия с дочерью Витовта Софьей. Этого романтического эпизода в «Латухинской Степенной книге» нет. Но о дружеских визитах, дружеских переговорах в этот период добрых отношений между двумя государствами архимандрит Тихон пишет.



«Казанская история». Рукопись конца 60-х годов XVI в.

Перед вами миниатюра из Лицевого летописного свода XVI века, на которой вы видите хороший, торжественный приём. Но, как к тому времени уже хорошо знали историки, кончилась эта «дружба» тем, что Витовт коварно занял город Смоленск. «Латухинская Степенная книга» не обходит стороной этого факта и объясняет его тем, что с одной стороны — татары, с другой — плохие советники поссорили двух князей и т.д., то есть какая-то часть вины с литовского князя тут всё-таки снимается.

Ну и, наконец, последнее. В рассказе о правлении великого князя московского Василия II вдруг появляется новый источник, остро противоречащий тому, что об этом писалось в «Степенной книге».

Источник необычный. Это очень яркий литературно-исторический памятник России под названием **«Казанская история»**. Видите в тексте? — «История о Казанском царстве». Её автор был русский, попавший в плен к татарам в Казань, много лет живший там и хорошо изучивший источники по казанской истории. После взятия Казани Иваном Грозным в 1552 году он остался там, возможно служил новой русской администрации, и написал этот памятник, в котором очень широко использовал

источник, которого раньше не было в нашей истории, но который благодаря ему попал сначала на страницы «Казанской истории», а потом благодаря «Латухинской Степенной книге» — и в общую русскую историю. Это татарские летописи.

Татарские летописи много пишут о главном герое татарской истории, основателе Татарского ханства Улу-Мухаммеде[1]. Он был золотоордынским ханом, проиграл в междоусобной борьбе со своими родственниками и был изгнан из Золотой Орды, бежал с немалым числом своих воинов и их семьями, выпросил у великого князя Василия II разрешение поселиться на границах русских с Дико́й степью. Я уже ранее рассказывал, что на этих границах была целая линия укреплений, засечная черта, рядом с городом Белёвым, благополучно существующим до сих пор (оттуда, кстати, и мои родичи по одной из линий). Василий II разрешил Улу-Мухаммеду поселиться там. При этом они «клятву сотвориша между себе, что другъ друга ничем не обидети».

Одна из монет, чеканенных Улу-Мухаммедом

Великий правитель Улу-Мухаммед чеканил даже свою монету. У нумизматов она почитается сейчас за свою большую ценность. Перед вами — одна из этих монет.

А потом вдруг из-за наветов злых бояр (это традиционное объяснение, характерное для всей российской истории до XX века включительно, а может быть, и позже), Василий стал не доверять своему татарскому другу и, вопреки договору, начал собирать под Белёв большие вооружённые силы. И далее «Латухинская Степенная книга» трогательно пишет, что «правда Божия оказалась тогда не на стороне русских», и вот почему. Решив напасть на Улу-Мухаммеда, Василий пренебрёг той клятвой, которую они дали друг другу, заключая этот договор. И мало того, когда Мухаммед узнал о том, что Василий готовит на него нападение, он ступил на порог православного храма и обратился к великому московскому князю со словами: «Или ныне аще ти сотворю кое зло, яко же ты мниши, преобидя любовь твою, еже сотворилъ еси ко мне, напита мя яко просителя нища, да будетъ ми Богъ твой и мой, убиваяй мя, въ Него же азъ верую». То есть Улу-Мухаммед дал клятву: если я против тебя злоумышляю что-то, то пусть Бог твой и мой покарает меня. Для нового Московского государства, в которое теперь уже входило множество мусульманских народов, это очень важная вещь. Эти несколько слов, сказанных Улу-Мухаммедом, весьма немаловажны.

В 1437 году разразилась битва под Белёвым, войска великого московского князя были наголову разгромлены, и архимандрит Тихон в своей

[1] В Лицевом летописном своде XVI в. — Махмет, в «Латухинской Степенной книге» — Улу-Ахмет. — *Прим. ред.*

Улу-Мухаммед на подступах к Белёву (1437 г.). Художник Н. Петров

книге даёт нравоучение: «Се бо поганаго царя [то есть язычника, конечно, — традиционный термин. — *Н.П.*] покорение и смирение преможе силу великаго князя, и яко да не преступаетъ клятвеннаго завета, аще и с поганымъ сотвори», — то есть он говорит, что даже клятва с погаными (то есть некрещёными, а в данном случае с мусульманами) должна соблюдаться, а иначе Бог накажет, как он наказал Василия II. Вот так об этом рассказывает «Латухинская Степенная книга».

Московские источники, которые рассказывают об этом, ближе к истине: на засечную черту шли почти постоянные нападения, у Улу-Мухаммеда было несколько набегов — сражение под Белёвым было только первым, а в третьем сражении в 1445 году татарские войска прорвались к самому Суздалю и меньшими силами разбили московское войско. Великий князь Василий был взят в плен, в результате на Московский престол взошёл его противник Дмитрий Шемяка. Василий II был им ослеплён. В «Латухинской Степенной книге» эта история борьбы Василия II и Дмитрия Шемяки дана очень и очень сжато.

До сих пор мы рассматривали ту часть «Латухинской Степенной книги», которая совпадает со «Степенной книгой» XVI века. И это сопоставление, как вы понимаете, — самое интересное для источниковедов. О двух следующих частях я буду говорить несколько короче.

Во второй части «Латухинской Степенной книги» производится кардинальный пересмотр **второго периода правления царя Ивана Грозного**, а это без малого четверть века: с 1560 года, которым практически заканчивается «Степенная книга», и до 1584 года.

После того как с должным благоговением в «Латухинской Степенной книге» в сокращённом виде пересказываются главы «Степенной книги» о правлении великого государя Ивана Васильевича, вдруг следует глава 53, которая называется **«О пременении нрава царева»**. Я напомню вам точку зрения Карамзина, которая многими потом разделялась, в том числе и мной, о наличии двух разных периодов — «светлого» и «тёмного» — в правлении Ивана Грозного. Об этой границе и начинает рассказывать архимандрит Тихон.

Виной тому, что в душе ранее столь благочестивого и мудрого правителя возник резкий слом, как пишет архимандрит Тихон, «аки буря», были традиционно два фактора: первый — смерть мудрой государыни, первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовой (повторюсь, от которой — правящая династия Романовых), исправлявшей лихие черты характера своего супруга и сдерживавшей дурные порывы государя; а второй, конечно же, — злые советники... ну кто же ещё?

Вслед за эмоциональным рассказом «О пременении нрава царева» архимандрит Тихон приводит **три антигрозненских источника**, которых не только по времени, что вполне понятно, но и по типу не могло быть у митрополитов Макария и Афанасия.

В 1564 году, во время Ливонской войны, опасаясь опалы и казни, в Литву бежал знаменитый русский военачальник князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583). И с этого времени началась известнейшая история его переписки с Иваном Грозным.

Андрей Курбский.
Художник П. Рыженко. 2009 г. Фрагмент

Перед вами не просто портрет, а целый живописный рассказ об этой переписке Курбского с Грозным. Запоминающееся лицо...

Опять советую: есть у нашего поэта Алексея Константиновича Толстого сочинение о Василии Шибанове, стремянном Андрея Курбского, который доставил царю из Литвы «досадительное» послание опального князя, зная, что будет казнён. Прочитайте это произведение. Там, удивительное дело, стихами, очень близко к тексту послания излагаются основные обвинения Курбского в адрес Грозного за то, что он невинно побил многих прекрасных военачальников, знатных бояр и т.д., и т.д.

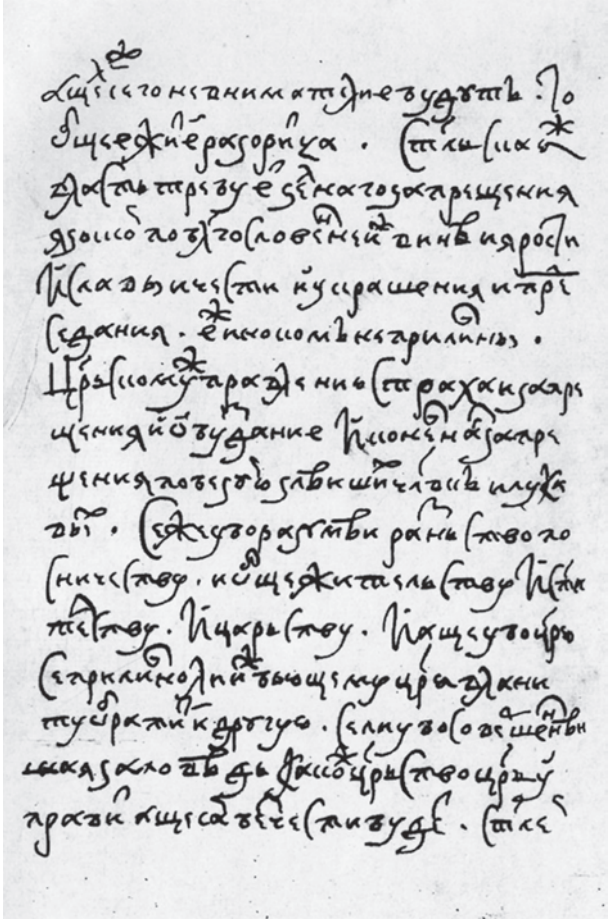
Посол от князя Курбского. Художник В. Шварц. 1862 г.

Это тоже живописный рассказ о том, как царь Иван Грозный, узнав о письме от князя Андрея Курбского, которое привёз ему верный слуга князя Василий Шибанов, «ярости исполнився, призвавъ холопа того близъ себе, и осномъ удари въ ногу его и, пробивъ ногу, наляже на посохъ свой и повеле листъ прочитати».

А вот ответ Ивана Грозного на первое письмо Курбского, в котором царь даёт важнейший, чёткий тезис идеологии своего правления: «А холопов наших миловати вольны мы, а и казнить вольны же». Вот есть царь и есть холоп. Это отнюдь не строй сословно-представительный России, который тот же Иван IV строил в период реформ 1550-х годов. Это уже попытка построения восточной деспотии.

Небольшой источниковедческий эпизод. Переписка Грозного с Курбским крупным американским историком Эдвардом Кинаном (1935–2015) была объявлена подложной. Вообще у Кинана был очень интересный семинар, участники которого должны были один за другим объявлять подложность многих наших исторических источников. Хотя, между прочим, неплохую школу археографии они при этом проходили. И вот Кинан

объявил переписку подложной, сочинённой гораздо позднее. Возник большой спор, целая книга была написана нашим историком Русланом Григорьевичем Скрынниковым (1931–2009) в защиту подлинности этой переписки. А потом один из самых последних учеников Михаила Николаевича Тихомирова (1893–1965) Борис Флоря (р. 1937) нашёл в архиве Наказ русскому послу в Варшаву (такие наказы послы всегда получали), и там подробно говорится, что́ отвечать на Послание Курбского царю. Этот документ, того же времени, чётко доказал подлинность всего этого памятника.



Ответ Ивана Грозного князю Курбскому

Возвращаемся к «Латухинской Степенной книге». **Первому посланию князя Андрея Курбского** царю посвящена целиком глава «Латухинской Степенной книги», в которой довольно кратко, но всё же пересказывалось всё основное, что Курбский мог сказать и сказал против Ивана Грозного и что действительно во многом определило страшное поражение России в Ливонской войне и страшную участь государства в дальнейшем. При этом глава эта называется Тихоном фактологически абсолютно точно — «Об измене князя Андрея Курбского». Да, это была измена — потом он, кстати сказать, командовал частью польских войск при осаде Полоцка при Стефане Батории уже.

Во второй части «Латухинской Степенной книги» архимандрит Тихон использовал ещё два источника: ранее называвшееся уже мной **Житие митрополита Филиппа** и интереснейший, ярчайший памятник письменности — **«Повесть о походе государя царя в Великий Новгород»**. Митрополита Филиппа Малюта задушил как раз тогда, когда войска Грозного шли на Новгород, — в 1569 году. Памятник удивительный! В нём подробно рассказывается об этом походе. Повесть отличается парадоксальной противоречивостью. И в тексте «Латухинской Степенной книги» то же удивительное сочетание старых формулировок, характерных для «Степенной книги», и описаний того, что происходило во время этого похода. «Благочестивейший великий государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич, всея России самодержецъ, повелел...» А дальше — что повелел царь Иван Грозный? — «Домы людския разоряти, а храмины ихъ разрушати

до основания», «хлебъ же въ житницахъ и на поляхъ в скирдахъ... огнемъ пожигать, а людей убивать», «телеса ихъ некими составы огненными [как напалмом. — *Н.П.*] поджигати, иже именуется поджаръ», «за шию, и за руки, и за ноги тонкими верьвми вязати къ санемъ и конми за санми волочити», «отроча къ матери его привязывать и с высоты тоя въ Волховъ метать. А ратнымъ своимъ людемъ... с копиями и с рогатинами техъ вметаемыхъ людей... убивать, дабы ни единъ отъ глубины речныя не изшелъ». Не буду продолжать описание страшных сцен совершенно патологического безумия и жестокости, перемежаемое этикетными фразами о благочестивом государе, который под конец сказал своё «милостивое» слово новгородцам — тем, кто ещё остался (Великий Новгород по населению был очень близок к Москве, некоторые считают даже, что превосходил Москву, источник же говорит, что улицы его тогда просто запустели), — что кто-то из них может жить в Новгороде, а кто-то может переселиться в другие московские города.

Вот такие три источника по концу правления Ивана Грозного.

Теперь несколько слов о **правлении Бориса Годунова** по «Латухинской Степенной книге».

Царь Борис Годунов
(1552–1605)

Перед вами — портрет царя Бориса Годунова, подчёркивающий татарские черты его.

История Бориса Годунова связана ещё с одним интересным парадоксом «Латухинской Степенной книги». Я вам говорил, что Н. М. Карамзин очень заинтересовался этим источником и широко его стал использовать в своей «Истории государства Российского» прежде всего потому, что «Латухинская Степенная книга» содержала очень большой фактический материал по сравнению с предыдущим сочинением. А потом, уже в XX веке, исследователи постепенно находили источники большинства тех сведений, которые при Карамзине считались уникальными. Но осталась одна загадка, и связана она как раз с правлением Бориса Годунова.

При Борисе Годунове были гонения на Романовых. Среди опекунов царя Фёдора Иоанновича шла отчаянная, страшная борьба, в которой в конце концов победил Борис Годунов, и понятное дело, что своих противников он не щадил. И как следует погромил отчину Романовых и разо-

слал руководителей этого рода, в том числе и князя Фёдора Никитича, далеко по разным ссылкам.

Основная тенденция понятна: «Латухинская Степенная книга» о всех этих гонениях пишет с ненавистью, пишет несколько раз. Практически Борис Годунов — враг правящей династии, получается. Но в то же время сейчас историки вычленяют в «Латухинской Степенной книге» восемь известий, где о Борисе Годунове пишется с симпатией — вопреки основной тенденции. Обычно считают, что если у источника какая-то тенденция, то наиболее правдивы фактически те сведения, которые противоречат этой тенденции, а наименее достоверны те, которые идут в русле её. Но здесь первое же из этих известий, которое идёт вразрез с основной тенденцией, глубоко не достоверно.

Рассказывается о том, что, когда Иван Грозный убивал своего сына, за него вступился Борис Годунов. И тогда царь так побил своего боярина, что тот лежал с тяжкими ранами, и лечил эти раны торговый человек Строганов. А потом царь пришёл к своему боярину домой, увидел, как глубоки эти раны, и простил Бориса. Следует сказать, что это легенда, не имеющая исторических оснований, кроме одной: в последние годы правления Ивана Грозного Борис Годунов, в общем-то сильно замешанный в опричных делах и т.д., стал очень постепенно, очень осторожно отдаляться от политики, от царского двора, понимая, до чего небезопасно быть близ государя в Москве.

Среди других сведений есть и достоверные. Так, когда наступил страшный разор Смуты, когда после разрушения русской деревни Иваном Грозным началась голодовка 1601/1602 года, Борис Годунов отчаянно пытался вывести страну, сползавшую в этот страшный кризис Смуты. Тогда он действительно делал немало добрых дел. И в «Латухинской Степенной книге» об этом есть сведения наряду с острейшими обличениями. И, конечно же, абсолютно однозначно и то, что царевич Димитрий был убит практически по совету Бориса Годунова. Именно эта линия была принята Н. М. Карамзиным, принята и А. С. Пушкиным в драме «Борис Годунов», принята и в гениальной опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Так что эта линия «Латухинской Степенной книги» прочно вошла в русскую историю и культуру.

Ещё одной важной чертой второй (да и третьей) части «Латухинской Степенной книги», не совпадающей с тем, что было в «Степенной книге» XVI века, является **введение в общий контекст истории государства Российского истории Сибири**. Я вам уже говорил о казанской истории, я подробно рассказывал и о том, как это делалось для Украины и Белоруссии, но вот ещё и — Сибирь.

Архимандритом Тихоном взят центральный источник сведений о походах Ермака и присоединении Сибири к России — **Есиповская летопись** и её продолжение в **Сибирском летописном своде** (в начале лекции я вам уже говорил о них), которые развёрнуто, чётко по хронологии пересказы-

ваются им. А потом список воевод, правивших Сибирью, Тихоном также пересказывается, затем — сведения о землях, смежных с Сибирью, в том числе и во многом сказочные сведения о Китайском царстве. Вот такой широкий охват сведений о Сибири.

Я вам покажу три иллюстрации из Есиповской летописи, но не из неё самой, а из так называемой **Кунгурской летописи**, близкой по времени, которая в свою очередь была использована знаменитым нашим сибирским просветителем, **боярским сыном Семёном Ульяновичем Ремезовым** (1642–1721) в его «Истории Сибирской», — вот через такую передаточную лесенку.

Есиповская, Кунгурская летописи, а также «Латухинская Степенная книга» дают предысторию — рассказывают о дорусской Сибири, и в частности начинают с рассказа о сибирских реках и народах, которые живут у этих рек.

Перед вами — рисунок, но построенный по правилам старых карт. На старых картах север был внизу, а юг наверху — так и на этом рисунке. Здесь говорится о том, что Иртыш впадает в Обь у самого устья Оби. Далее говорится, что на Оби живут остяки, самоеды и они ездят на оленях и псах, — то, что было важно, интересно и своим интересом поражало. А там, где земли степные, у сибирских татар, там, как вы видите, ездят на конях, а ещё южнее и на верблюдах.

Город Чинги-Тура (Тюмень). Рисунок из Кунгурской летописи

Это город Чинги-Тур или Чинги-Тура (современное название — Тюмень). Толком раскопок там не было. Может быть, какие-то остатки древнего города внизу и сохраняются. Хотя это столица кочевого народа, и не так много их остаётся. Сверху — юрты кочевые, в центре — сам город и внизу — картина сражения за него.

Перед вами — сражения за Пелымские земли, где местное население не вступилось за татарских владетелей этих земель и не поддержало их. А Ермак сражался с последними владетелями Чинги-Туры (Тюмени).

Об этом периоде, пожалуй, всё.

Теперь буквально несколько слов по **Смутному времени**.

Покорение Пелымских земель Ермаком. Рисунок из Кунгурской летописи

Прежде всего — новые источники, архимандрит Тихон всё время привлекает новые источники. Есть цикл, который называется «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени» (13-й том сериального дореволюционного издания «Русская историческая библиотека»). Изрядный том. Ряд этих источников архимандриту Тихону был известен. Он знал и о том, что писалось о самозванце вскоре после его гибели в Москве, и об одном из главных источников — **Сказании Авраамия Палицына**, келаря Троице-Сергиева монастыря, сыгравшего огромную роль в успешной обороне монастыря от войск полевых командиров Лисовского и Сапеги.

Осада Троице-Сергиева монастыря поляками. Гравюра

Сказание Авраамия Палицына. Рукопись. Л. 1

Это Сказание Авраамия Палицына. На первом листе читаем: «Списано бысть тоя же великиа, обители Живоначальныя Троица Сергиева монастыря, келарем инокомъ Аврамием Палицыным». Келарь — устроитель хозяйственной жизни монастыря. Обладал немалыми организаторскими талантами, как, кстати сказать, и дипломатическими, но оказался и видным писателем.

Авраамий Палицын создал один из главных источников по истории Смутного времени, в том числе одного из последних его периодов — истории 16-месячной защиты Троицкой обители иноками монастыря и сошедшимися в его стенах многочисленными жителями от наступления поляков. Нужно было организовать элементарно жизнь и питание в монастыре, когда население монастыря многократно увеличилось, нужно было пополнять войско. Монастырь успешно отбивал одну атаку за другой, пока не был освобождён войсками Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Затем в «Латухинской Степенной книге» архимандрит Тихон подробно и в возвышенных тонах пишет о подвиге **Патриарха Гермогена** (ок. 1530–1612).

Это Патриарх Гермоген отказывает московским изменникам в их требованиях прекратить посылать письма в русские города с призывом собирать ополчение на отвоевание Москвы от поляков. Я процитирую далее «Латухинскую Степенную книгу»: «Александръ Гасевской [Гонсевский, польский комендант Московского Кремля. — *Н.П.*] да Михайло Салтыковъ [главный из изменников. — *Н.П.*] къ Патриарху Ермогену безстудно приступаху и писати ему веляху къ воеводамъ, чтобы они отъ Москвы прочь отошли.

Патриарх Ермоген отказывается подписывать грамоту о роспуске ополчения.
Художник П. Геллер. Конец XIX — начало XX в.

Онъ же, великий архиерей, не точию техъ воеводъ и всю ихъ рать отъ Москвы хотяше отсылати, но и во иныя грады российския хотяше писати, чтобы постояли за истинную православную христианскую веру и отъ утеснения ихъ литовскаго свободили бы народъ московскихъ жителей. Сия же окаяннии, отъ Патриарха слышавше ответы неблаги, но и противны имъ, безбожникомъ, и того ради умориша его гладомъ».

Несколько слов относительно **третьей части «Латухинской Степенной книги»**, посвящённой времени правления государей Михаила Фёдоровича (1596–1645) и Алексея Михайловича (1629–1676). Здесь много всего, я не буду подробно обо всём говорить, коснусь лишь одного эпизода, относящегося ко времени правления царя Алексея Михайловича и очень подробно описанного в «Латухинской Степенной книге», — это история **Патриарха Никона**.

Патриарх Никон (1605–1681). Портрет

Перед вами прижизненный портрет Патриарха Никона. Это уже те времена, когда на Руси у русских деятелей были прижизненные портреты — именно портреты!

Архимандрит Тихон в «Латухинской Степенной книге» очень кратко, сверхсжато, рассказывает о противоречиях и перипетиях правления Патриарха Никона. О его реформе он пишет только в связи с тем, что в Нижегородской губернии умножились староверы, и он рассказывает — в чём состояло противоречие между сторонниками реформы Никона и староверами. Кратко, но правильно рассказывает. Точно! Из-за этого была открыта Нижегородская архиепископия. В книге — буквально несколько слов о сведéнии Патриарха Никона Собором Вселенских Патриархов за неповиновение Собору, а вообще, повторюсь, архимандрит Тихон избегает этих тем.

Но начинается-то рассказ о правлении Алексея Михайловича с того, как по инициативе митрополита Новгородского и Великолуцкого Никона в начале июля 1652 года из Соловецкого монастыря были перевезены в Москву и торжественно встречены **мощи святого митрополита Филиппа (Колычева)**. Это подробнейший рассказ и о том, как «со многими псалмопении и безчисленными слезами» соловецкие монахи провожали мощи святого, и о том, как перевозили их по Белому морю, и о том, как потом «отъ веси въ весь, и отъ епархии въ епархию, и отъ града въ градъ» совершалось это

Рака с мощами святителя Филиппа в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля

шествие, и о том, как «благочестивый царь... со архиереи, и со освященнымъ соборомъ, и со всенароднымъ множествомъ» торжественно встречали святые мощи митрополита Филиппа в царствующем граде Москве.

И вот тут, как вы понимаете, — своеобразная перекличка: «Степенная книга» XVI века заканчивается главами, посвящёнными «тёмному» периоду правления Ивана Грозного, убиению митрополита Филиппа, а «Латухинская Степенная книга» — подробнейшим рассказом о перенесении святых мощей митрополита Филиппа в Москву и о торжественной встрече их царём, когда по настоянию Никона молодой царь покаялся за своего предка (даже не по прямой линии), предыдущего правителя российского Ивана IV, за это его преступление. Повторюсь, это событие рассказано архимандритом Тихоном очень и очень подробно, тогда как многие другие сведения приведены весьма сжато.

Правда, в конце «Латухинской Степенной книги» подробно рассказывается ещё об одном событии — **восстании Степана Разина**. Этому событию посвящены две главы сочинения, одна из которых, возможно, записана и по воспоминаниям самого архимандрита Тихона, так что такой своеобразный личный источник среди источников «Латухинской Степенной книги» мы можем, кажется, здесь назвать, поскольку войска разинцев захватили Макарьевский Желтоводский монастырь, но не сожгли его,

«Школа преподобного Сергия». Карта из книги-альбома архимандрита Иннокентия (Просвирнина) «Троице-Сергиева лавра». 1987 г.

даже особенно не разграбили и дали возможность почти всем его обитателям покинуть монастырь.

Так я прошёлся по содержанию «Латухинской Степенной книги», оставив «за бортом» чуть ли не половину её объёма, ибо в книге чрезвычайно много внимания уделяется **житиям святых**. Агиографические тексты этого сочинения занимают куда больше места, чем у митрополита Макария и его преемника митрополита Афанасия. Всего в «Латухинской Степенной книге» 120 житий святых — это одно из самых полных для исторического очерка собраний житийных текстов. Изложены они в 135-ти развёрнутых главах, не считая двух степеней, почти целиком посвящённых житиям святого князя Владимира и святого князя Александра Невского (степени I и VIII).

И сразу можно видеть здесь некоторые основные направления — то, что очень важно. Первое: «Киево-Печерский патерик». В «Латухинской Степенной книге» 15 житий киево-печерских святых (некоторые из них изложены в нескольких главах), включая и житие создателя «Повести временных лет» Нестора Летописца. И второе: когда-то я рассказывал вам о преподобном Сергии Радонежском и его «школе».

Перед вами карта «Школа преподобного Сергия», где обозначены монастыри, основанные преподобным Сергием, его учениками и последователями. Жития святых основателей всех этих монастырей архимандрит Тихон подробно приводит в «Латухинской Степенной книге». При этом несколько раз, подчёркиваю, очень интересно приводит.

К этому времени определённое подчинение Церкви государственной власти достаточно велико. Во всяком случае, архимандриты и игумены большинства монастырей назначаются после благословения Патриарха и с разрешения государя. Приводится несколько историй, когда государь приказывает кому-то из знаменитых святых (очень часто это касается Вологодского края, там свои особенности, но не только...) вернуться в монастырь, который он основал, а потом ушёл из него «на пустынное житие». (Вы помните, это было в житии и преподобного Сергия Радонежского, и целого ряда его учеников.) Итак, государь приказывает, а святой далеко не всегда подчиняется. Есть случаи, когда он подчиняется и когда не подчиняется. Это уже другая важнейшая тема и русской агиографии, и в целом русской святости. Да, «мирские плищи», как говорили тогда, настигают святого в монастыре, который он основал как пустынь и который вдруг стал огромным, густонаселённым со всеми его интригами, проблемами и т.д., со светской властью внутри монастыря. И святой предпочитает уйти из обители. Такова тенденция, которая потом выведет на проблему русского старчества. Это особая тема. Это та живая струя церковной жизни XVIII–XIX веков, которую в немалой мере будет душить государство своими слишком тесными «объятиями». И эта проблема уже очень скоро выйдет на поверхность.

Самая последняя фраза «Латухинской Степенной книги», которой заканчивается последняя её 17-я глава «Преставление великого государя царя Алексея Михайловича» (†1676), называет имена двух его сыновей — царевичей **Ивана Алексеевича** и **Петра Алексеевича**.

Канун петровского времени — того самого, когда Церкви предстоят труднейшие испытания, когда за образец будет взята протестантская модель отношений между государством и Церковью с беспрекословным подчинением Церкви государству, когда будет устранено Патриаршество и во главе Церкви будет поставлено светское министерство — Духовная коллегия. Её Духовный регламент (1721) будет пытаться превратить Церковь в один из «винтиков» государственного механизма. Нельзя сказать, чтобы это получилось, но многие очень тяжёлые последствия это дело будет иметь.

* * *

А теперь — **некоторые итоги**. Сначала итоги по самой «Латухинской Степенной книге». Что тут очень и очень важно, когда мы говорим о ней как о новом этапе историографии русской?

Прежде всего, важно огромное количество новых источников и огромное количество новых сообщаемых этими источниками фактов. Российская история обогащается — в первую очередь за счёт новых земель, вошедших в Русское государство (но не только!), — большим количеством новых сведений, к тому же рисующих общеисторический процесс всего этого нового государства, правда, рисующий, как вы видели, очень и очень противоречиво. Разные, зачастую противоположные свидетельства просто ставятся рядом друг с другом, и при этом не делается никаких выводов. Эта задача исторического знания будет уже очень остро стоять в XVIII веке, когда уже будет то, что мы сейчас называем исторической наукой.

А тут к тому же и ещё одна проблема: начинается общая секуляризация общественной жизни. Не только в государстве, но и в обществе начинают во многом преобладать светские начала. И характернейшая черта истории нашего памятника — довольно быстро наряду с тем текстом, в котором 1264 листа, создаётся практически вдвое более короткий, из которого выкидываются все жития святых: вот это — для светского читателя, а вот то — для Церкви. И этот вариант в конце концов не удовлетворит Петра I, который постоянно будет пытаться что-то предпринять... Кстати, макарьевско-афанасьевскую «Степенную книгу» он читал, я держал в руках экземпляр с его пометками. Но как бы то ни было, секуляризация общества — это проблема и очень непростая проблема для истории Церкви, в частности.

А теперь некоторые **общие выводы**.

Пожалуй, самое главное, о чём я хотел вам сказать: **история Церкви неотделима от истории общества**. Это единый исторический процесс. И желательно, чтобы история нашей страны учитывала все стороны этого процесса — **и светскую, и церковную**, — и учитывала **по единым источниковедческим критериям** (по единым критериям подхода к источнику).

Я должен вам сказать, что если практически весь XVIII век в истории России очень чётко прослеживались явления секуляризации культуры, то затем постепенно мы начинаем видеть и другое... Я вам не раз называл Николая Михайловича Карамзина, который именно этот церковный источник («Латухинскую Степенную книгу»), как и другие источники, весьма и весьма мощно использовал в своей «Истории государства Российского», немалая часть которого посвящена церковным событиям.

Важно также сказать, что со второй половины XIX века, особенно с его конца, намечается наконец очень важная в нашей историографии **тенденция к сближению церковной и светской истории**:

– когда крупнейшие церковные историки являются по своим методам такими же вдумчивыми источниковедами, как и светские историки;
– когда крупнейшие историки конца XIX – начала XX века — это историки и Церкви, и государства. И если преимущественно Церкви, то базирующиеся на важных достижениях современного источниковедения, а это как раз время великого взлёта российского источниковедения.

Успенский Фёдор Иванович

В конце я назову только, пожалуй, четыре имени.

Фёдор Иванович Успенский (1845–1928) — академик Академии наук СССР, главный наш византолог, многие достижения которого отечественная византология, как и западная, так и не превзошла. Он автор «Истории Византийской империи» в 3-х томах — до сих пор одного из лучших пособий по истории Византии и Византийской Церкви; директор Русского археологического института в Константинополе, председатель Российского Палестинского Общества.

Ключевский Василий Осипович

Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — профессор Московской духовной

Голубинский Евгений Евсигнеевич

академии, заведующий кафедрой отечественной истории, профессор Московского университета, подготовивший знаменитый «Курс русской истории» в 9-ти томах и одно из лучших сочинений по русской агиографии — «Древнерусские жития святых как исторический источник», а также написавший, пожалуй, наиболее проникновенные в нашей историографии слова о преподобном Сергии Радонежском и его значении для Российского государства.

Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834–1912) — историк Церкви, автор истории домонгольской Русской Церкви — кропотливейший труд, подготовленный со старанием в первую очередь выявить исторический факт, извлечь его из исторического источника, порушивший многие и многие ошибочные трактовки источников, связанные с их незнанием. Это человек, к которому всё время было разное отношение в обществе, среди историков, в Церкви, и сейчас, пожалуй, тоже.

Бенешевич Владимир Николаевич

Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938) — член-корреспондент Российской Академии наук, также Академий наук Баварии, Пруссии и т.д., профессор Пятигорского университета, Петербургской духовной академии, специалист преимущественно по церковному праву и вообще по источникам права, в первую очередь Византийской империи, человек, знавший источники на 14 языках. Он был одним из секретарей Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов, преданный суду по делу митрополита Петербургского Вениамина во время изъятия церковных ценностей. Тогда его пощадили, но потом не раз ещё он подвергался гонениям, в конце концов был расстрелян в 1938 году.

Это — выдающиеся историки конца XIX – начала XX века.

Поиски и находки древних библейских текстов

Лекция 1. СИНАЙСКИЙ КОДЕКС[1]

Общая тема лекций, обозначенная в заголовке, — **«Поиски и находки древних библейских текстов»**.

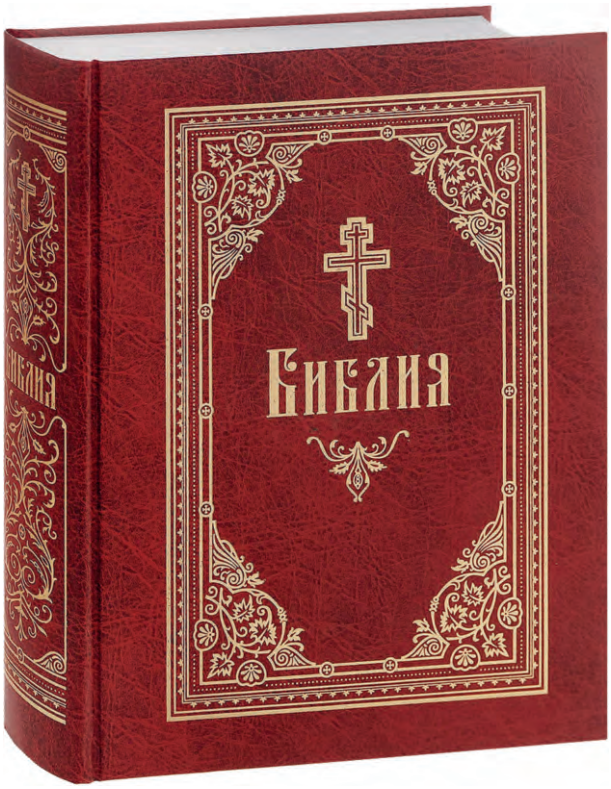
Но сразу же вопрос: что и зачем искать? Библия сейчас имеется почти в каждом доме, в номерах гостиниц, в аудиториях многих светских университетов и так далее, и так далее. Библия — Книга, которая каждый год выходит самым большим тиражом на Земле (если взять общий тираж, на всех языках). Одно время его было потеснил краткий курс истории ВКП(б), но не сумел удержаться. Так что́ искать и зачем искать? Всё ясно: тексты — перед вами. Но всё далеко не так просто.

Начать с того, что Библия изначально писалась на разных языках: древнееврейском, греческом, арамейском, коптском (копты — преемники, наследники древних египтян) и на многих других. Следовательно, с этих языков книги Библии многократно переводили в самые разные века. И в разные века искусство перевода было разным. К тому же некоторые первые древние языки, на которые переводили Библию, иногда отмирали. Те переводы становились уже непонятны — нужно было переводить ещё раз.

Перевод Библии святых Кирилла (Константина) и Мефодия на церковнославянский язык и перевод, сделанный в конце XV века при новгородском архиерее архиепископе Геннадии, различаются методами перевода. Причём в ряде случаев перевод Кирилла и Мефодия лучше. Давно существовали разные школы — как переводить: написано слово за словом, каждое слово имеет свой смысл на другом языке — вот их подряд в таком же порядке и переводили. Как вы понимаете (уже изучаете иностранные языки), это труднее всего понять. Поэтому очень важно знать самые древние рукописи, самые древние тексты.

Кроме того, до начала книгопечатания и очень долгое время после него писцы буковка за буковкой переписывали текст. А там, где пишут,

[1] Цикл лекций был прочитан академиком Н. Н. Покровским учащим и учащимся Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского 14, 21 и 28 апреля 2007 года.



бывают и ошибки. Преподобный Максим Грек говорил на суде, когда находили ошибки в его переводах: «А описи [т. е. ошибки. — *Н. П.*] в наших греческих книгах живут, и в ваших русских книгах живут же». Как и в ваших тетрадях, наверное... То есть, эта задача найти лучший список, где меньше описей, где меньше ошибок, понятна.

Известны случаи, когда устаревшие уже термины, которые плохо понимали, читатели трактовали на полях. Такие трактовки называются глоссами. А другой переписчик начнёт этот текст переписывать да не поймёт и глоссу вставит в текст не как объяснение, а как слово священного текста. Уже где-то в XVI веке находили такие ошибки и исправляли их, в частности в рассказе о страстных днях Господа нашего Иисуса Христа — там, где говорилось, что пришла за Христом **кустодия** (*кустодия* — стража, по латыни). Это слово как непонятное попало на поля, в глоссу, потом вошло в текст, а там к тому времени уже был его греческий эквивалент. А следующий переписчик и это внёс в текст. Но в конце концов достаточно рано нашли более древний список, сверили это место и все ошибки вычистили.

Иначе говоря, древние тексты искали всегда. Они были нужны для очень многих вещей, но прежде всего для того, чтобы донести тот первоначальный смысл, который первые писатели Библии, вдохновляемые Духом Святым, вкладывали в текст. Это одно дело.

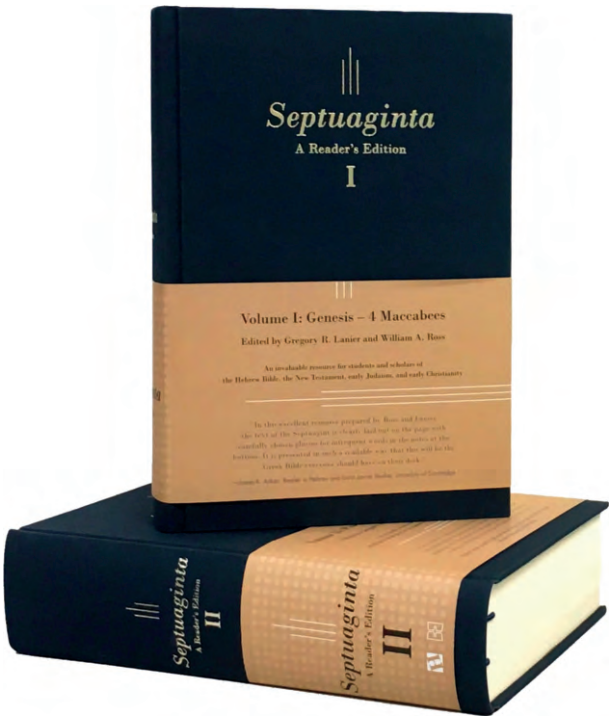
Другое состоит вот в чём: библейских книг много. Вы знаете, что Библия делится на две большие части: на Ветхий Завет, книги которого и вера, в них выраженная, общие в иудаизме и в христианстве, и таких книг 38 в сегодняшнем каноническом тексте нашей с вами Православной Церкви; и на книги Нового Завета, коих 27, каждое из посланий апостолов называется своим именем. Но давно было известно, что книг на ветхозаветные темы, книг о жизни Христа было гораздо-гораздо больше. Уже писатели первых веков христианства (II–III вв.) насчитывали около двух десятков Евангелий. В нашей Библии их 4. Следовательно, давно уже Церковь вела работу, отделяя наиболее правильные, наиболее неискажённые ни по письму, ни по содержанию библейские тексты от других. Некоторые из них, как считали, может быть, никаких ересей и не несли, но другими книгами не доказывались, были в них и некоторые сомнитель-

ные места, и их отсекли. А вот те книги, которые были признаны наиболее точными, ввели в библейский канон.

Это, вообще, большая тема, и если кто-то из вас будет интересоваться ею глубже, найдите, скажем, в интернете или лучше всего в словаре Брокгауза и Эфрона словосочетание «библейский канон», и вы увидите полную историю того, как в течение веков какие главы Церкви и какие учёные устанавливали библейский канон.

Канон Ветхого Завета, большинство книг которого писалось на древнееврейском языке (в нашем ветхозаветном каноне есть одна книга, потом я скажу о ней, которую долгое время считали изначально написанной на греческом), устанавливался несколько раз. И наиболее авторитетным было решение иудейского Собора в городе Ямнии (Явне) 90 года после Рождества Христова. В наше время чаще всего пользуются другим каноном, так называемым масоретским, намного более поздним — конца VI — VII века. Но вот большой заглавный начальный канон — именно 90 года.

Для христиан наиболее авторитетным является перевод Ветхого Завета семидесяти толковников. В 270 году до нашей эры были собраны семьдесят лучших переводчиков, которые независимо друг от друга переводили книги Ветхого Завета с древнееврейского на греческий язык, и перевели они одинаково. Есть такое предание. Перевод этот называется **Септуагинта** (семидесяти). Он считается базовым в Православной Церкви. В свою очередь, как вы знаете, с него был сделан славянский перевод и так далее, и так далее.



Латинский базовый подобный перевод — гораздо более поздний — святого Иеронима, называемого святым обеими Церквями — православной и католической. Это 382–405 годы нашей эры. Он называется **Вульгата**. Он некоторое влияние на русский православный текст оказывал уже с XV века.

В XIX веке, когда учёные начали всерьёз заниматься библейской текстологией (текстами библейских книг и тем, когда какая книга входила в канон, а какая не считалась канонической, хотя могла содержать и интересные исторические сведения, а могла содержать и немало фантастических), то оказалось, что на изначальном языке Ветхого Завета — древнееврейском — вообще нет рукописей старше конца IX — X века нашей эры. Вся та колоссальная толща переписки Ветхого Завета не сохранилась, или, точнее сказать, не была известна. Занимались более

поздними рукописями, их было тоже не так много, сопоставляли их, эти сопоставления давали интересные выводы, но тем не менее...

Древнейшие тексты Нового Завета (если не считать крохотного отрывочка из нескольких строк) — на греческом языке. Новый Завет тоже на разных языках писался: изначально больше всего на арамейском языке, хотя немало и на греческом. Так вот: было известно несколько греческих кодексов Нового Завета, разной степени сохранности, неполных. Один из древнейших, относящийся к середине IV века, хранится в Ватикане и называется поэтому **Ватиканским кодексом**. Написан он был очень небрежным почерком и с большим количеством лакун (пропусков) — далеко не весь сохранился.

Вот такая обстановка была в этом деле на тот момент, к которому я перехожу. Вообще, мне хочется рассказать вам о трёх главных моментах, сделавших новую эпоху (и продолжающих делать) в изучении библейских книг — в библейской текстологии.

Первый сюжет — это знаменитый **Синайский кодекс Библии**. Там нет начала Ветхого Завета, но есть весь Новый Завет, к тому же с очень интересными добавлениями (о добавлениях — отдельная речь).

Кроме того, Священное Писание находилось в гуще литературы своего времени. Времена менялись, окружение менялось, менялся характер воздействия Священного Писания на эту литературу. Это тоже важнейший интересный научный вопрос. В советские времена было не очень принято говорить, а сейчас только об этом и говорят — темы Ветхого Завета в творчестве Пушкина (стихотворение «Пророк» и так далее). При этом забыли вообще о поэме «Иоанн Дамаскин» Алексея Толстого и о многом-многом другом. И первый мой сюжет — Синайский кодекс — не только о библейских книгах, но и о следах такого их влияния тоже.

Второй сюжет называется **Каирская гениза**.

Слово «гениза» по-древнееврейски означает ‘погребение’. Это своеобразная кладовая, где хранятся истлевшие древние священные книги, но, как потом оказалось, далеко не только они, а и многое-многое другое, вплоть до прекрасной французской любовной лирики, которую изучают на филологических факультетах университетов. И очень многие тексты этой генизы через греческий и арабский языки стали известны в результате её открытия в прошлом веке.

Третий сюжет, конечно, — **Кумранские пещеры, рукописи Мёртвого моря**.

* * *

Итак, **Синайский кодекс** IV века нашей эры. Его обнаружение, изучение и публикация связаны с именем немецкого учёного **Константина Тишендорфа**.

Он был прилежным учеником гимназии. В гимназии он досконально изучил, кроме «живых» языков, латинский и греческий. Правда, когда он впервые приехал на Ближний Восток и стал разговаривать с египетским духовенством по-гречески, то вдруг оказалось, что они друг друга не понимают. Дело в том, что греческий язык тоже не стоял на месте, и они выучили разные греческие языки. Но Тишендорф был хорошим полиглотом, так что этот весёлый эпизод довольно быстро забылся.

Константин Тишендорф (1815–1874)

Затем он поступил (дело было в Саксонии) в Лейпцигский университет, где прекрасно изучил еврейский, сирийский, арамейский языки и только что входивший в моду и очень много давший науке коптский язык (я уже упоминал этот язык, сейчас он более всего распространён в долине Нила). Именно здесь Тишендорф решил, что его наукой, сферой его научных интересов будет библейская текстология, и преимущественно новозаветная.

Дело в том, что к тому времени уже был некоторый перекос в изучении ветхозаветной и новозаветной текстологии. Не то чтобы Новым Заветом не занимались, нет. Рядом в знаменитых университетских городах Германии существовала знаменитая Критическая школа новозаветной текстологии, которая занималась не только Новым и Ветхим Заветом и которая дала целый ряд важных наблюдений науке. Но потом, уже в нашем XX веке, оказалось, что во многом она слишком «критическая». Хотя её представители определили места некоторых библейских городов и многое другое, много рассуждали о последовательности написания библейских книг, но тем не менее...

Когда я был на первом курсе Московского университета (1947), то нас учили весьма солидные книги солидных учёных о том, что новозаветные книги — Евангелия (книги о жизни Иисуса Христа), Деяния святых апо-

столов, апостольские послания и самая таинственная книга Откровение (Апокалипсис) апостола Иоанна Богослова — возникли через много-много столетий после жизни Христа, где-то в IV веке, некоторые, может быть, даже в конце III века, а самая поздняя книга Апокалипсис — так вообще не раньше IV века и так далее. Не столь резкие, но сходные проблемы датировок книг Нового Завета стояли и во времена Тишендорфа. И он решил, что посвятит свою жизнь новозаветной текстологии — исследованию того, когда создавались древнейшие рукописи Нового Завета, на каком языке какая рукопись с какой переписывалась — то есть каковы были все эти взаимоотношения.

У Тишендорфа была хорошая память, поэтому уже в конце своих студенческих времён он составил сводку текстов Нового Завета по восьми самым древним известным тогда текстам. А тексты хранились в разных городах, фотографии тогда не было, тексты нужно было переписывать (их для него и переписывали, бывало) или нужно было ездить самому и смотреть рукописи и так далее, и так далее. Эта работа была одобрена. Тишендорфа приняли в Лейпцигский университет, как мы бы сегодня сказали, в штат.

С 1840 года (а родился Тишендорф, напомню, в 1815 году) он принялся за один очень интересный памятник — кодекс сочинений отца Церкви Ефрема Сирина, XII века, пергаменный. И тут впервые широко учёные столкнулись с таким явлением, как палимпсéст. Палимпсест — это лист (чаще всего пергаменный, но не только), с которого аккуратненько соскребали старые надписи, которые на нём были сделаны, и писали новые. Вот так с кодекса Ефрема Сирина, весьма почитаемого христианского святого, в XII веке соскребли текст и сверху написали, как им казалось по более справным, более интересным рукописям, в общем-то то же самое — творения Ефрема Сирина. Учёные уже раньше замечали, что текст двойной, но соскребали ведь тщательно, и поэтому они ничего с этим сделать не смогли. А возможности чтения в инфракрасных лучах, в ультрафиолетовом излучении тогда ещё не было. Я помню, как сам был впервые потрясён, когда в одной из рукописей XVI века, где густо кое-что было замазано чернилами, в ультрафиолетовых лучах всё написанное тогда прочитал.

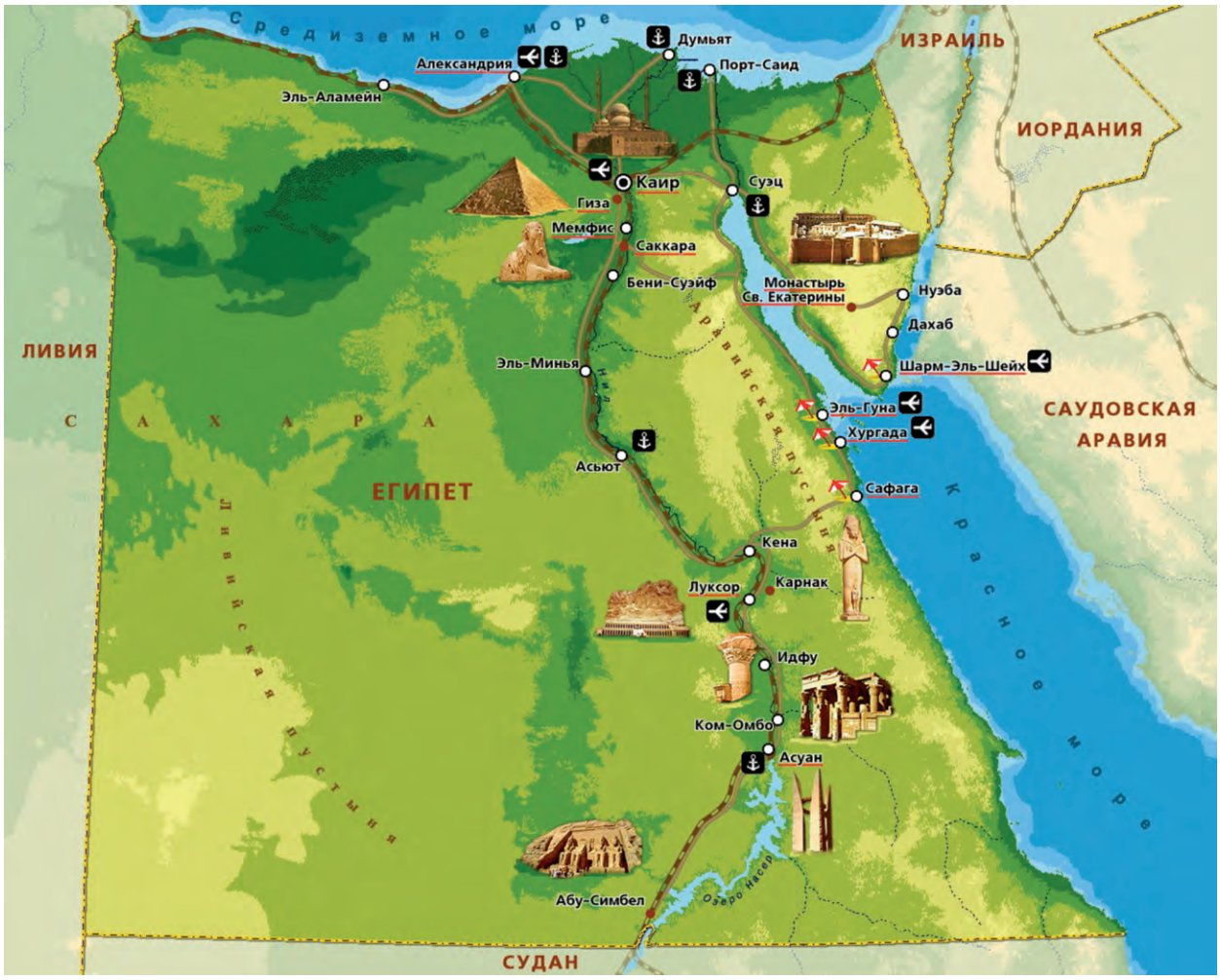
Тишендорф брал потрясающим трудолюбием. Он понял, что если на палимпсестовский текст под каким-то косым углом при каком-то особом положении луча света смотреть, то всё написанное можно прочитать. И так он прочитал всё и издал. Это была его первая крупная текстологическая работа. Ещё несколько раньше англичанин лорд Керзон вывез много рукописей из Нитрийской пустыни под Каиром, в том числе и некое Евангелие на сирийском языке, которое тоже поступило в научный оборот. Но Тишендорф сразу же от этой ступеньки — от сирийского Евангелия из Нитрийской пустыни — перешёл на следующую ступеньку.

Мы и сегодня знаем, что археографы — люди, ищущие древние тексты, — часто пользуются невероятными, непонятно откуда идущими слу-

хами. А слухи о том, что там где-то в сказочных восточных местах, в Каире, на Синае, в Палестине, находятся несметные сокровища не только денежные, но и книжные, в середине XIX века уже валом валили по Европе. И в 1843 году Тишендорф решается поехать — а где же этот кладезь невероятных ценностей? — и совершает поездку на Восток. Человек он был небогатый, но умел убеждать — всю жизнь он умел убеждать великих мира сего в том, что нужно быть меценатами. Тут он убедил самого короля Саксонии, который считал себя покровителем наук и изящных искусств. Но понятно, что одного этого было мало. И король помог ему убедить нескольких банкиров... Издревле так делается наука.

Тишендорф отправился в экспедицию. Сначала он остановился в Ватикане, а затем, понятное дело, поехал в Каир. Наш с вами рассказ и будет касаться окрестностей Каира, Синайского полуострова, его южного окончания, куда россияне сейчас так часто едут — на роскошный курорт Шарм-эль-Шейх.

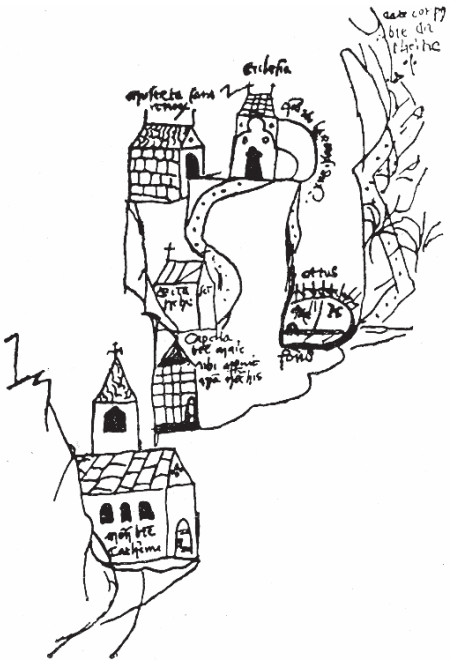
А учёные туда давно уже стремились, потому что там Синайская гора, где Господь дал Десять заповедей Моисею, там куст Неопалимой купины (до сих пор растущий, его туристам показывают экскурсоводы), в котором



Карта Египта

Бог явился Моисею и говорил с ним, и там многое-многое другое. В частности — группа монастырей на самой оконечности полуострова во главе с монастырём святой Екатерины.

Тишендорф в Каире вёл переговоры с местным духовенством, получил аудиенцию у коптского архиепископа (вот тогда и выяснилось, что у них разные греческие языки), который посоветовал ему ехать на Синай, запасся рекомендательными письмами в синайский монастырь, без которых его туда не пустили бы. Сборы были долгими, поэтому кроме этих писем пришли негласные рекомендации — этому настырному немцу никаких книг не показывать.



Схематический план окрестностей горы Синай, сделанный паломником XV века. Из «Книги скитаний» Жака де Верона (1420 г.). Монастырь св. Екатерины изображён в нижней части схемы, часовня стоит на вершине горы, где Моисею были даны 10 заповедей

И вот 12 дней, не спеша, ехал Тишендорф с караваном верблюдов и приехал под стены знаменитого синайского монастыря святой Екатерины, монастыря IV века. Вообще, во времена Тишендорфа на Синае было 11 монастырей. И главный — монастырь святой Екатерины.

Рядом с ним — маленькая мечеть, которой православная культура оказалась обязана многим. XV век. Территория эта была подчас под номинальным владычеством турок. Монахи того времени отличались веротерпимостью и сохранили мечеть, тем более что, как вы знаете, мусульманская религия чтит многих деятелей Ветхого и Нового Завета. И это им зачлось. И когда шла страшная грабиловка вокруг, сначала арабская, а потом крестоносцев-католиков, синайский монастырь всякий раз оказывался под охраной и его в общем не тронули. Вот, так сказать, — о пользе веротерпимости, о пользе контактов между конфессиями. Тишендорф подъехал к монастырской стене высотой больше 5-этажного дома. Стена — сплошная, но сверху на канате ему спустили корзину. Он вложил в неё свои, так сказать, «верительные грамоты» — письма каирских иерархов о том, чтобы его пустили в монастырь и показали древности. Письма прочли, корзину спустили назад, и уже сам немец поднялся на ней на самый верх. Это было первое из трёх его посещений монастыря.

Уже во время второго посещения его проводили через потаённый (конечно же) ход под маленьким крыльцом туда, где Тишендорфу суждено было увидеть поразительные христианские древности. Среди них — две знаменитые иконы монастыря святой Екатерины.

Это — изображение святого пророка Иоанна Предтечи, выдержанное в строгой жёлто-коричневой гамме, считающееся одним из шедевров ран-

нехристианского искусства. А я добавлю, что икона очень интересна и по технике письма. Это мостик между искусством эллинистического мира и местной традицией. Это тот культурный мир, который возник после походов Александра Македонского в этих местах, в Передней Азии, Средней Азии, где греческая культура смешивалась с местной. По традициям древнеегипетских царств портреты усопших делали в особой технике. Она называется энкаустика — это живопись цветными восками. Эти две древнейшие иконы монастыря святой Екатерины тоже написаны в технике энкаустика. Потом эта техника исчезнет, иконы будут писать темперой — красками, разведёнными на яичном желтке. А тут — ещё старая техника, но уже новое христианское содержание.

Пророк Иоанн Предтеча. Синай. Монастырь святой Екатерины

Другая икона — величественное изображение Спасителя, сделанное по ранневизантийским канонам, многие из которых дошли до

Монастырь святой Екатерины. Синай

наших дней. Очень скупо, чётко, но с огромной выразительностью смоделированный лик — «пневматическая живопись», как говорили тогда («пнéума» — дух). Это никоим образом не попытка сделать портрет — это живопись Духа.

Христос Спаситель. Синай. Монастырь святой Екатерины. Датируется серединой VI в.

Тишендорфа приняли хорошо, выделили ему келью и даже приставили к нему библиотекаря, знающего книжника, которого незадолго до этого монастырь выписал из знаменитого центра православной книжности — со Святой Горы Афон — и который уже начал составлять каталоги библиотек монастыря святой Екатерины. А было в монастыре всего три библиотеки в разных местах, не считая тех книг, которые находились в кельях.

И вот дальше, как это часто бывает, особенно в рассказах о древних книгах, есть две прямо противоположные версии, и каждая из них понятно почему возникала.

Есть версия Тишендорфа и многих, которые были на Синае вслед за ним, о том, что в монастыре этом было страшное безобразие, что 18 монахов, которые находились тогда там, были не очень грамотными, в старине не очень разбирались и, главное, совершенно не ценили её. И вот когда однажды он вместе с библиотекарем Кириллом шёл по проходу одной из библиотек, то увидел на полу корзину и схватил лежавший в ней верхний манускрипт, который явно был пергаменным. Кирилл ему сказал: «А, да. Это мы время от времени слишком ветхие рукописи готовим на сожжение. Эти ещё не сожгли». Это, повторюсь, версия Тишендорфа.

Есть противоположная версия, которой, кстати сказать, придерживались и некоторые из русских учёных, в том числе и бывших приблизительно в то время на Синае. А там, через несколько лет после Тишендорфа, был известный востоковед архимандрит, впоследствии епископ Чигиринский, Порфирий (Успенский), и он видел этот самый манускрипт, который был там. Да и само духовенство этого монастыря и каирское потом говорило,

что Тишендорф грабил монастырь, что он уносил многое без разрешения, и поэтому понятно, что от него многое прятали. А знать его на самом деле знали, и действительно уже был почти готов каталог, но этого тома там не было. Этот том и был знаменитым **Синайским кодексом**, точнее это были первые его 129 листов.

Епископ Чигиринский Порфирий (Успенский; 1804–1885)

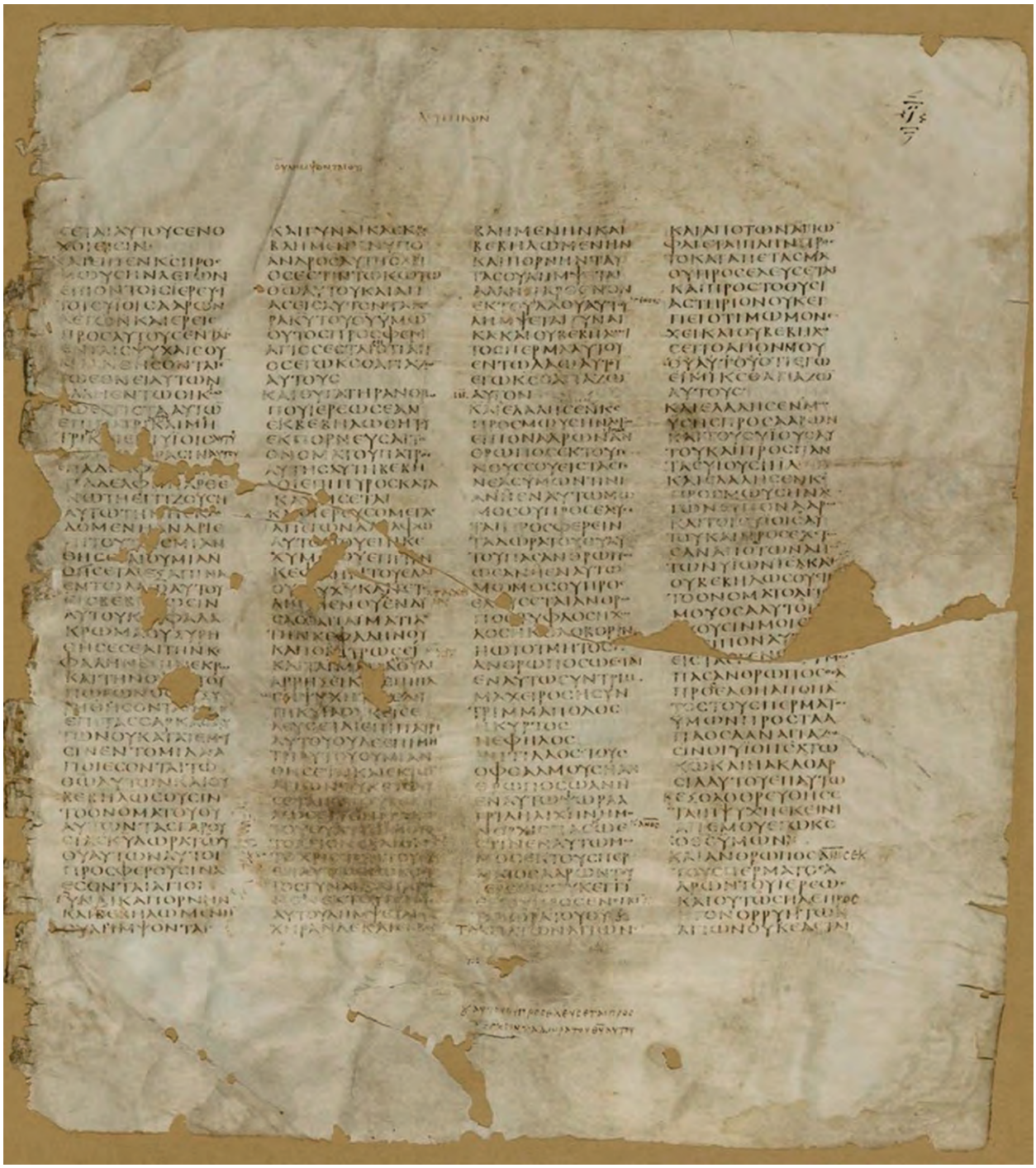
Кодекс был написан на очень больших листах пергамена в четыре столбца. К сожалению, хороших изображений рукописи Синайского кодекса нет, то есть их полным полно в интернете и следуют они там одно за другим, но это всё враньё. Друзья мои, в интернете очень много вранья, вероятно, из тех рефератов, которые у вас переписываются в качестве сочинений. Так, на одном из так называемых «Синайских кодексов» интернета я чётко обнаружил основной почерк XVII века, и всё такое прочее[1].

Но общий результат таков: после многих долгих-долгих переговоров Тишендорфу удалось выпросить у Кирилла, сначала для ознакомления и переписки, к себе в келью 43 первых листа рукописи. Потом для этих 43 листов временное разрешение с большим трудом перешло в постоянное. Это тоже были долгие-долгие переговоры в Каире. Тогда листы были переплетены, и в таком виде вы можете их сейчас видеть.

Так обстояли дела во время первой поездки Тишендорфа на Синай в монастырь святой Екатерины, когда ему удалось привезти в Лейпциг 43 листа рукописи, сообщить об этом научному миру, но ни словом не обмолвиться о том, что там в этом монастыре всего их было 129, потому что он надеялся когда-нибудь каким-нибудь образом получить и остальные.

Тем временем, в 1853 году уже, то есть с большим перерывом (а Тишендорф всё это время занимался поисками рукописей в других местах на Ближнем Востоке, и небезуспешно), он оказался ещё раз там же, в синай-

[1] В 2009 году в результате четырёхлетнего сотрудничества Британской библиотеки, Библиотеки Лейпцигского университета, Монастыря святой Екатерины на Синае и Национальной российской библиотеки в Санкт-Петербурге был осуществлён масштабный проект по оцифровке 800 листов Синайского кодекса. Теперь эти изображения доступны на сайте https://codexsinaiticus.org/en/. — *Прим. ред.*



Синайский кодекс. IV в. Фрагмент книги Бытия

ском монастыре. Тот же Кирилл его так же вежливо принимал. Но когда Тишендорф спросил: а где те листы? Он ответил: а нет...

А через три года там был упоминавшийся уже мной наш известный византолог архимандрит Порфирий (Успенский). Так вот ему они были показаны. То есть, вполне понятно, что в монастыре побаивались: за Тишендорфом — Германия, за ним Англия... Я вам не сказал, что на этот раз Тишендорф приехал в монастырь с рекомендациями не только от малень-

кой Саксонии, но и с английскими. Причём англичане, когда рекомендации ему дали, вослед ему пустили свою экспедицию, которую там же в монастыре святой Екатерины немного позднее пытались перекупить, но безуспешно.

Правда, ещё кусочек листика Тишендорф там в свою вторую поездку нашёл: в качестве закладки в одной из книг более поздних он обнаружил кусочек пергамена с отрывком из первой книги Библии, не дошедшей в том комплексе, — из книги Бытия.

А потом, я вам не буду подробно рассказывать, было очень много дипломатических переговоров. В третий раз Тишендорф отправился на Синай в монастырь святой Екатерины осенью 1859 года, сообразив, на кого нужно делать ставку. Он установил связи сначала с русским министром Норовым. Тот вывел его на великого князя Константина Николаевича, брата императора Александра II. Великий князь вывел на самого государя. Одним словом, в третье своё путешествие Тишендорф отправился как посол русского императора по этому вопросу, наделённый важнейшими письменными полномочиями и весьма изрядными суммами.

В результате вдруг оказалось, что да, есть Синайский кодекс, только он не в этой библиотеке лежит. И Тишендорфу довольно быстро выдали для копирования кроме тех 129 листов ещё 346. И он начал копировать эти листы от руки в своей келье.

Через некоторое время такой работы оказалось, что дело это безнадёжное — очень долгое. Ну а потом выяснилось, что важен не только сам текст, а и многочисленные поправки, исправления, добавления, комментарии, которые сделаны были многими разными руками, и нужно было определять, какие из них относились к древнейшему времени, какие позднее на этих листах появились. Потом оказалось, что их более 15 тысяч. И для научного издания, как вы понимаете, всё это нужно было учесть.

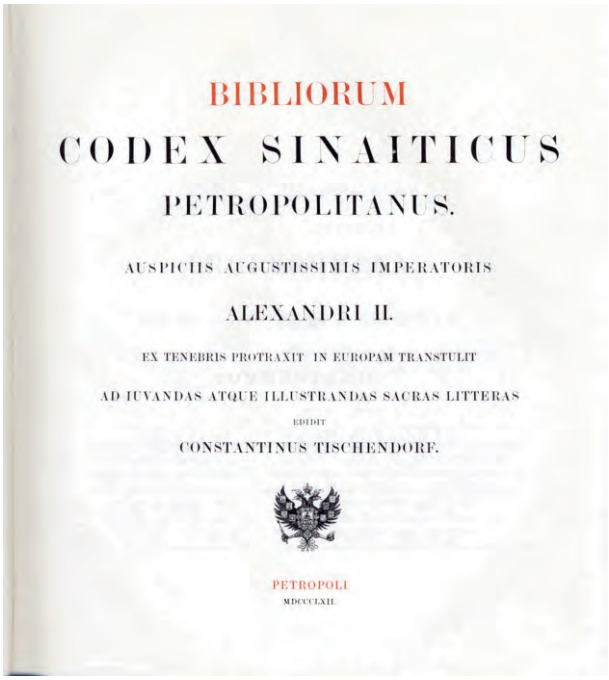
В ходе переговоров с монахами выяснилось, что Тишендорфу ничего отдать из монастыря они не могут, потому что глава монастыря в Каире. Тишендорф приехал к нему в Каир, и тот сказал, что он ничего не может ему передать без каирского митрополита, а каирский митрополит как раз сейчас переизбирался. Но, узнав о полномочиях русских, тут же обе партии, бывшие на этих выборах, начали вовсю перетягивать Тишендорфа на свою сторону. А тут на Восток приехал брат русского императора великий князь Константин, взял его с собой в качестве научного эксперта и так далее, и так далее. В общем, сначала Тишендорф получил разрешение всё-таки в Каире продолжать копировать кодекс. Десять дней на верблюдах Синайский кодекс путешествовал из монастыря в Каир. А потом под верительные грамоты, под обещания и самого Тишендорфа, и русского посла в Константинополе, и ряда других лиц рукопись временно передали Тишендорфу для изучения вопроса — на каких условиях кодекс может быть подарен русскому императору. Вопрос изучали долго. Условия эти в конце концов слились и к особой политической поддержке, и к огромной

серебряной раке, и к 9 тысячам рублей серебром того времени.

Тишендорф увёз кодекс (показав его сначала в России) к себе на Родину в Саксонию и четыре года готовил рукопись к изданию. Вот тогда оказалось, что нужно все эти правки смотреть и так далее, и так далее. А издавать решено было в Петербурге от имени царя Александра II.

Издание было литографированное — повторюсь, фотографии тогда не было. Художник как можно более точно воспроизводил рисунок каждого листа рукописи на литографском камне, затем его как можно более точно раскрашивал соответствующими красками. И таким образом отпечатали 1232 экземпляра кодекса, отправили всё это из Германии в Санкт-Петербург, и для этого понадобился особый железнодорожный состав — всё это дело весило 80 тонн.

Император Александр II Освободитель. (1818–1881)



BIBLIORUM
CODEX SINAITICUS
PETROPOLITANUS.
AUSPICIIS AUGUSTISSIMIS IMPERATORIS
ALEXANDRI II.
EX TENEBRIS PROTRAXIT IN EUROPAM TRANSTULIT
AD IUVANDAS ATQUE ILLUSTRANDAS SACRAS LITTERAS
EDIDIT
CONSTANTINUS TISCHENDORF.
PETROPOLI
MDCCCLXII.

Титульный лист издания Синайского кодекса. Санкт-Петербург. 1862 г.

Появилось это издание Синайского кодекса в 1862 году «милостию и тщанием царя Александра II». Это — всё-таки типографское издание, не повторяющее особенностей каждой буквы, не повторяющее многих и многих исправлений (они шли отдельным густонаборным шрифтом), то есть вещь важнейшая, но тем не менее неадекватная — как следовало бы издавать.

А сама рукопись Синайского кодекса была в Ленинградской публичной библиотеке, которая потом стала Публичной библиотекой им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (сейчас — Российская национальная библиотека).

Издание Синайского кодекса.
Санкт-Петербург. 1862 г.

Но пришли тугие для наших древностей времена, когда стали распродавать крупнейшие сокровища Эрмитажа. Распродали коронные ценности Романовых. И был отчаянный спор между Красиным, Троцким и Фаберже. Мне довелось первому держать в руках документ — протесты Фаберже против тех оценок коронационных ценностей, которые предлагались другим. Красин считал, что за всё это можно очень немного денег получить. Шапка Мономаха, короны и так далее — вещи известные, кому их продашь? Троцкий же настаивал на том, что всё это можно за фантастические миллиарды продать. Но тогда коронационные регалии так и не продали. Хотя удивительным образом уже после войны более тщательные описи показали, что в царской короне не хватает более 2 тысяч бриллиантов. Но, повторюсь, эти ценности не продали.

А вот Синайский кодекс продали! Вели долгие переговоры с разными международного уровня, так сказать, барыгами. И в начале 1934 года было опубликовано заявление о том, что продажа состоялась за сумму, адекватную 510 тысячам долларов, и что Британский музей, которому продали кодекс, объявляет всенародную подписку, чтобы покрыть эту сумму, так как суммы этой у него тогда не было. И тут же «британская корона» сообщила, что на каждый такой «народный рубль» корона даст свой «рубль». В результате собранная народная сумма оказалась больше 510 тысяч долларов, а «британская корона» сдержала своё обещание, и у музея оказался очень-очень хороший бюджет. Для того чтобы всё это сделать, Синайский кодекс целый месяц показывали на выставке в специальных залах музея, куда всё это время выстраивалась огромная очередь.

Давно уже изучаются особенности тех памятников, которые содержатся в этом манускрипте. Прежде всего Новый Завет и интересные памятни-

Здание Британского музея. Лондон

ки — «Пастырь» Ермы и Послание Варнавы, которые не являются новозаветными текстами, но это та литература, которая вокруг них и которая нам особенно интересна. Эти два памятника были в самом конце манускрипта.

А в 2006 году была развёрнута кампания, деньги на которую выделяют Британский музей и Российская национальная библиотека, в которой кодекс находился раньше, и оба эти учреждения предоставляют своих учёных, — в четырёхлетний срок оцифровать весь Синайский кодекс...

На этом сегодня давайте закончим.

Лекция 2. КАИРСКАЯ ГЕНИЗА

На первой лекции мы говорили с вами об одной из удивительных находок времени Александра II — **Синайском кодексе библейском**, когда впервые получили практически полный древнейший по времени греческий текст Нового Завета. Сегодняшний рассказ будет преимущественно о книгах Ветхого Завета, но не только о них, а ещё об одной удивительной находке. Я вам говорил уже в прошлый раз, что эта находка связана с **Каирской генизой**.

Гениза (что по-древнееврейски означает ‘покрытие, сокрытие, погребение’) — это название особой части иудаистского молитвенного дома (обычно синагоги), где прятали древние обветшавшие священные книги, которые уже были слишком старыми, чтобы служить во время богослужения. А считалось, что просто оставить их на произвол судьбы нельзя, потому что там есть священные слова, которые недолжно подвергать возможному осквернению. Поэтому имелось соответствующее помещение: иногда просто большой шкаф, а иногда и специальная пристройка к основному зданию, но чаще — обширный чердак, куда эти книги и складывали. Когда чердак заполнялся, их хоронили — с особыми обрядами. В Иерусалиме, например, — очень торжественным обрядом. Хоронили эти книги на еврейском кладбище. Часто рядом с могилами поминаемых святых, особенно почётным считалось — ветхозаветных святых. Но происходило это

Каирская гениза в синагоге Бен-Эзра

довольно редко. Раз лет в 500. Следовательно, на таком чердаке могли храниться рукописи многовековой давности. Это было известно давно, это не было тайной. Мало того, была известна в этом отношении особо интересная для учёных гениза — в старом Каире, построенная на его южной окраине в 882 году. И постройка эта сохранилась до XX века. Её иногда ремонтировали. Насколько капитальным был этот ремонт, я не знаю, но генизу при этом не распечатывали. Тем не менее о ней знали.

Фиркович Авраам Самуилович (1786–1874)

Ещё в XVIII веке о ней знал **Симон фон Гельдерн** (1720–1774), интересовавшийся древними рукописями. В 1864 году — известный собиратель рукописей **Сапир**. Он пытался проникнуть в эту генизу, но из этого тогда ничего не получилось — ему не разрешили.

Каким-то таинственным образом по крайней мере один, но, кажется, и больше листов из этой Каирской генизы попали в руки интересного собирателя **Фирковича**. По вероисповеданию он был караимом. Караимы — это одно из ответвлений иудаизма. Ответвление очень древнее. Сейчас я уже могу сказать, что оно было и в I веке нашей эры. И есть в наши дни. В XIX и в XX веках караимы жили на Северном Кавказе, в районе нынешнего Дагестана, например. В Крыму их было немало. Фиркович собирал древнееврейские документы. Кстати, был у него тут и свой политический интерес: он стремился доказать царскому правительству, что эта секта отделилась от основного течения иудаизма ещё до Христа и поэтому не несёт ответственности за Его распятие. И, следовательно, православные должны уважать людей этого вероисповедания. И нужно сказать, что ему всё-таки удалось многого добиться: в либеральные годы времён Александра II по убеждению Фирковича караимы получили некоторые привилегии. Ну так вот, Фиркович каким-то образом получил из этой Каирской генизы какое-то небольшое количество текстов.

Ну а посетил генизу, смог проникнуть туда (в отличие от Фирковича и других, о ком я говорил) настоятель Православной миссии в Иерусалиме **архимандрит Антонин (Капустин)**. И вот тут уже была большая удача! Он взял с собой большой футляр от Торы. (Тора — священные еврейские

книги на основе Ветхого Завета с толкованиями.) И ему разрешили набить туда столько бумаг из генизы, сколько он сможет вынести. Вместе с собранным Фирковичем большинство этих документов отнюдь никоим образом не пропало и находится в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке.

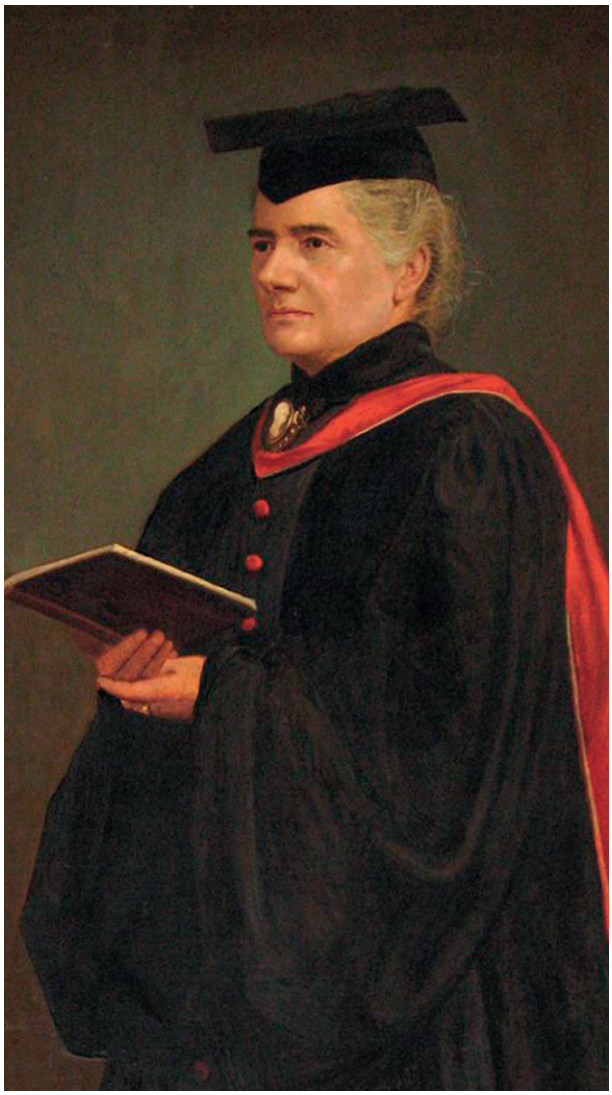
Архимандрит Антонин (Капустин; 1817–1894)

И вообще пошли слухи, что есть такое чудо — Каирская гениза. Этому очень содействовал ремонт, который в конце XIX века всё-таки сделали в старой египетской синагоге. Её обычно называют, так сказать, в просторечии, каирская синагога, а в научной литературе вы часто встретите (имейте в виду, что это одно и то же) — **синагога в Фостате**. Фостата — это южный пригород египетской столицы, где находится это здание. И случилось так, что, как это нередко бывает, многие жители Египта, в том числе потомки древнейшей египетской профессии охотников за древностью, за стариной, за перекупкой её (вы знаете, это очень часто граничило с ограблением могил фараонов и так далее, и так далее), прознали о том, что в этой генизе есть какие-то тексты, на которых можно вроде бы заработать.

И тогда случилось так, что где-то в 1895 году (отсюда можно начинать уже реальную историю ввода сокровищ Каирской генизы в науку) две очень любопытные **сестры-англичанки Гибсон и Льюис**, весьма интересовавшиеся Древним Востоком, древней письменностью и так далее, принимавшие даже участие в некоторых работах (хотя вряд ли их можно назвать учёными первого ранга или что-нибудь в этом роде), далеко от Каира в ныне существующем на восточном берегу Средиземноморья городе Яффе купили целую пачку документов из Каирской генизы. Они уехали с ней в Англию. И вот тут науке повезло — они сразу же вышли на имя нужного человека.

В Англии восточными культурами, восточными языками (в том числе и древнееврейским) занимались немало. В Кембриджском университете заведовал библиотекой древнееврейских рукописей и занимался восточ-

Агнесс Льюис (1843–1926)



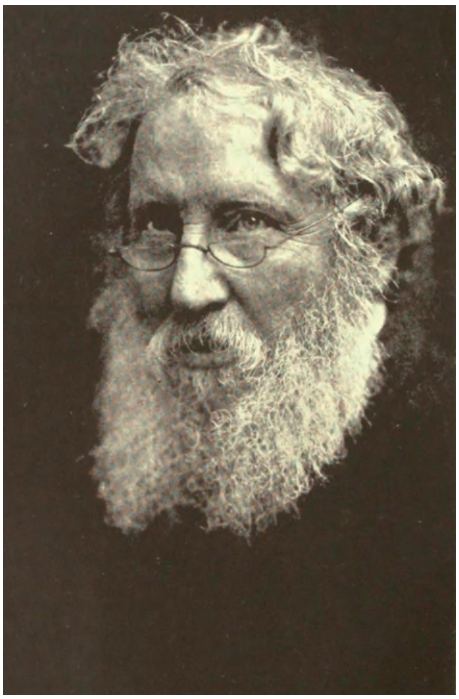
Маргарет Гибсон (1843–1920)

ными языками интереснейший учёный того времени, беззаветно науке преданный, по имени **Соломон Шехтер**. И подобно тому, как история Синайского кодекса — это прежде всего подвиг Тишендорфа, открытие для науки сокровищ Каирской генизы — это прежде всего подвиг Соломона Шехтера.

Сразу же по приезде в Англию сёстры сказали, что, кажется, в их руки попало нечто очень интересное. И принесли ему один листик. Бумажный. Нужно сказать, что тогда ещё у людей, которые занимались проблемами Древней Палестины, Древней Иудеи, языками, почтение вызывали папирус и пергамен, а бумага гораздо меньше. Но человек, которому они этот бумажный отрывок принесли, был не из таких.

Вообще, у него очень интересная биография. Семья его — выходцы из России — переехала в Румынию. Там маленький Соломон прославился как вундеркинд, потому что, говоря по-нашему, в раннем школьном возрасте он выучил наизусть всё Пятикнижие Моисеево. А войдя, так ска-

зать, в студенческий возраст, он поехал учиться: из Румынии он перебрался в Польшу, оттуда — в Германию. Но в Германии ему, как он сам потом не раз говорил, не понравился, так сказать, научный климат. Можно догадаться почему: к нему там относились, со всеми его блестящими знаниями, с предубеждением.



Соломон Шехтер (1847–1915)

А он уже вовсю занимался сличением текстов ветхозаветных рукописей по известным ему спискам. Списков этих очень древних на древнееврейском языке было не так много — меньше даже, чем на греческом. И вообще, древнее примерно X века списков этих ещё не знали. Но он собирал те, которые были известны, сравнивал их и так далее. И когда, получив в Кембридже должность заведующего древнееврейской библиотекой, он увидел этот лист, то сразу всё понял. Это нужно было иметь память не просто огромную, но и хорошо упорядоченную. Помните, как Шерлок Холмс говорил доктору Ватсону, заявляя, что ему вовсе не нужно знать, правильно учение Коперника или нет, потому что в его делах это ему не нужно, но ему нужен целый ряд очень серьёзных инструментов, и все они в его голове в полном порядке? Вот так же было у Соломона Шехтера: Ветхий Завет у него в голове был «в полном порядке». И он сразу же увидел, что это текст одной из тех книг Ветхого Завета, которая вызывала и в иудейском, и в христианском мире всех его направлений — католическом, протестантском и православном — наибольшее количество споров. Вы можете видеть этот текст в официальном издании нашей синодальной Библии — **Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.**

Так называется эта книга в нашем каноническом православном тексте Библии. А в Библии протестантской вы этого текста не увидите. Это действительно одна из самых поздних по времени книг Библии. И в синодальном переводе, правда, я не знаю, как в сегодняшнем, а вот у меня Библия моей бабушки начала века, там примечание: «Переведено с греческого». Почему? Зачем? Ведь весь Ветхий Завет наш переведён с греческого! Помните, я вам говорил о Переводе семидесяти толковников — Септуагинте. Почему именно здесь и только здесь такое примечание?

Дело в том, что текста этой книги Библии вообще не было известно на еврейском языке. Ни на древнем, ни на новом — ни на каком. Мало того, было известно: текст этой книги, который был в Библии, был переведён с греческого гораздо позднее текста Септуагинты. Намного позднее. И среди учёных шёл спор: а когда возникла эта книга? Там даже было

КНИГА
ПРЕМУДРОСТИ ИИСУСА СЫНА СИРАХОВА *.

ГЛАВА 1.

Всякая премудрость—отъ Господа и съ Нимъ пребываетъ во-вѣкъ.

2. Песокъ морей и капли дождя, и дни вѣчности кто исчислитъ?

3. Высоту неба и широту земли, и бездну и премудрость кто изслѣдуетъ?

4. Прежде всего произошла Премудрость, и разумѣніе мудрости—отъ вѣка.

5. Источникъ премудрости—слово Бога Всевышняго, и шествіе ея—вѣчныя заповѣди.

6. Кому открытъ корень премудрости? и кто позналъ искусство ея?

7. Одинъ есть премудрый, весьма страшный, сидящій на престолѣ Своемъ, Господь.

8. Онъ произвелъ ее и видѣлъ и измѣрилъ ее,

9. и излилъ ее на всѣ дѣла Свои

10. и на всякую плоть по дару Своему, и особенно надѣлилъ ею любящихъ Его.

11 Страхъ Господень—слава и честь, и веселіе и вѣнецъ радости.

12. Страхъ Господень усладитъ сердце и дастъ веселіе и радость, и долгоденствіе.

13. Боящемуся Господа благо будетъ напослѣдокъ, и въ день смерти своей онъ получитъ благословеніе.

Страхъ Господень—даръ отъ Господа и поставляетъ на стезяхъ любви

14. Любовь къ Господу—славная премудрость, и кому благоволитъ Онъ, раздѣляетъ ее по Своему усмотрѣнію.

15. Начало премудрости—бояться Бога, и съ вѣрными она образуется вмѣстѣ во чревѣ. Среди людей она утвердила себѣ вѣчное основаніе и сѣмени ихъ ввѣрится.

16. Полнота премудрости—бояться Господа; она напояетъ ихъ отъ плодовъ своихъ:

17. весь домъ ихъ она наполнитъ всѣмъ, чего желаютъ, и кладовыя ихъ—произведеніями своими.

18. Вѣнецъ премудрости—страхъ Господень, произращающій миръ и невредимое здравіе; но то̀ и другое—дары Бога, Который распространяетъ славу любящихъ Его.

19. Онъ видѣлъ ее и измѣрилъ, пролилъ какъ дождь вѣдѣніе и разумное знаніе и возвысилъ славу обладающихъ ею.

20. Корень премудрости—бояться Господа, а вѣтви ея—долгоденствіе.

21. Страхъ Господень отгоняетъ грѣхи; неимѣющій же страха не можетъ оправдаться.

22. Не можетъ быть оправданъ несправедливый гнѣвъ, ибо *самое* движеніе гнѣва есть паденіе для человѣка.

Гл. 1. (1) 3 Царств. 3, 9. Іаков. 1, 5. (2) Сирах. 18, 8. (4) Притч. 8, 22. Колос. 1, 15. (5) Псал. 118, 104. (6) Премудр. 9, 13. Исаія 40, 13. Римлян. 11, 34. (7) Псал. 46, 3; 75, 8. (9) Іаков. 1, 17. (10) 1 Коринѳ. 2, 11. (11) Іерем. 9, 24. Притч. 4, 9. (12) Притч. 10, 27; 14, 27; 19, 23. (13) Іов. 42, 12. (15) Притч. 1, 7; 9, 10. (17) Второзак. 28, 5. Премудр. 7, 11. (18) Притч. 1, 7. (19) Второзак. 4, 6. (20) Псал. 91, 13. (21) Быт. 39, 8. (22) Іаков. 1, 20.

---

* Переведена съ Греческаго.

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Страница из дореволюционного издания

известно, хотя это вроде бы ставили под сомнение, что переводил её внук автора — Иисуса, сына Сирахова. Переводил её на греческий. И перевод этот был не очень хороший по качеству. Прикидывали, что это было, скорее всего, что-то около 130 года до рождения Христа.

Ну так вот, листик, который принесли Соломону Шехтеру английские дамы, был на древнееврейском языке. Датировался он то ли X, то ли XII веком нашей эры. Его и сейчас достаточно точно не датируют, но всё-таки наиболее вероятная датировка — XI век, т.е. посередине. И было ясно, что, как и полагалось, древнейший текст был написан по-древнееврейски.

Сразу возникали очень интересные возможности для лингвистов. Повторюсь: считали, что протограф (т.е. самый первый текст, когда бумаги или пергамена касалась рука не переписчика, а автора) — это приблизительно около 130 года до нашей эры. Этот же текст XI века, значит, у него языковые особенности XI века. А как этот библейский язык отличается, например, от языка Пятикнижия Моисеева — от языка первых книг Библии? Значит, сколько, примерно, времени прошло, грубо говоря? Но всё-таки... Следовательно, это возможность как-то решать споры о времени создания Ветхого Завета вообще.

Я вам говорил уже, что немецкая школа, особенно Критическая школа новозаветной текстологии, отодвигала это время как можно ближе к Рождеству Христову. Возможность датировки была бы, если бы одновременно с этим листиком, попавшим в руки Шехтера, были более древние, хотя бы листы Пятикнижия. А таких в то время ещё не было. Сразу скажу: они появятся с находками Кумрана, о чём мы с вами поговорим немножко позднее. Появится возможность датировки. И лингвисты докажут, что между тем языком, на котором был написан этот лист «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» (а к тому времени найдут их ещё несколько), и языком Пятикнижия Моисея достаточно большая разница. То есть промежуток времени прошёл больше, чем учёные тогда думали.

Вот вам один листик... и его открывшиеся уже и скрытые возможности!

Ну, конечно же, Шехтер решил ехать в Каир проникать в генизу вместе с двумя дамами — Льюис и Гибсон, которые вывели его на это открытие.

В Каирскую генизу они приехали **в декабре 1896 года. Это дата начала крупнейшего открытия в Библеистике**. Запомните и, если кто не ленится, запишите: декабрь 1896 года.

А дальше есть очень комичный рассказ Гибсон о том, что там происходило. С ними был сопровождающий. Нормального входа в генизу нет. И обычно так и есть. Чаще всего это оконце где-то под потолком. Сопровождавший их человек прихватил с собой большую лестницу, вскарабкался до этого отверстия, а дальше — спрыгнул вниз. И англичанка с ужасом рассказывает о том, как они услышали треск разрывающегося в клочки древнего пергамена, древней бумаги, услышали то, как всё это расходится

на мелкие клочья. Но всё-таки после этого они соорудили какую-то верёвочную лестницу вниз — до пола генизы. И учёные смогли туда проникнуть.

Есть очень живописные рассказы и о том, что они там увидели. В прошлый раз я вам уже говорил о том, что на все эти рассказы всё время нужно делать небольшую скидку, хотя тут, похоже, близко к истине. Скидку, потому что, когда в наши дни начинают поднимать вопросы о том, что, простите, это грабёж национального достояния — вывоз в другую страну, то главный аргумент в ответ: «А вы его не хранили и не знали, что оно у вас есть, и вообще оно вам нужно не было...» Всегдашняя вещь у всех археографов, включая и нашу археографическую группу: мы тоже шли по следу пожарищ в сараях древних книг, когда хозяева не знали, что это такое и так далее. Спор бесконечный. Тем не менее уже Соломон описывает, что там царил жуткий беспорядок, что всё было навалом, и понять — где, что и как — невозможно. И кроме того, была огромная тысячелетняя пыль от разлагающейся бумаги и так далее, и так далее. Кстати скажу ещё, что сама по себе бумага — тоже ценная часть этой находки, потому что это из ранней бумаги, о которой известно сравнительно мало. Здесь же сразу появилось много образцов для её изучения.

Началась длинная кропотливая работа по отбору того, что можно взять. Библиотекарь Кембриджского университета, собираясь в Каир, знал, что решающим вопросом на Востоке будут деньги. И он запас хорошую сумму денег. И сразу же поставил на вопрос, что он не просто посмотрит содержимое генизы, а что-то и вывезет. Что именно — неизвестно. Никто ведь не знал, что там есть. Там он нашёл **ещё несколько листиков Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова** и многое-многое другое.

Четыре месяца Шехтер в отчаянной пыли, жаре и духоте разбирал целые кодексы (их было очень немного), целые листики (их тоже было очень немного) и огромное количество клочков. И решал, что́ он всё-таки купит, а что́ нет. Причём огромное количество денег быстро, как это тоже часто бывало на Востоке, показало и свою обратную сторону. Через некоторое время Шехтер и его сотрудники заметили, что им продают одни и те же листы по второму разу. Дело в том, что отобранные листы складывали в огромные мешки и через то оконце отправляли в какое-то хранилище, где они постепенно копились: первые 8, 10, 20 мешков — больше 30 мешков было собрано в конце концов. Ну и естественно, что оттуда листы крали, подсовывали Шехтеру вновь и что-то он покупал по второму разу. Пришлось каким-то образом с этой проблемой справляться. Я не знаю, маркировал ли он листы или как-то иначе отмечал, — никакого ведь каталога того, что там есть в этих мешках, пока не было и не могло быть.

Вот таким образом он купил около 150 тысяч фрагментов и привёз их в Кембридж, где их начали разбирать. Не Шехтер — он тяжело заболел от месяцев, проведённых на этом безумно пыльном чердаке, но всё-таки он сделал очень много. Он основал несколько серий по изданию того, что

Соломон Шехтер работает с материалами Каирской генизы

было найдено. Серии эти продолжаются до сих пор. И до сих пор идут открытия. И до сих пор издано далеко-далеко не всё.

И только в прошлом году появились в интернете фотографии красивого ресторана, где за столом собрались так, судя по комплекции, человек шесть богатеньких товарищей со всего мира и скинулись на то, чтобы начать оцифровывать сокровища Каирской генизы. Проект очень-очень долгий. А потом оцифровкой далеко всего из источника не вытянешь. Фотографировать водяные знаки так, чтобы не было текста, умели. У меня есть книга водяных знаков, изданная в Амстердаме несколько десятков лет назад. Но когда я попытался договориться о подобных фотографиях для «Степенной книги царского родословия», оказалось, что сделать это практически невозможно. То есть оцифровка сама по себе ещё не всю информацию вытаскивает из источника. Но тем не менее, слава Богу, делают и это.

И так началась эпопея изучения материалов Каирской генизы, где, повторюсь, были и кодексы, были и отдельные листики, и их фрагменты. После того как пошли первые публикации, которые в научном мире про-

извели сенсацию, учёные многих-многих других университетов, запасшись деньгами как следует, отправились покупать рукописи Каирской генизы. Сейчас в десятках университетов всего мира находится около 250 тысяч фрагментов этих рукописей. И пока известна их малейшая часть. Эти серии, которые начал издавать ещё Соломон Шехтер и продолжают издавать до наших дней, охватили далеко-далеко не всё. Это рукописи разного содержания на разных языках, разной ценности. Но вот, может быть, XXI век с его техническими возможностями всё-таки поможет.

Что же там было в этих 184 ящиках Кембриджа, в которые раскладывали содержимое привезённых из Каира 30 мешков? Причём свидетели умилялись: ящики были самые обычные картонные из-под бытовых товаров, из-под продовольствия. И на них были написаны священные имена библейских книг. То есть в один ящик попадало Бытие. В другой ящик попадал кто-нибудь из малых пророков. И был целый ряд ящиков, которые не имели отношения к Библии, потому что содержание Каирской генизы оказалось существенно шире.

Но сначала — о библейских текстах. Были найдены **библейские тексты IX–X веков**, которые с тех пор стали самыми древними рукописями. Я имею в виду не по времени их написания, как вы понимаете. Вообще, всё время у себя в голове эти две вещи обязательно необходимо отслеживать: это рукопись, а не время создания текста. Время его создания могло быть 25 веков тому назад (точный пример, кстати, из Библеистики). Так вот, наконец, появились рукописи IX–X веков. Теперь можно было уже многое сравнивать, многое смотреть.

Кроме перевода Септуагинты уже много позднее (кажется, во II веке н.э.) появился ещё один греческий перевод — Аквиллы, который был хуже перевода Септуагинты, но в чём-то был проще его. И он пользовался определённой популярностью. Сейчас удалось установить более ранние его списки (да практически их почти и не было) и соотнести с тем, как в греческом мире Библия читалась, смотрелась: по каким спискам, с какими текстами и так далее.

Дальше, были найдены очень интересные, как мы бы сказали, **учебные экземпляры Священного Писания Ветхого Завета** да и некоторых принятых и у нас **молитвенных текстов**. Они состояли вот в чём: на бумаге писалась первая буква каждого слова данной молитвы или данного текста Библии. Представляете? Для ученика — подсказка: вот буква перед тобой — запомни всё слово. Кстати сказать, подобные вещи и сейчас бывают иногда. Да и в Средние века писали не «Господи, помози рабу Твоему Путяте», например, а только первые буквы этих слов. Известны такие примеры. Ну и имя, конечно, целиком.

А дальше впервые так вот явственно вскрылось одно важнейшее явление (мы о нём будем говорить и тогда, когда будем рассказывать о кумранских находках). Задача генизы — хранить священные тексты, т.е. ветхозаветные тексты, говоря нашим языком, молитвенные тексты. Но когда

Фрагмент Книги Бытия из Каирской генизы. X–XI в. Собрание Пенсильванского университета

начали разбирать: а что же там Шехтер нашёл? — то чего только там ни оказалось! Любая культура, в том числе священная сакральная культура, живёт в окружении более общей культуры, взаимодействует с ней. Я с вами уже говорил об этом на прошлой лекции: о мощном влиянии библейских текстов на поэзию, например. В частности, на русскую поэзию.

В Константинополе в VII веке нашей эры, т.е. во время сплава, когда плавилась культура восточная с христианской культурой Византии, жил поэт, который пользовался немалой известностью. Звали его Яннай (существует несколько разных форм, но это наиболее принятая форма его имени). О нём писали разные авторы. О нём знали давно. Не знали (ну, почти не знали) его стихов. Так вот, в Каирской генизе нашлось **800 его стихов**. И они изданы. То есть — вот целый кусок поэтического творчества, который теперь можно изучать, и по нему можно изучать культуру того времени.

Там была и личная переписка, но я не буду об этом подробно рассказывать.

Там неожиданно нашли **поэтические тексты на раннефранцузском языке**. Да не просто поэтические тексты, а то, что называется chansons de gestes. Ну, слово chanson переводить, думаю, не надо. Вроде бы и слово geste тоже переводить не надо — в сегодняшнем русском языке это слово есть. Но тогда оно означало немножечко другое — оно означало «деяния».

То есть это «песни о славных деяниях». Это рыцарская поэзия — самая настоящая рыцарская поэзия в ранней её форме. И те из вас, которые станут филологами, будут изучать специально «Песнь о Роланде» из французских chansons de gestes. Тут была другая, подобная же, «Песнь о Алескане» (или о Алескансе — в другой транскрипции) с рыцарскими клятвами, с верностью прекрасной даме, с верностью сюзерену — весь набор той рыцарской культуры, на которой держалось западноевропейское Средневековье. И кстати сказать, всё вполне понятно — почему вдруг.

Ведь время, когда была сооружена Каирская гениза и в неё начали откладывать документы, — это время огромного арабского завоевания всего Востока (вы видите на карте эти халифаты, окрашенные зелёным цветом). В том числе и большей части Испании. За этим последует знаменитая страница средневековой истории Европы — история реконкисты, т.е. «завоевания назад», возвращения этих земель в руки европейцев из арабских рук. Эмираты и халифаты арабские были знамениты высоким развитием в них культуры, высоким развитием науки и, кстати сказать, своей веротерпимостью. И поэтому нет ничего странного, что из испанских эмиратов, от границ с Францией рыцарская поэзия дошла аж до Каирской генизы.

Кстати сказать, как Соломон Шехтер писал, среди обрывков, которые он видел, есть интереснейшие **трактаты по астрономии**, высоким развитием которой, как вы знаете, арабы отличались. Не изданы. Что за трактаты, мы пока не знаем. Их ещё нужно искать.

Ну и ещё две вещи на сегодня — две вещи, связанные с удивительным историческим охватом культурных явлений, о которых нам рассказывает Каирская гениза. Посмотрите: с одной стороны — французская культура с берега Ла-Манша, испанская культура; с другой стороны (я уж не рассказывал этого) — немало вещей связано с Египтом, что вполне понятно. Но кроме этого, Шехтер открыл и начал издавать очень небольшую по размерам (по количеству, по объёму текста), но важнейшую **переписку между иудаистской общиной в Кордове** (центр Кордовского халифата, где правили тогда просвещённые арабские халифы) **и далёким Хазарским каганатом**. Было известно из других источников, в том числе и из славянских, о том, что здесь, среди тюркского народа хазар (кстати сказать, это не один народ, а конгломерат многих и многих народов), высшая знать придерживается иудейской религии. Ну так вот, в Каирской генизе была открыта переписка между этими центрами.

Сановник кордовского эмира Абдурахмана III по имени Хаздай писал сюда (а мы точно не знаем, что значит «сюда»: есть более поздняя столица Итиль в самом устье Волги, кроме того, город Самендер — другая столица — в районе Дагестана примерно) местному хазарскому правителю, а многие источники, в том числе и восточноевропейские, называли его царём, по имени Иосиф. То есть у него древнеиудейское имя, как и у многих из его знати. Но оказалось, что не у всех, кстати сказать. Тот ответил

ему. И этот ответ тоже в генизе есть. Причём в генизе он есть (и вот это настораживает!) в двух вариантах: как скажут археографы, — в кратком и в пространном. Иосиф рассказывает о своей стране. Но то, что есть два варианта, заставляет думать: а правда ли это письма или это какой-то такой литературный сборник о далёких неведомых землях (это очень любили, я вам один такой покажу на следующей лекции), который приурочен к каким-то именам, к каким-то людям. Поэтому и создавали более пространную и более короткую версии. Почему так, если это просто письмо, сказать трудно. Обе версии спорят, обе версии равноправны. Больше склоняются к тому, что это всё-таки настоящая переписка, из которой потом составляли такой рассказ о занятных землях.

И ещё некий безымянный житель Хазарии писал письмо к этому чиновнику царя Иосифа по имени Хаздай, о котором я говорил. Это уже третье письмо. Вот переписка из трёх писем.

Она дала немало нового по истории того времени, по истории тех мест, хотя очень многое оставалось и загадочным. Но сравнительно недавно (ну, для меня, пожалуй, недавно) — в 1962 году — среди бумаг, которые были привезены тогда же в Кембридж, было обнаружено ещё одно письмо, которое, кстати сказать, немного помогало решить вопрос при анализе вот этой переписки. Учёные интересовались: а всё-таки как, откуда с берегов Каспия и Волги эти послания приходили в Средиземноморье и каким путём? Как думаете, каким путём? Какие были возможные пути? Из Каспийского моря выхода нет. Правильно: была древняя переволока

там, где Волго-Донской канал. А дальше как? Да, естественно: Азовское море, Чёрное море, Средиземное море. Но люди говорили, что недаром про Хазарский каганат знают в Киеве и не просто знают, а воюют с ним: вы помните поход Святослава на хазар в более поздние времена. Да, я забыл сказать вам, что эта переписка первой половины X века. То есть те же времена.

Ну так вот. Письмо, найденное в 1962 году, — это письмо от общины торговцев хазар, которые жили в Киеве (ни мало ни много), и тоже первой половины X века. У нас почти нет источников этого времени, и вдруг один за другим они появляются. Такие вот невероятные находки из Каирской генизы через полвека после того, как оттуда вывезли документы.

Письмо это непростое. Торговцы, естественно, торгуют, естественно, рискуют большими деньгами. Один из хазар, киевских торговцев, задолжал большие деньги. Очень большие деньги. В документе написано: «100 монет». Перевести на нормальную денежную стопу мы не умеем, но... 100 монет. А за него известный, более удачливый купец, его брат Мар Яаков бен Ханукка давал поручительство, когда он брал эти деньги в долг для торговли. И как водится: поручителя — в долговую тюрьму. Он там просидел год. За это время в общине в Киеве собирали деньги на его выкуп. Аж 60 монет собрали. И тогда над поручителем смилостивились и сказали: «Ладно, пускай брат (ну, видимо, сам заёмщик тогда уже, скорее всего, умер) ходит теперь, едет по общинам и собирает недостающее. Мы ему поверим. А вы, община, дайте ему бумагу об этом». И вот бумага об этом имеется в Каирской генизе — о том, что его отправили с такой благородной целью, что всех просят помогать ему найти деньги и вернуть недостающие 40 монет.

Как исследователи считают, он добрался до Каира. Здесь он нашёл деньги, но умер. А деньги отправили туда, куда надо — в Киев. Вот такая житейская история, вот такая история торговых связей Киева и вообще международных торговых связей. Вот ещё одна находка генизы.

И наконец, там был найден ещё один документ, о котором я буду говорить в следующий раз. Потому что нашли его маленький кусочек, а остальное нашли в Кумране. Запомните только название: мы будем в следующий раз говорить с вами о так называемом **Дамасском документе**, который нашёл и начал публиковать тот же Соломон Шехтер. А полная его история выяснилась много позднее — после кумранских находок и после одной совершенно случайной английской публикации почти за полвека до Кумрана, как раз того времени, когда разбирали бумаги в Кембридже, но не обратили на это внимания. Вот что мне хотелось рассказать вам о Каирской генизе.

Лекция 3. КУМРАНСКИЕ РУКОПИСИ

Итак, друзья, третья лекция посвящена тому, что у всех на слуху последние полвека, — **кумранским находкам**, или **рукописям Мёртвого моря**.

Но прежде всего вспомним хронологию. Мы начали с **Синайского кодекса**, который, как вы помните, содержит значительную часть Ветхого Завета и весь Новый Завет — впервые весь Новый Завет — и, кроме того, ещё пару памятников вокруг него. Мы начали с событий, которые стали разворачиваться в 1840-х годах, а закончились в 1860-е. Тишендорф опубликовал тираж Синайского кодекса в 1862 году. Затем мы с вами говорили о **Каирской генизе**, о текстах преимущественно Ветхого Завета, главная честь открытия, спасения и начала публикации которых принадлежала тогда кембриджскому учёному Соломону Шехтеру. Его поездка в Каирскую генизу — это 1896 год, начало обработки полутора сотен тысяч фрагментов — 1898 год. А **кумранские находки** — это 40-е годы XX века.

Но сначала два слова о том, что было между этими периодами в XX веке и после, уже во время кумранских находок. Это, пожалуй, два этапа важнейших находок новозаветных, в первую очередь, и ветхозаветных текстов, которые произошли в начале 1930-х и в 1960-е годы. И связаны они с именами двух очень непохожих людей, каждый из которых тем не менее вписал своё имя в историю Библеистики, в историю науки.

Фредерик Джордж Кеньон
(1863–1952)

Это **Фредерик Джордж Кеньон**, крупнейший английский специалист по Библеистике и не только, директор Британского музея. Иначе говоря, знаток древности весьма широкого профиля. И мало того, это тот самый человек, который сумел договориться с руководителями СССР о продаже именно в его музей Синайского кодекса и сумел организовать всенародную подписку для того, чтобы компенсировать колоссальную сумму, заплаченную за это. Ещё на прошлой лекции мы говорили, что археография священных текстов, библейская, святоотеческая археo-

графия, оказалась довольно быстро делом невероятно затратным, как сегодня сказали бы, что колоссальных денег стоили не только сами археографические экспедиции, посылаемые в те места, и в частности в долину Нила, но и приобретение иногда отрывков, а иногда и целых кодексов, целых рукописей у представителей той наследственной профессии, которая в Египте существует со времён фараонов и которая называется «грабители гробниц».

Так вот, находки, связанные с именем Джорджа Кеньона, это важнейшие для Библеистики тексты, точного адреса которых мы почти не знаем, потому что практически все они были куплены у египетских перекупщиков уже, так сказать, третьего-четвёртого ряда. И в колоссальной степени это произошло благодаря огромным капиталам второго человека, которого я в этой связи называю, — **Альфреда Битти**, который постепенно стал не только крупнейшим коллекционером мира, но и крупнейшим знатоком древности. Кстати, потом он получил от королевы титул лорда за колоссальный научный и в первую очередь материальный вклад в это дело.

В 1930-х годах Альфредом Битти был найден кодекс, неплохо сохранившийся, с древнейшим текстом последнего из Евангелий — Евангелия от Иоанна. Думаю, что сейчас всё-таки возобладала дата — **около 200 года нашей эры**. Напомню, Синайский кодекс — это IV век, гениза — с IX века и пара-тройка следующих веков, а тут вдруг такой «прыжок». То, что пошли такие даты, явилось, пожалуй, главным достижением всего этого этапа, потому что тогда в советских учебниках и даже в научных работах вполне неплохих учёных доказывалось, что Евангелие от Иоанна появилось, по крайней мере, на сто с лишним лет позднее.

Альфред Честер Битти
(1875–1968)

А затем были найдены кодексы, содержащие и Ветхий и Новый Завет, три из них содержали Новый Завет, — всего одиннадцать кодексов. Причём даже порядок расположения книг в них очень интересен. Как он соотносился с каноническим? Сразу скажу, что он был уже достаточно близок ему. И от Нового Завета там были преимущественно Послания апостола Павла в достаточно полном виде, и это опять-таки очень близко к дате Евангелия от

Иоанна. То есть вы видите, что время от писателей Нового Завета до тех списков их трудов, которые мы держим в руках, исчисляется уже не многими-многими столетиями. Главная же критика в XX веке всего этого состояла в том, что всё это было написано куда позднее, гораздо позднее.

В качестве анекдота скажу про теорию Фоменко, который и сегодня доказывает, что Христа нужно относить к 1054 году. Ну, это вообще коммерческое и анекдотическое мероприятие, к науке ни малейшего отношения не имеющее. Вообще доказывали, что вся эта огромная толща времён делается недостоверной, а тут мы получили тексты, которые от их авторов отстоят совсем-совсем немного, что резко увеличивает их достоверность и ценность.

Это хронологический, так сказать, фон, и на нём к 1947 году относится знаменитый рассказ — можно сказать, знаменитая легенда (некоторые уже начали говорить «знаменитый миф») — бедуина, араба, мальчика Мухаммеда эд-Дхиба, который нашёл в Палестине, на западном берегу Мёртвого моря, первые кувшины с первыми рукописями Кумрана. Почему я сказал «может быть, рассказ, может быть, миф»? Потому что через несколько лет дотошные журналисты добрались до мальчика, и он одному французу дал интервью, согласно которому всё было не так, как по официальной версии. Даже есть разночтения, что нашёл он их не в 1947, а в 1945 году. По первой версии, он тут же, поняв значение находки, понёс её знающим людям. По второй версии, когда Мухаммед на арабском рассказывал французу, а тот переводил и потом публиковал, первые свитки Мёртвого моря два года провалялись в его хижине, в пастушьей сумке, и он примерялся, не сделать ли из них себе что-нибудь вроде пояса из хорошего пергамена на хорошей коже, и так далее, и так далее. Но всё это, как вы понимаете, мелкие разночтения. Суть же рассказа состояла в том, что бедуинский пастушок разыскивал потерявшуюся козу и открыл первую из пещер, в которой стояли глиняные кувшины с пергаменными свитками, а рядом валялось множество обрывков этих свитков.

Очень хитрыми путями всё это входило в научный мир. Далеко не сразу о них стало известно, здесь были и французские учёные, и американские бизнесмены, и католические и православные иерархи. Но вскоре близко к первой пещере был обнаружен ещё целый ряд пещер. Всего исследовали 11 пещер, в которых было найдено около 40 тысяч фрагментов. Следующая цифра, которую я вам назову, возникла далеко не сразу и возможно будет меняться, как и эта — 40 тысяч, потому что находки продолжаются. Найденные 40 тысяч фрагментов, как удалось пока определить учёным, принадлежали 600 разным произведениям. И всё это датировалось II веком до н.э., I веком до н.э. и I веком н.э., вплоть до 68 года — года знаменитого события.

Знает ли кто-нибудь из вас о том, что произошло в 68 году в этих краях? Есть знаменитая историческая книга — «Иудейская война» Иосифа Флавия, где это событие описано, и есть много посвящённых ему

Панорама Кумрана

художественных произведений. Почитайте. В 68 году римские войска завоевали Иерусалим, подавив отчаянное сопротивление иудеев. Одним из отрядов повстанцев руководил будущий автор книги священник Иерусалимского храма Иосиф Флавий. Кстати сказать, в его «Иудейской войне» есть страницы и об Иисусе Христе, то есть свидетельство современника. Но, поскольку это никак «не лезло» в атеистические ворота, было объявлено, что это вставили потом, хотя реальных доказательств тому, в частности лингвистических, не заметно.

В 68 году поселение, около которого бедуинский мальчик нашёл первую пещеру, было разрушено. На этом всё, остановка огромного археографически-культурного слоя. До этой находки, как я вам говорил, древнейшие ветхозаветные тексты — это Каирская гениза (конец IX–X век н.э.). А тут II век до н.э. – I век н.э., даже некоторые полагают, что начало III века н.э. Колоссальное значение Кумрана прежде всего в том, что доказана древность найденных текстов. Там огромный материал для целого ряда наук, не только для богословов: для филологов, лингвистов, палеографов, текстологов и так далее.

И вот, когда начала разворачиваться эта сенсация, разворачивалась она по очень странным правилам. Было много очень необычного в этой сенсации. Вспомнили о том, что когда-то, в далёком 1901 году, в одном из научных изданий было опубликовано некое письмо, которое не обратило на себя внимания. А письмо это принадлежало известному историческому лицу, христианскому **Патриарху города Селевкии**, недалеко от Багдада, **Тимофею I**. Датировалось оно примерно 790 годом, как видите, за несколько десятилетий, приблизительно за век, до Каирской генизы. В письме рассказывалась удивительная история о том, что иудейские пастухи

близ Мёртвого моря, пася свои стада, обнаружили какие-то пещеры, а в пещерах медные свитки с текстом Священного Писания и другими текстами, что всё это вызвало огромное волнение в не очень далёком оттуда Иерусалиме, что были колоссальные паломничества туда, что в Иерусалим было привезено немалое число этих находок. Иначе говоря, кумранская история Мухаммеда эд-Дхиба вторая. Во всяком случае, вторая из нам известных. И мало того, она объясняет одну вещь, которую исследователи кумранских рукописей довольно быстро заметили, — удивительно близкие подчас соответствия и идейные, и даже текстологические, и даже кое в чём организационные, уставные, как бы сейчас сказали, между некоторыми документами Каирской генизы и Кумрана. То есть все эти тексты не просто каким-то образом, постепенно переписываясь, много столетий доходили друг до друга, но была ускоренная передача. Причём наиболее ценное, важное, интересное оказалось связано как раз с той сектой, о которой я вам на прошлой лекции упоминал, — с сектой караимов, той иудаистской сектой, которая не признавала официальный иудаизм, которая до сих пор жива, в частности и у нас на юге, в Крыму и на Северном Кавказе. Но к этому мы ещё вернёмся, если останется время.

Перед вами — общая панорама Кумрана.

А это тот самый древний город Хирбет-Кумран, раскопанный археологами, с которым связывают все те тексты, которые были найдены в его окрестных пещерах. Кстати сказать, это был достаточно благоустроенный город с хорошим водопроводом, с огромной цистерной, где накапливалась вода, со своей системой водораспределения и даже со своей системой канализации, с удобными жилыми домами. Рядом с Кумраном — ещё два поселения.

Хирбет-Кумран

Кумранские пещеры

Перед вами — пещеры, подобные тем (не обязательно те самые), в которых хранились ценнейшие находки. Таких пещер в окрестных горах Кумрана немало. И повторюсь, не все они ещё обследованы. Хотя вокруг всего этого дела бум, конечно, поднялся колоссальный.

А вот вид внутри одной из таких пещер. Она расчищена от огромного векового мусора. И это то ли кувшины, ещё не до конца расчищенные, в которых тоже, возможно, хранятся рукописи, то ли что-то другое — учёные ещё не знают...

Внутренний вид кумранской пещеры

Кувшины и свитки из кумранских пещер

В этих кувшинах хранились рукописи, в том числе и те, которые Мухаммед нашёл. Рядом — пергаменные свитки оттуда же.

Вот так учёные восстанавливают по фрагментам тексты Кумрана. Это ещё достаточно хорошо сохранившиеся.

Работа с кумранскими рукописями

А теперь относительно некоторых удивительных вещей распространения всей этой сенсации.

Уже после первых находок заметили, что там есть литература, скажем так, которая принадлежала не официальному иудаизму, а одной из сект. Я вам называл секту караимскую. По Библии известна секта **ессеев**, или **эссенов**. Возникла теория, кстати сказать, она и сегодня является, в общем-то, основной, что эти книги принадлежали этой секте. Кумраниты — это эссены, или ессеи в Библии. Но я вам уже говорил, что рядом была и литература караимская — другой секты (может статься, и не её одной).

Нужно сказать, в Кумране и особенно в соседних «находках», в частности в Египте, кроме свитков стали находить и кодексы. Я вам ранее рассказывал, что такое кодексы. Считалось, что кодексы относятся к довольно позднему времени, IV веку, не раньше, а тут обнаружили кодексы I века до н.э. Но они были не на дорогом пергамене, а на дешёвом папирусе. Это было Священное Писание для бедных, но полный текст.

По мере нахождения всё новых и новых фрагментов, они, как водится, тут же разлетались по всему миру. Есть несколько крупных хранилищ, где находятся кумранские рукописи, но единого целого нет. Работа по тому, чтобы хотя бы в оцифрованном виде собрать всё вместе, только-только начинается. И мало того, с 1947 года вплоть до 1991 года о кумранских рукописях очень много писали и почти не публиковали самих текстов. Такая невероятная в науке ситуация всегда вызывает нехорошие перекосы. Так, на глазах ваших отцов запрет публиковать многие-многие документы советского времени привёл к безумным перекосам в истории этого периода. Писали о нём много, чрезвычайно много, а тексты начали публиковать только сейчас, и всё оказалось совсем не так. Тут же была иная картина, но всё равно некоторые искажения произошли, так сказать, вполне понятные, отнюдь не по злой воле. Просто какой-то фрагмент одним из первых поддался расшифровке, и на нём стали строить теории. А когда пошли тысячи других фрагментов, теории пришлось ограничивать.

Вот одна из таких теорий, с которой далеко не сразу, по-моему, десятка через два с лишним лет после начала работы над кумранскими рукописями, пришлось постепенно расстаться под влиянием нескольких честных французских учёных. Речь идёт о **ветхозаветных текстах Кумрана**, написанных на древнееврейском языке (есть и на других языках, но в основном на древнееврейском). Как я вам уже говорил на первой лекции, сегодняшняя христианская культура знает в качестве канонических текстов, текстов христианских Церквей, два основных варианта: Септуагинта — перевод семидесяти толковников на древнегреческий язык, который был сделан около 270 года до н.э. в Александрии, крупнейшем центре диаспоры еврейского народа, — и Вульгата — перевод древнееврейского на латинский, сделанный святым Иеронимом в 382–405 годах н.э. Различия между ними весьма невелики. Есть различия в составе книг кодекса (о том, какие книги вошли, какие нет, я вам тоже уже рассказывал).

А когда смотришь саму текстологию, разница невелика, но перевод есть перевод, тем более переводы на разные языки.

Так вот, когда начали сравнивать ветхозаветные тексты Кумрана на древнееврейском языке с каноническими текстами, то обнаружили, что они ближе к тем книгам, с которых святой Иероним делал перевод, то есть они ближе к Вульгате, чем к Септуагинте. Получалось, что из двух линий всё-таки древнейшей была та, которую отразили книги, что держал в своих руках святой Иероним. Но потом картина изменилась на противоположную. Чем больше текстов учёные стали реконструировать, тем больше оказывалось тех, что ближе к греческому тексту, чем к латинскому в своём древнееврейском варианте. И пока на сегодня (хотя далеко не всё ещё изучено и нет никакой статистики) говорят, что оба варианта, даже не редакции, существовали издревле. Вот это то, что сегодня говорит наука, в отличие от легенды о том, что первоначальной была всё-таки версия Вульгаты, а легенда эта как самая первая пущенная и сегодня во многих трудах, особенно популярных, присутствует. Кстати сказать, это свойство всех таких легенд.

Вторая вещь. Очень твёрдо сразу же было объявлено: в Кумране найдена библиотека секты эссенов, или ессеев. Это их книжное собрание, это их библиотека, это их литература. То же, как правило, говорят и сейчас, но вот тут уже кое-какая статистика есть. И оказалось, что тексты секты ессеев-кумранитов составляют 33%, абсолютно канонических библейских — 29%, а 11% пока не удалось определить. Вот такая статистика. И постепенно всё больше и больше литературы находится вокруг них — литературы, которая является не литературой ессеев, не канонической литературой Ветхого Завета, а чем-то иным. И вот тут придётся мне буквально в двух словах коснуться очень важной темы, иначе не обойтись.

В народах, в основе цивилизации которых лежит или Ветхий Завет, или Ветхий и Новый Завет, с этими священными текстами чрезвычайно тесные, но и чрезвычайно сложные связи. В Священном Писании очень много недосказанного. В Евангелии ничего нет о детстве Иисуса Христа и почти ничего нет о Богородице. Многие писатели или художники, отталкиваясь от образов, очень ярких образов Священного Писания, начинали творить своё. Они создавали тексты, которые вроде бы базировались на Священном Писании, но отходили от него всё дальше и дальше. Та работа по определению кодекса, о которой я говорил на первой лекции, во многом и состояла в том, чтобы определить, как далеко отошли. Есть ли там действительно неискажённая первооснова или уже нет, есть ли там свидетельства о событиях времени жизни Христа, которые можно считать бесспорными, или это уже позднейшие домыслы. Мало того, позднее создаётся художественная литература. Назову лишь два произведения, вполне закономерных, никоим образом не еретических, великих, но находящихся, повторюсь, в непростых отношениях со Священным Писанием: «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гёте. Это произведения, про-

никнутые во многом Священным Писанием, но это никоим образом не тексты Священного Писания.

Мало того, людям всегда очень хотелось знать, как устроен мир. Но Библия — не книга по астрономии. Это важнейшее положение, забвение которого часто приводило к большим трагедиям. Да Библия и не могла людям того времени объяснить сегодняшнюю теорию «чёрных дыр», «струн», «реликтового излучения», «расширяющейся вселенной» и так далее, и так далее. Хотя недавно я читал одного англоязычного учёного, который доказывает, что из всех наук Библия ближе всего к астрономии, ибо и сегодняшняя астрономия, и Библия признают начало мира, признают «большой взрыв» или творение, что в общем-то развести чрезвычайно трудно. Но, повторюсь, Библия — не книга по астрономии. На основании Библии разные деятели и Церкви, и науки доказывали и геоцентрическую систему, и гелиоцентрическую. И создаётся огромное количество разных и трудов, и легенд, где что-то взято от Ветхого Завета, что-то от астрономических наблюдений, что-то от собственного разума. Литература эта колоссальная. И связи с Ветхим Заветом здесь бывают весьма причудливые. Кстати сказать, единственное астрономическое положение Библии о начале мира очень жёстко опровергал В. И. Ленин в своём труде «Материализм и эмпириокритицизм» и страстно доказывал, воюя с современными физиками, которые сегодня считаются столпами науки, и с современными философами, что любое заявление о том, что мир имеет начало, равнозначно «признанию Боженьки», как он говорил. Но теперь «Материализм и эмпириокритицизм» работает против него. Вот такие кульбиты в истории иногда происходят.

И наконец, существовала ещё одна очень интересная сфера — **рассказы о далёких землях**. Среди них много утопических легенд о далёких землях, где прекрасное политическое устройство, где все богаты, живут в мире и прочее. В некоторых из легенд утопическая страна помещается в Индии. Например, в VI веке (вспомните, Синайский кодекс — это IV век) был создан большой труд под названием **«Христианская топография»**. Написал его сирийский монах Косьма по прозванию Индикопло́в. (Да, он плавал в Индию, «плов» здесь от «плавание», а не от кушанья.) Труд Косьмы Индикоплова стал невероятно популярен. Известны сотни его списков на основных европейских и не только европейских языках. Начинал свой труд Косьма с прямых цитат, а чаще пересказа нескольких книг Ветхого Завета, при этом он богато иллюстрировал тексты. В Ветхом Завете немало говорится об иудейских святынях, в частности о главной из них — скинии Завета. Подробное описание скинии вы найдёте и в труде Косьмы Индикоплова с очень яркими красочными рисунками. И так далее, и так далее. А затем в своей «Христианской топографии» он занялся космогонией (чем-то вроде астрономии) и описанием своих путешествий.

«Христианская топография» в рукописи начала XIX века, которую мы приобрели на Алтае, удивительно точно копирует недавно изданные древ-

ние рукописи, посвящённые одной из легенд, или притч, как хотите, Ветхого Завета о том, как разделились языки, почему люди говорят на разных языках. Кстати сказать, какое-то пра-ощущение единства индоевропейского языка в этой легенде учёные увидели. Сама же легенда, как вы знаете, гласит о том, что, возгордившись, вавилоняне решили построить столп, чтобы достать до самих небес, и когда столп стал уже очень-очень высоким, Господь за их гордыню столп этот разрушил и смешал их языки, чтобы они перестали понимать друг друга.

Строительство Вавилонской башни. Миниатюра рукописи «Христианская топография» Косьмы Индикоплова. Список начала XIX в.

И в Новом Завете как бы противоположным, зеркальным моментом этому является Пентеко́стия — Пятидесятница, когда Святой Дух дал апостолам чудо говорения на иноязыках, как один из моих собеседников однажды это называл.

Это притча, легенда, сказание, а вы знаете, что Священное Писание имеет не только буквальное толкование, но и притчевое. В труде же Косьмы всё изображено очень и очень реалистически. На верблюде подвозят какие-то грузы, строители усердно работают, кто-то поднимает наверх тяжести — древние уже знали блоки, шкивы, систему для подъёма наверх и так далее, — кто-то работает молотком, а кто-то наверху стоит и смотрит, далеко ли там небо со звёздами или нет. Таков Косьма Индикоплов.

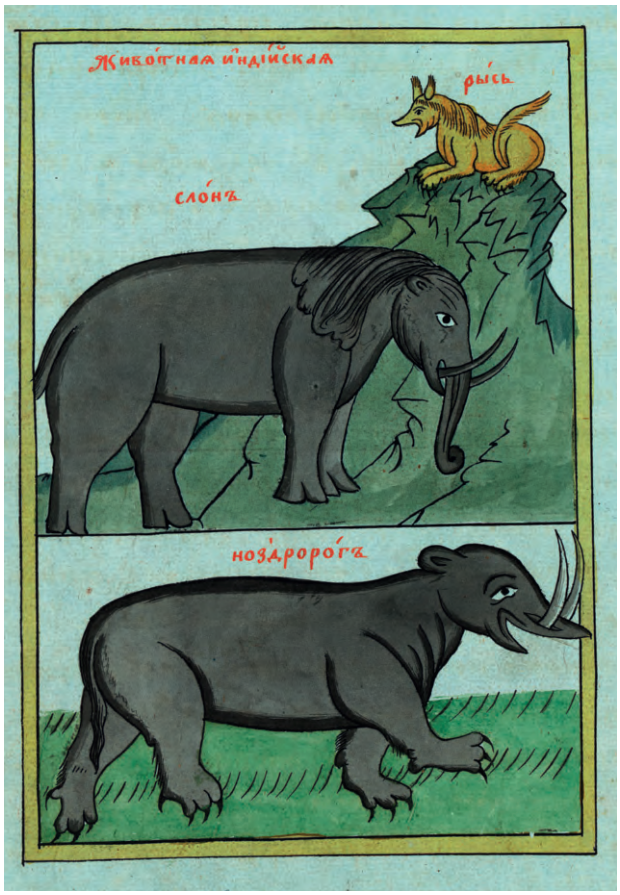
В центре вселенной у него — земля, далее — семь небесных сфер, которые вращаются ангелами, а вокруг — знаки зодиака. Ко времени Косьмы Индикоплова астрономия знала, что солнце в своём движении проходит через эти созвездия. И этот этап развития человеческой астрономии в рукописи виден.

Сферы. Миниатюра рукописи «Христианская топография». Список начала XIX в.

Венеция. Миниатюра рукописи «Христианская топография». Список начала XIX в.

А дальше ещё интереснее. Косьма был путешественником великим, и ездил он не только в Индию. Есть у него, например, изображение знаменитого торгового города Венеции, который, оказывается, расположен на острове, а вокруг него — море, и в море — рыбы, а рядом — таинственные животные, о которых упоминают многие средневековые рукописи.

Ну, а дальше в «Христианской топографии» самое яркое — сказочный мир животных и растений Индии.


Живо́тная и́ндійская
рысь
сло́нъ
ноздоро́гъ

поземцы
а́на́гръ
телесло́нъ

Е́диноро́жецъ
водный конь

Непресло́наже ви́дѣ
хъ и́ны́хъ ;

Животная индийская: слон, рысь, ноздророг, анагр, телчеслон, единорожец, водный конь, вепреслон, дивий вол. Миниатюры рукописи «Христианская топография». Список начала XIX в.

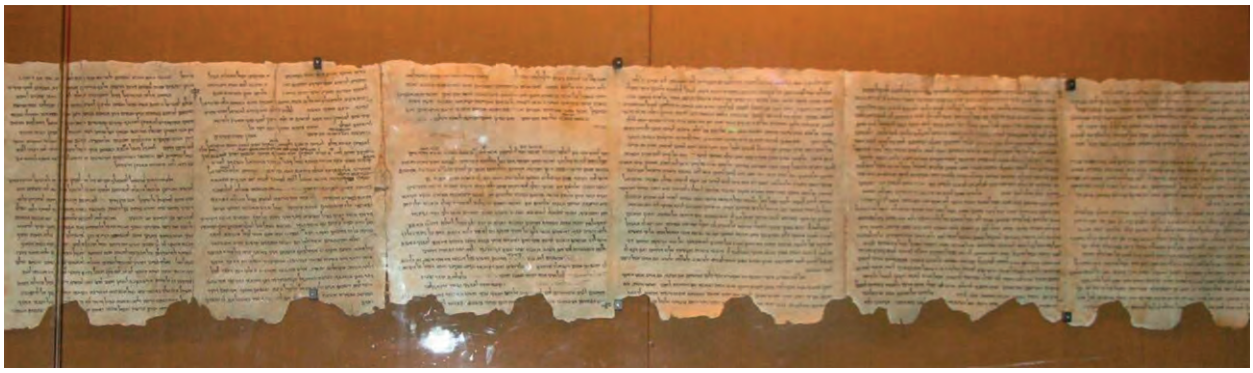
Это целый жанр средневековой литературы — описание дальних путешествий, как правило, с огромным количеством невероятно придуманных вещей. Даже в гораздо более позднем, XIII века, путешествии знаменитого Марко Поло и то немало фантастически придуманного.

А теперь — о самих **рукописях, найденных в Кумране**.

Первая, которая стала широко известна в науке, — это ветхозаветная **Книга пророка Аввакума** (Хаваккук), но не просто ветхозаветный текст, а текст с комментариями, которые принадлежат то ли ессеям, то ли какой-то другой секте, трудно сказать. Подобных комментариев и самостоятельных сочинений, вроде бы опирающихся на Библию, но очень широко развивающихся, в Кумране много, и почти все они проникнуты ожиданием близкой войны, близкой трагедии, близкого конца света.

Пророчества о трагедиях, которые ждут земной род, есть и в Ветхом и в Новом Завете. В Новом Завете это Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис, — самый таинственный из всех текстов Нового Завета, прикровенно написанный. Святой Дух, открывавший Иоанну эти тайны, затворил его уста, и ученик его Прохор писал весьма и весьма прикровенно. Толкованием того, какое именно событие завтрашнего дня названо в Апокалипсисе, занимаются поколения людей, и занимаются безуспешно. В Писании сказано, что о дне же том и часе никто не знает, даже ангелы небесные. Рассуждения не просто о конечных судьбах света, его конце, а вообще о том, что будет после Страшного суда и так далее, называют эсхатологическими сочинениями. Так вот, Кумран «набит» апокалиптикой и эсхатологией. Таких сочинений огромное количество. Кстати, из ветхозаветных текстов очень популярен текст того пророка, которого называли автором ветхозаветного Апокалипсиса, — **пророка Даниила**, которого очень любят вспоминать на пороге великих потрясений.

Фрагмент рукописи Книги пророка Аввакума с комментариями, найденный в Кумране



Один из свитков Мёртвого моря

Неизвестно, порог каких потрясений описывается в текстах Кумрана, потому что, с одной стороны, когда рассказывается о неприятеле, вроде бы проступают явные реалии римского войска, даже описываются значки как у римского войска, но, с другой стороны, рукопись датируется, и, согласно радиоуглеродному методу, она создана гораздо раньше падения Иерусалима. В том и загадка. О чём же идёт в ней речь? Некоторые думают, что это провозвестие восстания 88 года до нашей эры, так называемого «восстания фарисеев».

Ещё один текст — **устав кумранской общины ессеев**: обязанности членов общины, приём новых членов, их испытание, наказание и так далее, и так далее. Пытались сближать этот устав с жизнью ранних христианских общин. Ничего не получилось. Есть некоторые общие черты, но многих других нет и в помине. Кумранская община — это община производителей, у которых абсолютно общее хозяйство и главное — общее производство, частного хозяйства, частного производства ни у кого не было.

Рядом с этим уставом стоит ещё один документ (я называл его вам на прошлой лекции). Среди самых ярких находок в Каирской генизе, замеченный самим Соломоном Шехтером, был так называемый **Дамасский документ** — устав какой-то общины, которая ушла из Иерусалима в Сирию, в Дамаск. Части текста этого устава, найденные в Каирской генизе, относятся к X–XI векам, а части, найденные в кумранских пещерах, относятся к I веку до н.э. — I веку н.э. И к тому же учёные видят преемственную связь автора Дамасского документа с караимами. Но споры ещё идут. Это из недоказанных ещё истин, это явно ещё загадка, потому что другие учёные отождествляют эту ещё одну секту, которую мы видим в Кумране, с известными по Библии садуккеями, или садаккеями. Одним словом, загадка на загадке, а главное — мир становится всё шире. Это уже не просто кумранская община. Есть и одно, и другое, и третье.

Из знаменитых документов ессеев, найденных в Кумране, — **«Война сынов света против сынов тьмы»**. Это свиток длиной 290 см, шириной 16 см. Ему нет аналогии ни в иудаизме, ни в христианстве, нигде. В нём подробно описывается космическая борьба «сынов тьмы» и «сынов света». Эта борьба уже идёт, и её апогей — в будущем, но рядом с этим даются при-

казания, как «сынам света» организовываться против «сынов тьмы», как проводить военные занятия. Значительная часть текстов посвящена практике военного дела: на какие подразделения разбиваться, даже с описаниями боевых знамён, значков и так далее, и так далее. Такая вот необычная вещь. Опять же, к чему она, неясно. Датировка — II век до н.э.

В Кумране обнаружены также очень интересные тексты из **книги Бытия**, в том числе с толкованиями, которые уточняют многое в топографии Палестины. Кое-что не очень ясное из того, какие географические места Ветхий Завет имеет в виду, теперь становится всё более и более ясным.

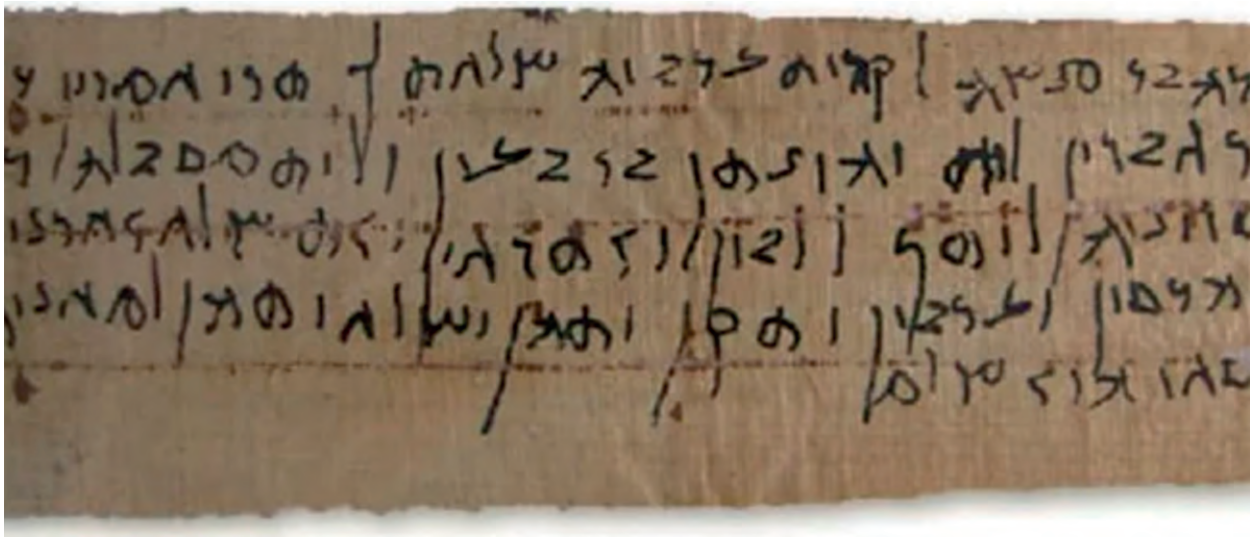
Ну и, наконец, поразительные тексты. У входа в пещеру № 2 были на не очень большой глубине найдены два медных цилиндра, два свитка, завёрнутых подобно тому, как были завёрнуты те, о которых писал Патриарх Тимофей. Их разрезали, развернули особой техникой, изучили и тут обнаружились поразительные тексты. Цитирую: «В крепости Хореббах, которая в долине Ахор, сорок локтей под ступенями, ведущими к востоку, зарыт сундук с деньгами, его содержимое семнадцать талантов весом. В надгробии, в третьем ряду каменной кладки легковесные слитки золота. В большой цистерне, которая во дворе Перисталя, в облицовке её дна сокрыты в углублении против верхнего отверстия девятьсот талантов. В цистерне, которая под крепостной стеной с восточной стороны в выемке, выдолбленной в скале, шестьсот слитков серебра» и так далее, и так далее.

Когда посчитали, оказалась фантастическая, колоссальная сумма: сотни талантов, тонны золота. Некоторые учёные считают, что в торговом обороте всего тогдашнего мира не было такого количества золота. И вот что это такое?

Как вы понимаете, только это опубликовали, толпы кинулись искать сокровища. Хотя кое-где есть довольно точные ориентиры, можно привязать к сегодняшней географии, но ничего, конечно, не нашли. Что это такое, до сих пор остаётся загадкой. Родилась теория, что это даже не чья-то злая шутка, а некий вид фольклора, некая сказочка, повесть о сказочных богатствах.

Ну и наконец, в Кумране, как и в Каирской генизе, были обнаружены **частные письма**. Среди них есть цикл, относящийся к знаменитому восстанию еврейского народа против римских оккупантов 132–135 годов н.э. — **восстанию Бар-Кохбы**. Личность легендарная, он был предводителем повстанцев. Здесь найден архив его писем.

Письма очень разного содержания. Кто-то из его начальников извиняется, что по каким-то соображениям не смог вовремя прибыть к месту сражения. В одном из своих писем Бар-Кохба отдаёт распоряжение в ответ на жалобу какого-то крестьянина, у которого конфисковали корову, заплатить из средств войска за эту корову и прочее. Подлинность писем не подлежит сомнению, потому что известны монеты, которые он чеканил, и его титул точно такой же, как на его письмах.



Фрагменты одного из писем Бар-Кохбы, найденные в Кумране

Вот, это лишь кое-что о Кумране. На самом деле рассказать можно гораздо больше.

В качестве итога следует отметить, что Кумран — это не просто библиотека ессеев, это гораздо более широкое явление. Как и сам город Хирбет-Кумран — это не просто столица общины, это светский город, в котором уживались разные общины.

Все его тексты говорят о высоком напряжении духа в период между Заветами, как его называют библиологи, — период между Ветхим и Новым Заветом, когда людей волновали те же вопросы: вопросы о приходе избавителя человечества, Мессии, вопрос «равновелик ли на земле сатана и Господь?», немало и о борьбе «сынов света» и «сынов тьмы» и так далее, и так далее. Связать этот мир с миром христианства не получается. Это та среда, из которой выросло христианство, та среда, где проповедовал Христос, но прямые связки найти трудно. Думают, например, что Иоанн Предтеча, может быть, учился в библиотеках Кумрана, но об этом очень хочется думать учёным, доказательств же в общем-то нет. Так Кумран оказался гораздо более многоплановым явлением, чем думали поначалу. И я уверен, что он даст нам ещё очень много неожиданного.

Разрешите на этом закончить.

Лекция Н. Н. Покровского о Синайском кодексе. Апрель 2007 г.

ШАГ К ИСТОКАМ
Послесловие

Сообщая о выходе в свет двухтомного научного издания «Степенной книги царского родословия», академик Николай Николаевич Покровский в журнале Сибирского отделения Российской Академии наук «Наука из первых рук» (№ 2 за 2009 год) написал:

«Научное издание монументального произведения, созданного на закате русского средневековья и повлиявшего на позднейшие исторические концепции, вплоть до трудов Н. М. Карамзина, **имеет важное значение для всех, кто стремится познать подлинную историю Отечества»**.

Педагоги и выпускники Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского хранят сердечную благодарность Николаю Николаевичу за лекции, прочитанные им в гимназии. Его любовь к Родине, потрясающее знание источников и глубочайшее проникновение в проблематику русской историографии — пример высочайшего служения отечественной и мировой науке.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ

№1 2005 г. «Псалтирь в русской литературе и педагогике»

ОТ РЕДАКЦИИ.....3

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ.....5

Литература

М.А.Русанова. ПСАЛТИРЬ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 7

Священник Димитрий Долгушин. «КНИГА КНИГ» 21

История

А.Б.Пивоваров. ПСАЛТИРЬ КАК УЧЕБНАЯ КНИГА: ПЕРВЫЙ РУССКИЙ УЧЕБНИК 27

А.Б.Пивоваров. У ИСТОКОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: УРОКИ ПСАЛТИРИ 33

Русский язык

О.Г.Щеглова. БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере фразеологизмов Псалтири).....40

Мировая художественная культура

Ф.Ф.Ахмадиева. О ПЕРЕВОДАХ ПСАЛТИРИ 44

Псалтирь в русской истории и культуре

О.А.Павлова. О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ ПСАЛТИРИ СВЯЩЕННИКОМ ГАВРИИЛОМ ПАКАТСКИМ 58

Протоиерей Борис Пивоваров. ОСОБЫЙ ПСАЛОМ 71

Работы учащихся

Елена Москаленская. НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПСАЛТИРИ (историко-этимологический аспект) 79

Анастасия Рогова. ПСАЛМЫ В МИНИАТЮРАХ 84

№2 2005 г. «Дни Победы в Российском календаре»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ.....3

Протоиерей Борис Пивоваров. ПАМЯТЬ О ДНЯХ ПОБЕДЫ РОССИИ И СВЯТЫНИ РОДНОЙ ЗЕМЛИ 4

Г.П.Волкова. ДНИ ПОБЕДЫ В РОССИЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ.....12

Е.В.Комлева. КУЛИКОВСКАЯ БИТВА (к 625-летию) 26

Священник Димитрий Долгушин. 4 НОЯБРЯ – ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА: НОВЫЙ ПРАЗДНИК В РОССИЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ 44

М.А.Русанова. СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ (сценарий литературной постановки) 60

А.Б.Пивоваров. ХРАМЫ-ПАМЯТНИКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ 74

А.Б.Пивоваров. ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ (урок-лекция) 88

Священник Димитрий Долгушин. «ОДА» СВЯЩЕННИКА ГАВРИИЛА ПАКАТСКОГО – ПАМЯТНИК ЭПОХИ 1812 ГОДА.....104

Священник Гавриил Пакатский. ОДА (вступление к Священной поэме по случаю окончания войны с Наполеоном) 107

№1 2006 г. (№3) «100 лет со дня рождения Д.С.Лихачева»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫПУСКУ 3

Д.С.Лихачев
Из «ПИСЕМ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ».....4

АКАДЕМИК ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ. КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 18

Л.Г.Панин
Д.С.ЛИХАЧЕВ ОБ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ РОЛИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА 22

А.Б.Пивоваров
КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ Д.С.ЛИХАЧЕВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ 24

З.А.Гребнева
ПУТЯМИ ДОБРОТЫ ИЛИ Д.С.ЛИХАЧЕВ В МОЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ. Эссе 38

М.А.Русанова
Д.С.ЛИХАЧЕВ О ЛИТЕРАТУРЕ. Эссе 43

Т.Г.Гомаюн, Н.М.Дьякова
«СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО» КАК ЦЕЛЬ ЖИЗНИ. Урок литературы.....54

С.М.Цыплакова
ЗВУКИ ДЕТСТВА Д.С.ЛИХАЧЕВА. Урок музыки.....61

М.А.Русанова
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ УРОКОВ ЛИТЕРАТУРЫ ПО КНИГЕ Д.С.ЛИХАЧЕВА «ЗЕМЛЯ РОДНАЯ» 66

Протоиерей Борис Пивоваров
ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА 84

О.А.Павлова
ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Д.С.ЛИХАЧЕВА. Аннотированный справочник 120

№1 2007 г. (№4) «А.С.Пушкин и русская словесность»

ПАМЯТИ ПУШКИНА. Вступительная статья 3

Русский язык

К.А.Тимофеев. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С.ПУШКИНА «ПРОРОК» 5

Словесность

Л.Г.Панин. ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК». Урок для 5–6 кл. 17

ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЯ «ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ». Методическая разработка урока .22

Литература

Протоиерей Борис Пивоваров. А.С.ПУШКИН О ПРОПОВЕДИ ЕВАНГЕЛИЯ 31

Священник Димитрий Долгушин, диакон Димитрий Цыплаков. ПАСХАЛЬНАЯ ТЕМА В ПОСЛЕДНЕМ ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ А.С.ПУШКИНА 35

Ф.Ф.Ахмадиева. «СЛЫШУ УМОЛКНУВШИЙ ЗВУК БОЖЕСТВЕННОЙ ЭЛЛИНСКОЙ РЕЧИ...» 53

М.А.Русанова. МОТИВ ПОКАЯНИЯ: «ГАМЛЕТ» В.ШЕКСПИРА И «БОРИС ГОДУНОВ» А.С.ПУШКИНА. Размышления учителя словесности 63

Л.А.Юганова. «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» А.С.ПУШКИНА. Методическая разработка 79

А.Б.Пивоваров, И.А.Попова. «ПОЭЗИЯ, КАК АНГЕЛ–УТЕШИТЕЛЬ, МЕНЯ СПАСЛА...» Литературная композиция 88

Природоведение

Священник Андрей Баженов. А.С.ПУШКИН О ПРИРОДЕ 94

№2 2007 г. (№5) «950 лет Остромирову Евангелию»

Протоиерей Борис Пивоваров. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ (урок из учебного пособия «Православная культура России») 3

Л.Г.Панин. ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛИЮ — 950 ЛЕТ 10

Н.Н.Розов. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ – СТАРЕЙШИЙ ПАМЯТНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ 20

С.М.Ермоленко. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ КАК ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ: Из истории рукописных почерков, миниатюры, технические аспекты создания рукописи 27

А.Б.Пивоваров. ЕВАНГЕЛИЕ В ЖИЗНИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧЕЛОВЕКА 45

Протоиерей Борис Пивоваров. ЕВАНГЕЛИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.....51

№1 2008 г. (№6) «Правда жизни»

ОТ РЕДАКЦИИ. Об изучении творческого наследия А.И. Солженицына в школе 3

Материалы к урокам

УЧИТЕЛЬ–ВОИН–ПИСАТЕЛЬ. Три урока памяти А.И. Солженицына 9

«КРОХОТКИ» *Урок литературы для учащихся 5 класса* 24

НЕОБЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. *Урок русского языка для учащихся 6–7 классов* 31

ПОВЕСТЬ СКОРБНЫХ ЛЕТ. *Материал к уроку истории и литературы для учащихся 8–9 классов* 38

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ. *Материал к уроку обществознания для учащихся 10–11 классов* 43

Материалы для учителя

О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА 48

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ 58

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГУМАНИЗМА 66

ВЫСОКОЕ МИРОЧУВСТВИЕ ПИСАТЕЛЯ 77

Хрестоматия 89

Приложения

Краткая хронология жизни и творчества А.И. Солженицына 126

Состав Собрания сочинений А.И. Солженицына в 30 томах 137

Содержание Тома 1 «Рассказы и Крохотки» Собрания сочинений А.И. Солженицына в 30 томах 138

№1-2 2009 г. (№7-8) «Будьте не мёртвые, а живые души»

ОТ РЕДАКЦИИ 3

ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА по случаю 200-летия со дня рождения Н.В.Гоголя 6

Страницы духовной биографии Н.В.Гоголя

В.А.Воропаев. ПОД ЗАЩИТОЙ УГОДНИКА БОЖИЯ 9

В.А.Воропаев. ИЗ ОТРОЧЕСКИХ ЛЕТ ГОГОЛЯ 16

В.А.Воропаев. «НУЖНО ПРОЕЗДИТЬСЯ ПО РОССИИ...» 20

В.А.Воропаев. ИНОК В МИРУ 31

В.А.Воропаев. ЖИВОЙ ИСТОЧНИК РОДНОГО СЛОВА 35

В.А.Воропаев. «ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ...» 39

Материалы к урокам истории

И.А.Виноградов. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГОГОЛЯ И ЗАМЫСЕЛ ПОЭМЫ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» 48

Материалы к урокам литературы

В.А.Воропаев. НАД ЧЕМ СМЕЯЛСЯ ГОГОЛЬ (О ДУХОВНОМ СМЫСЛЕ КОМЕДИИ «РЕВИЗОР») 68

И.А.Виноградов. УЗЫ НЕБЕСНОГО БРАТСТВА 82

Священник Димитрий Долгушин. ТЕМА СПАСЕНИЯ ОТ ЗЛА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В.ГОГОЛЯ 85

А.Б.Пивоваров. МОТИВ «ПРИОБРЕТЕНИЯ ОДЕЖДЫ» В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ И ПОВЕСТИ Н.В.ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» 99

П.Проскурина-Янович. БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ Н.В.ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» 109

Малоизвестные тексты Гоголя

Протоиерей Борис Пивоваров. «РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ» Н.В.ГОГОЛЯ 119

Священник Димитрий Долгушин. ДУХОВНАЯ ПРОЗА Н.В.ГОГОЛЯ 128

Священник Димитрий Долгушин. «НУЖНО ВСПОМНИТЬ ЧЕЛОВЕКУ, ЧТО ОН ВЫСОКИЙ ГРАЖДАНИН ВЫСОКОГО НЕБЕСНОГО ГРАЖДАНСТВА»: Письмо Н.В.Гоголя В.Г.Белинскому 154

Учебно-методические разработки

Н.Ю.Андрейко, Л.М.Елисеева. Методическая разработка к урокам по повести Н.В.Гоголя «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» для учащихся 6–7 классов 175

ИГРА-ВИКТОРИНА ПО ТВОРЧЕСТВУ Н.В.ГОГОЛЯ (обобщающий урок) 185

№1 2010 г. (№9)
«Православная культура России в школе»

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ 3

Протоиерей Борис Пивоваров. «КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ» И «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» 4

ПРЕПОДАВАНИЕ «ОСНОВ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ (ПРЕДМЕТНОЙ) ОБЛАСТИ «ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» 13

К.Д.Ушинский. НРАВСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ КАК ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ВОСПИТАНИЯ.....22

НРАВСТВЕННЫЕ ЗАПОВЕДИ. В помощь учителю.....27

Священник Димитрий Долгушин. ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ КАК ВОСПИТАТЕЛЬ 29

Протоиерей Борис Пивоваров. ЧТО ТАКОЕ ДОБРОДЕТЕЛЬ?.....35

А.Б.Пивоваров. «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ». О методике преподавания 41

А.Б.Пивоваров. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ УЧЕБНИК. Урок по основам православной культуры 51

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. Для семейного чтения.....57

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ» для 4–5 классов 62

№1 2011 г. (№10)
«2012 год — Год Российской истории»

ОТ РЕДАКЦИИ 3

История

Священник Димитрий Долгушин. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКОЙ ИСТОРИИ И ПОЭЗИИ 5

Ю. А. Фабрика. СИБИРЯКИ НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ 28

Протоиерей Борис Пивоваров. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА 40

Уроки

А. В. Малыгин. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ПОБЕДА РОССИИ В ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ 48

Протоиерей Борис Пивоваров. КАК НАПОЛЕОН ГОТОВИЛСЯ ЗАВОЕВАТЬ РОССИЮ И КАК БЕЖАЛ ОТ РУССКИХ ГРАНИЦ 59

В помощь учителю

Протоиерей Борис Пивоваров. «ДВУНАДЕСЯТЬ» ИЛИ «ДВАДЕСЯТЬ»? 74

100-летие Отечественной войны 1812 г.

О. А. Павлова, Н. Е. Тропина. НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ПРАЗДНОВАНИЯ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В РОССИИ 77

«ЮБИЛЕЙНЫЙ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ЭКСКУРСИОННЫЙ МАРШРУТ НА БОРОДИНО» 91

«СПУТНИК ЭКСКУРСАНТА № 1. БОРОДИНО» 96

Православная культура России

А. Б. Пивоваров. ХРАМ-ПАМЯТНИК ПОБЕДЫ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА 116

Н. Е. Тропина. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКОЙ МУЗЫКЕ 121

Приложения

ВОЗЗВАНИЯ, ПОСЛАНИЯ, МАНИФЕСТЫ 138

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 156

№1 2012 г. (№11)
«Священные страницы родной истории»

ОТ РЕДАКЦИИ 3

Священник Димитрий Долгушин
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ГОДА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ.....5

Протоиерей Борис Пивоваров
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ 14

2012 год — год 1150-летия Российской государственности

А.Б.Пивоваров
РОССИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ: ВЗГЛЯД ИЗ 1862 ГОДА.....23

2012 год — год 400-летия преодоления Смуты на Руси

Е.В.Комлева
ОСАДА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ В ПЕРИОД СМУТЫ. Разработка урока 47

А.В.Малыгин
К 400-ЛЕТИЮ ПРЕОДОЛЕНИЯ СМУТЫ НА РУСИ. Методическая разработка урока и материалы к урокам по курсу истории России для учащихся 7-го класса 64

2012 год — год 200-летия Победы в Отечественной войне 1812 года

Священник Димитрий Долгушин
БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ. Материалы к уроку родной истории для учащихся 6–7 классов 83

Н.Е.Тропина
ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....88

В КОНЦЕ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА. Сценка для школьников 114

Ф.Беккер
ВОСПОМИНАНИЯ О РАЗОРЕНИИ И ПОЖАРЕ МОСКВЫ В 1812 ГОДУ.....116

А.Н.Муравьёв
БОЛЬШОЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ХОД в память освобождения Москвы от галлов 132

СТИХИ.....135

Приложения

СЦЕНКА «ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД» (1912. К 100-летнему юбилею Победы над Наполеоном). НОТЫ 146

№1 2013 г. (№12)
«Преподобный Сергий — духовный воспитатель русского народа»

ОТ РЕДАКЦИИ.....3

Преподобный Сергий — духовный собиратель Земли Русской

Протоиерей Борис Пивоваров
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ. К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.....6

СВЕТИЛЬНИК МНОГОСВЕТЛЫЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ (по В.О.Ключевскому) 21

Е.В.Комлева
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО.....29

Н.Н.Покровский
«ШКОЛА ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО» 43

Иван Долгушин
ГЕРОИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ.....52

Преподобный Сергий в литературе и искусстве

Священник Димитрий Долгушин
ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В РУССКОЙ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ 59

Н.Л.Панина
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В МИНИАТЮРАХ XVII ВЕКА.....70

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО НА ЯРОСЛАВСКОЙ ИКОНЕ XVII ВЕКА.....77

А.В.Малыгин
НРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ КАРТИНЫ МИХАИЛА НЕСТЕРОВА «ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ» 83

Материалы к урокам

Л.Г.Панин
ТРИ УРОКА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ РАДОНЕЖСКОМ ..92

Методические разработки уроков

М.Н.Баженова, О.А.Ромашёва
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ. Методические разработки уроков для подготовительной, старшей групп детского сада и младших школьников 108

А.И.Кириллова
К ДНЯМ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. Методическая разработка уроков технологии для дошкольников и учащихся младших классов общеобразовательных школ 123

Приложение

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 137

№1 2015 г. (№13)
«Цивилизационный выбор Руси»

ОТ РЕДАКЦИИ.....3

ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА В СВЯЗИ С 1000-ЛЕТИЕМ ПРЕСТАВЛЕНИЯ РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.....7

2015 год — год 1000-летия со дня преставления святого князя Владимира

Протоиерей Борис Пивоваров
СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР — ПРОСВЕТИТЕЛЬ РУСИ 9

Памятники древнерусской письменности о князе Владимире и Крещении Руси

ВЫБОР ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ. ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» 19

КРЕЩЕНИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА. ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ».....20

О КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ. ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» 22

ПОХВАЛА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НАШЕМУ ВЛАДИМИРУ. ИЗ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» 23

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ. НАПИСАНО ИАКОВОМ МНИХОМ 29

Учебно-методические разработки

Л.М.Донченко
ЛЕТОПИСНЫЕ РАССКАЗЫ «ВЫБОР ВЕРЫ» И «КРЕЩЕНИЕ РУСИ» 35

Протоиерей Димитрий Долгушин, Е.В.Комлева
КРЕЩЕНИЕ РУСИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ 48

Е.В.Комлева
ОБРАЗ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КРАСНО СОЛНЫШКО В РУССКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ.....61

Протоиерей Борис Пивоваров
КРЕЩЕНИЕ РУСИ.....79

А.И.Кириллова
АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА 84

Торжества в честь юбилеев Крещения Руси

ПРАЗДНОВАНИЕ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ 98

ПРАЗДНОВАНИЕ 900-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ 106

Н.Е.Тропина
«ПОХВАЛИМ ЖЕ И МЫ...» 119

Приложения

СТИХОТВОРЕНИЯ.....130

КРЕЩЕНИЕ РУСИ (СЦЕНАРИЙ).....138

ПАРТИТУРЫ.....141

№1 2018 г. (№14)
«Патриарх Тихон»

ОТ РЕДАКЦИИ.....3

Николай Николаевич Покровский, академик РАН
ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В 1921–1925 ГОДАХ (лекция) 5

Протоиерей Борис Пивоваров
ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА.....36

С.Ф. Ахмадиева
«ДЛЯ ВСЕХ СДЕЛАЛСЯ ВСЕМ, ЧТОБЫ СПАСТИ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ НЕКОТОРЫХ...» ...47

М.К.Третьякова
ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА 65

Приложения

ПОСЛАНИЯ, ВОЗЗВАНИЯ, ПРОПОВЕДИ, БЕСЕДЫ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА 77

РОССИЯ В ПРОКАЗЕ. Поучение, сказанное Святейшим Патриархом Тихоном при служении Литургии в Николо-Воробьинской церкви в Москве 14 января 1918 года 77

ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА ПО ПОВОДУ БРЕСТСКОГО МИРА. 5 марта 1918 года 78

ОБРАЩЕНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА К СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В СВЯЗИ С ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 25 октября 1918 года.....80

ВОЗЗВАНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА К НАРОДАМ МИРА И К ПРАВОСЛАВНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПО ПОВОДУ ГОЛОДА В РОССИИ. 9 августа 1921 года 83

СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ, сказанное епископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном в кафедральном соборе Сан-Франциско 23 февраля 1903 года 84

БЕСЕДА архиепископа Алеутского и Северо-Американского Тихона в храме города Манфилда 18 февраля 1907 года 86

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ.....88

Рождественский А. П., протоиерей
СВЯТЕЙШИЙ ТИХОН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ 88

Трубецкой Г. Н., князь
ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА 91

Зайцев Б.К.
ВЕНЕЦ ПАТРИАРХА 97

Анастасия Цветаева
ВОСПОМИНАНИЯ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ (1922–1923?) 99

СТИХИ О ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ 101

№1 2020 г. (№15)
«Время издавать источники».
Н. Н. Покровский

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Академик Николай Николаевич Покровский
Смутное время на Руси. Курс лекций

Лекция 1.
НАЧАЛО СМУТЫ 9

Лекция 2.
ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА И ЛЖЕДМИТРИЙ II 32

Лекция 3.
ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ. ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ 52

Лекция 4.
ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО. КОНЕЦ СМУТЫ 69

ПАМЯТНЫЕ ЭПИЗОДЫ
(Фотогалерея) 91

Протоиерей Борис Пивоваров
НАУЧНЫЙ ПОДВИГ ИЗДАТЕЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ 95

№2 2020 г. (№16)
«Не в силе Бог, но в правде»

Протоиерей Борис Пивоваров
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА. Предисловие 3

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл
ИМЯ РОССИИ – АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. Представление на конкурсе «Имя России» 5

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл
ВЛАСТЬ И СПАСЕНИЕ. БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.....8

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв
СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ НЕВСКОМ.....21

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)
ЗАСТУПНИК И СВЕТИЛЬНИК ОТЕЧЕСТВА 23

Материалы к урокам

С. Ф. Ахмадиева
СВЯТОЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – СЛАВНОЕ ИМЯ РОССИИ.
Для дошкольного возраста.....38

А. И. Кириллова
ЗАЩИТНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ. Для дошкольного и младшего школьного возраста 46

Протоиерей Борис Пивоваров
СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. Для младшего школьного возраста 57

М. А. Шикова
НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ — КТО ОН? Методическая разработка классного часа в 8–9 кл. ..61

М. К. Третьякова
ОБРАЗ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.
Для старшего школьного возраста.....74

Статьи

С. Ф. Ахмадиева
ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ СВЯТОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО 91

О. А. Павлова
ХРАМЫ В ЧЕСТЬ И СЛАВУ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО 98

М. К. Третьякова
О РАННИХ РЕДАКЦИЯХ ЖИТИЯ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО 123

Протоиерей Борис Пивоваров
ЖИТИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
В СТЕПЕННОЙ КНИГЕ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ.....131

№1 2022 г. (№17)
«Стояние за веру Православную»

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл
ПОСЛАНИЕ, ПОСВЯЩЁННОЕ 100-ЛЕТИЮ ПОДВИГА НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ ЦЕРКВИ РУССКОЙ ПРИ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 5

Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон
ВОЗЗВАНИЕ К НАРОДАМ МИРА И К ПРАВОСЛАВНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПО ПОВОДУ ГОЛОДА В РОССИИ. 21 августа 1921 г. 8

Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон
ВОЗЗВАНИЕ К ВЕРУЮЩИМ. 6 февраля 1922 г. 10

Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон
ВОЗЗВАНИЕ К ДУХОВЕНСТВУ И ВЕРУЮЩИМ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ПОВОДУ ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ. 28 февраля 1922 г. 11

Академик Н.Н.Покровский
ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В 1921–1925 ГОДАХ 13

Протоиерей Борис Пивоваров
ВЕЛИКОЕ СТОЯНИЕ ЗА ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ В 1922 ГОДУ 47

Из книги «Русская Православная Церковь в XX веке»
О КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 1921–1922 ГГ. 81

М.К.Третьякова
К 100-ЛЕТИЮ ПОДВИГА НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ ЦЕРКВИ РУССКОЙ ПРИ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ. ЛЕКЦИЯ 100

100-ЛЕТИЕ ПОДВИГА НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ ЦЕРКВИ РУССКОЙ ПРИ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ.
Материал для тематического урока.....110

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ 119

№2 2022 г. (№18)
«600-летие обретения мощей Преподобного Сергия»

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ПАТРИАРШЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ ТОРЖЕСТВЕННОГО ПРИНЕСЕНИЯ КОВЧЕГА С МОЩАМИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 5

ШЕСТВИЕ КОВЧЕГА С ЧЕСТНЫМИ МОЩАМИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО ПО РОССИИ 8

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)
ОБРЕТЕНИЕ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ 12

М.К.Третьякова
ОБ ОБРЕТЕНИИ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО 21

О.А.Павлова
ТРОИЦКИЙ СОБОР ЛАВРЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ 29

Протоиерей Борис Пивоваров
ПРАЗДНИЧНЫЙ РЯД ИКОНОСТАСА ТРОИЦКОГО СОБОРА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ 43

М.А.Шикова
ЛИЦЕВОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО — УНИКАЛЬНАЯ РУКОПИСЬ XVI ВЕКА 59

С.Ф.Ахмадиева
«ЖИВОПИСЬ ИГЛОЙ»: О НАДГРОБНЫХ ПОКРОВАХ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО 69

ПРИЛОЖЕНИЯ

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА ОБ ОСАДЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ 78

Священник Павел Флоренский
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РОССИЯ (в сокращении) 94

В.О.Ключевский
ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА 106

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР 118

Архимандрит Аристарх (Станкевич)
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА 129

ВОСПОМИНАНИЯ ПАЛОМНИКОВ О ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ 141

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ 151

№1 2023 г. (№19)
«Нравственное влияние — главная задача воспитания»

К.Д.Ушинский

ОТ РЕДАКЦИИ.....3

«РОДНОЕ СЛОВО» К.Д.УШИНСКОГО. Урок для учащихся среднего школьного возраста.....7

Материалы к урокам

Протоиерей Борис Пивоваров
НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ УШИНСКОГО 12

О. А. Павлова
КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ УШИНСКИЙ КАК ПЕДАГОГ-ВОСПИТАТЕЛЬ, НАСТАВНИК, УЧЁНЫЙ 19

М. К.Третьякова
«ДЕТСКИЙ МИР И ХРЕСТОМАТИЯ» К.Д.УШИНСКОГО 47

М. А. Шикова
«РОДНОЕ СЛОВО» К.Д.УШИНСКОГО КАК УЧЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ И АКТУАЛЬНОСТЬ В НАШИ ДНИ.....60

Статьи о К.Д.Ушинском

М.Л.Песковский
КОНСТАНТИН УШИНСКИЙ. ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 71

Л.Н.Модзалевский
О НАРОДНОСТИ В ВОСПИТАНИИ ПО УШИНСКОМУ 111

Д.Д.Семёнов
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ УШИНСКОГО1 118

Ю.Ю.Цветковский
МЫСЛИ УШИНСКОГО О ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ РОДНОЙ ПРИРОДЫ И РОДНОГО СЛОВА 130

Протоиерей Василий Зеньковский
К.Д.УШИНСКИЙ 136

Б.Г.Бобылев
МОЛИТВА, ОБРАЩЁННАЯ К БОГУ: О ХРИСТИАНСКИХ ОСНОВАХ ПЕДАГОГИКИ К.Д.УШИНСКОГО 143

Статьи К.Д.Ушинского

Предисловие к статье «О НРАВСТВЕННОМ ЭЛЕМЕНТЕ В РУССКОМ ВОСПИТАНИИ»...152

РОДНОЕ СЛОВО.....157

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА УШИНСКОГО.....170

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ 174